

Годъ 10-й.

Кн. XXXVIII

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1898, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ЯНЧУКА.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Комиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1898.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естественна нѣа,
Антропологич и Этнографич.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. „Медвѣжья присяга“ и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ. Гл. I. П. <i>Харузина</i>	1
II. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. I. Родимные и свадебные обычаи. Н. <i>Державина</i>	37
III. Технические приемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи въ связи съ поэтическими мотивами. Вл. <i>Карпова</i>	68
IV. О погребальныхъ обрядахъ:	
I. Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малоросіи. Хр. <i>Яцуржинскаго</i>	93
II. Малорусскіе обряды, повѣрья и заплатаки при похоронахъ. А. Н. <i>Малинки</i>	96
III. Новогреческія похоронныя причитанія и представленія о загробной жизни. Елю-же.	107
V. О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями. Гр. <i>Верещагина</i>	113
VI. Смѣсь:	
„Женитьба кѣмина“ и „женитьба свѣчки“. (Изъ записокъ собирателя). П. В. <i>Шейна</i>	152
Къ исторіи народнаго театра. IV. „Царь Максимилианъ“. (Вариантъ 2-й). А. Е. <i>Грузинскаго</i>	161
Духовные стихи, записанные въ Минской губ. А. Е. <i>Грузинскимъ</i> , въ Тульской губ. — Д. И. <i>Успенскимъ</i> , въ Московской губ. — С. И. <i>Латшинимъ</i> , въ Вологодской — П. А. <i>Дилакторскимъ</i>	168

VII. Критика и библиографія.

Стр.

1 Книги и ученые изданія	187—199
A. Vierkandt. Die Entstehungsgründe neuer Sitten. Н. X. (187).—Великоруссь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, вып. 1. А. Соболевскаго и Вл. Б. (189). Простонародныя загадки. Собралъ въ Витебской губ. Н. Я. Никиѳоровскій. <i>Этн. Ляцкаю</i> (196).—L'Année sociologique, publiée sous la direction d'Emile Durkheim. I. 1896—1897. Н. X. (197).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ 1897—1898 гг.	200—202
3. Новости этнографической литературы	203—205
VIII. Вопросы и отвѣты. (Собраніе пословицъ, загадокъ, заговоровъ, снотолкованій и пр.)	206
IX. Извѣстія и замѣтки. (Научныя командировки отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.—Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева).	207
Объ изданіи „Эминскаго Этнографическаго Сборника“.	208

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

И

Тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

1.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибѣгаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебного доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершеніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придаютъ остяки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещенные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ приемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остяковъ на медвѣжьей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говоритъ при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестию сію клятву утвораете и неправедно служить и радѣть въ отда-

ни ясаку будете, звѣрь сей отмщеніе вамъ да будетъ, и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правдою (и?) вѣрностію, ею-же общаешься, творыти хочещи“¹⁾.

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности омажу: то чтобъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобъ мнѣ заколоться“²⁾.

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще клятва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остяковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остяковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершеніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чемъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть“.

Другой способъ принесенія клятвы на медвѣдь описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершеніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжий носъ и произноситъ: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь“³⁾. Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

¹⁾ Краткое описаніе о народѣ остякомъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

²⁾ Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

³⁾ Этнографическія замѣчанія и наблюденія, — въ Этнограф. Сборникѣ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словамъ Квистрена, обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, предпочтетъ сознаться въ преступленіи, но не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потопеть ли же кто, или сгррить, или кого съѣсть медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описаніе очистительной присяги у остяковъ: „Даютъ виновному медвѣжьей зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животнаго“ ¹⁾.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остяковъ и вогуловъ, Н. Л. Гондатти, сообщаетъ также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ ²⁾.

Алквистъ ³⁾ упоминаетъ объ интересномъ обычаѣ вогуловъ, заключать союзъ, скрѣпляя послѣдній „медвѣжьей присягой“: русскіе и вогулы, отправляясь совмѣстно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію вогуловъ, раздѣляемому и русскими, съѣденъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаевъ инородцевъ Тобольской губ.—вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоевасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда улики окажется недоста-

¹⁾ Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, — въ Трудяхъ Этнографическаго Отд. И. О. Д. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

³⁾ Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика: принимающій присягу долженъ, стоя на колѣняхъ, поцѣловать медвѣжьё голову, или укусить медвѣжьё зубъ или кожу ¹⁾).

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью остяковъ. „Подобныя присягой обязательства, пишетъ онъ, ²⁾ гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходитъ, въ большей части инородческихъ въ Сибири народовъ въ употребленіи“. Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и остяковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастрена сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдѣ. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжьё голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаютъ медвѣдѣя могущественнѣе даже своего фетиша (хаи), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенымъ самоѣдамъ разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. ³⁾ Вышеприведенныя правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, относятся не только къ вогуламъ и остякамъ, но и къ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой. Въ изложеніи Кастрена, однако, есть данныя, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланнаго изъ сѣнга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты украдъ, то падешь, какъ эта собака“. Въмѣсто фетиша употреблялась иногда медвѣжьё голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтникомъ, а истцомъ ⁴⁾).

¹⁾ Д. Я. Самоковасовъ: Сборникъ обычн. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

²⁾ Палласъ, I. с., стр. 74.

³⁾ Этнографическій Сборникъ. 1858, IV, стр. 295.

⁴⁾ Ibid. стр. 295.

У юраковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуеть медвѣжьё шкуру, послѣ чего одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго“—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животнаго.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебного доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга“. Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершении кражи, „сперва увѣщываютъ обвиняемаго, пишутъ напр. г. Щукинъ, обнадеживаютъ его прощениемъ, лишь бы заплатилъ, что стоитъ украденное; но когда видятъ, что слова бесполезны, приносятъ въ юрту медвѣжьё голову и кладутъ на полъ подлѣ огня; въ то же время ставятъ на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставятъ на колѣни и велютъ произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло это пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и чтобъ медвѣдь такъ меня изѣлъ, какъ я теперь буду кусать его“. Тутъ велютъ ему выпить немного масла и три раза угрызть медвѣжьё голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитруемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшится на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я и не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги“¹⁾).

Дальше, пишетъ г. Третьяковъ, практикуютъ слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги“: собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжьё лапу вмѣстѣ съ когтями. Пока лапа горитъ, присутствующіе держатъ руки надъ костромъ. Черезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы“ у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ²⁾).

Не увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ“ у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остязки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

¹⁾ Н. С. Щукинъ: Якуты, — въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

²⁾ Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему нерѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ ¹⁾. Что же касается до клятвы ножомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остяковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на маслѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ приемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистически-фетишистское представленіе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣетъ свою душу, свое второе я, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь надѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, приносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитіе религіозныхъ представленій не измѣняетъ приемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающей видитъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножь, топоръ, ружье, копье и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо изберетъ орудіемъ своей мести предметъ, на которомъ проносятъ присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно иное: присягающей вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого приемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

¹⁾ Палласъ. Путешествіе III, пол. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебного показательства, отъ „божьяго суда“ ордалий заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественнаго существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣетъ мѣсто при примѣненіи ордалий, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопредѣленнаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди остяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается исполнѣ естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у остяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австраліи. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культѣ что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представленій о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различные источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическія вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основѣ поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ

и опредѣленіе источника происхожденія употребительной остяками медвѣжьей присяги.

Почитаніе медвѣдя не можетъ быть поставлено въ связь съ фетишизмомъ. Культъ, вытекающій изъ послѣдняго, имѣетъ всегда объектомъ опредѣленный, индивидуальный предметъ, а не видъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ культѣ медвѣдя, гдѣ всѣ медвѣди считаются одинаково священными, всѣ имѣютъ право требовать въ отношеніи къ себѣ опредѣленныхъ формъ почитанія. Въ случаяхъ, когда весь видъ животныхъ, растений, предметовъ и пр. считается надѣленнымъ сверхъестественными способностями, не можетъ быть рѣчи о фетишизмѣ. Поэтому, хотя въ вѣрованіяхъ остяковъ и многихъ другихъ русскихъ сѣверныхъ инородцевъ фетишизмъ, въ своемъ подчасъ крайне примитивномъ и грубомъ видѣ, занимаетъ немаловажное мѣсто и во всякомъ случаѣ представляетъ еще вполне жизненное явленіе, въ немъ нѣтъ возможности искать источника появленія культа медвѣдя. Остается, слѣдовательно, искать основу его происхожденія или въ тотемизмѣ или въ чувствѣ страха, которое внушаетъ первобытному охотнику животное, борьба съ которымъ представляетъ особенныя опасности или желаніе снискать благосклонность полезнаго животного. Изъ этихъ источниковъ мнѣ кажется болѣе основательнымъ остановиться на тотемизмѣ.

Тотемомъ, слѣдую опредѣленію Фрэзера ¹⁾, считается *классъ* предметовъ, на которые дикарь смотритъ съ суевѣрнымъ страхомъ, вѣруя, что между нимъ и *каждымъ членомъ этого класса* существуетъ тѣсная и совсѣмъ особенная связь. Изученіе тотемизма, какъ извѣстно, доказало, что тотемы могутъ быть личными и групповыми. Послѣдніе въ свою очередь могутъ быть семейными, родовыми, племенными и т. д. Далѣе извѣстно, что весьма характерной, хотя и не непремѣнной чертой тотемизма, является убѣжденіе, что между группой и ея тотемомъ существуетъ генетическая связь, т. е. что тотемъ—животное, растение и т. д.—оказывается предкомъ членовъ данной группы. На почвѣ этихъ вѣрованій возникаетъ рядъ обычаевъ и обрядовъ, которыми отличается тотемизмъ. Тотемическія представленія развиваются и видоизмѣняются соотвѣтственно съ культурнымъ ростомъ племени и приводятъ посте-

¹⁾ Frazer: Totemism, 1.

пенно къ поклоненію животному, какъ таковому: въ этомъ фазисѣ своего развитія зоолатрія, возникшая изъ тотемизма, настолько по внѣшнимъ признакамъ походить на зоолатрію, развившуюся изъ чувства страха дикаря предъ опаснымъ звѣремъ, что отыскать тотемическія основы не всегда оказывается легкой задачей. Намъ предстоитъ такимъ образомъ рассмотретьъ типичныя черты культа медвѣдя у нашихъ инороцевъ и отмѣтить тѣ стороны его, которыя могутъ быть объяснены исключительно изъ древнихъ тотемическихъ представленій.

Культъ медвѣдя въ настоящее время не носитъ ни у остяковъ, ни у другихъ народовъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, опредѣленныхъ чертъ тотемизма. Тотемическія вѣрованія остяковъ, предполагая, что они когда-нибудь существовали, уступили въ настоящее время другимъ, болѣе высокимъ религіознымъ представленіямъ, спиритуалистическому взгляду на высшія существа; какъ наглядный остатокъ древнѣйшихъ вѣрованій и культа, сохраняется однако широко практикуемый фетишизмъ. Медвѣдь пользуется почитаніемъ, но уже не въ качествѣ тотема. Намъ не извѣстно преданій, повѣствующихъ о происхожденіи остяковъ отъ медвѣдя; самъ культъ не носитъ характера родового или семейнаго, что оказывается чрезвычайно типичнымъ для тотемическаго культа; наконецъ, тотема обыкновенно берегутъ, не употребляютъ въ пищу, — медвѣдя остяки считаютъ лакомымъ блюдомъ. Если почитаніе медвѣдя и носитъ черты, которыя мы находимъ и въ тотемическомъ культѣ, то многія изъ нихъ находятъ себѣ аналогіи и въ зоолатрическомъ культѣ, возникшемъ изъ страха или стремленія къ почитанію полезнаго животнаго; а тѣ черты, которыя имѣютъ связь съ тотемизмомъ, исполняются уже бессознательно, сохранившись въ качествѣ наслѣдія съдой старины. Однимъ словомъ, культъ медвѣдя у остяковъ *въ настоящее время* не можетъ быть признанъ тотемическимъ, потому что остяки не признаютъ никакой связи между собой и медвѣдями, а также оттого, что, по справедливому замѣчанію Марилье ¹⁾, если извѣстный ритуаль оказывается дѣйствительно тотемическимъ, то обоготворяемое существо не можетъ быть священнымъ существомъ всего племени и тѣмъ

¹⁾ Marillier: La place du totémisme dans l'évolution religieuse. Revue de l'hist. d. rel. XXXVI, 2, стр. 231.

менѣе всей народности; если же мы имѣемъ дѣло съ существомъ, признаваемымъ священнымъ цѣлымъ народомъ, то ритуальные обычаи хотя и являются подчасъ аналогичными тотемическимъ, хотя они и преслѣдуютъ иногда тѣ же цѣли, но они уже не могутъ быть признаваемы за тотемическіе.

Но, съ другой стороны, отрицать существованіе тотемическаго характера зоолатріи въ *современныхъ* вѣрованіяхъ народности еще не значитъ отрицать *возможность происхожденія* ея изъ забытыхъ въ настоящее время тотемическихъ вѣрованій.

Фрэзеръ, подвергшій обстоятельному разбору обычаи и обряды, связанные съ культомъ медвѣдя ¹⁾, склоненъ производить его и аналогичные культы изъ чувства страха, внушаемаго дикарю животнымъ, опасеніемъ, что убитое животное, если его не почтять, будетъ мстить охотнику и пр; однимъ словомъ, пользуясь выраженіемъ Фрэзера, если при тотемизмѣ не употребляютъ животное въ пищу, потому что его чтутъ, то здѣсь наоборотъ животное чтутъ, потому что его употребляютъ въ пищу. Оба представленія могутъ свободно уживаться въ міровоззрѣніи дикаря: тотема, какъ общее правило, не употребляютъ въ пищу, и если употребляютъ, то рѣдко и лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Другихъ крупныхъ представителей фауны употребляютъ въ пищу, но ихъ стараются умилостивить различными способами. Къ этому же объясненію происхожденія культа медвѣдя, въ частности и у остяковъ, склоняется Алевистъ и Маралье: ²⁾ остяки, коряки или краснокожіе сѣв. Америки, вынужденные убить медвѣдя, стараются путемъ очистительныхъ дѣйствій успокоить духъ убитаго и при помощи различныхъ средствъ отнести вину совершеннаго убійства на другихъ. Въ всякаго сомнѣнія, что эти черты оказываются преобладающими при исполненіи обрядовъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Остяки, равно и вогулы вѣруютъ въ сверхъестественную силу медвѣдя; онъ звѣрь, особенно и преимущественно почитаемый. Его остяки и вогулы, какъ и многіе другіе инородцы Россіи, равно и русскіе крестьяне многихъ мѣстностей, опасаются на-

¹⁾ Frazer: The golden Bough, II, стр. 99—135.

²⁾ Marillier: La place du totémisme etc., l. c., стр. 217. Ahlquist: Unter Wogulen u. Ostjaken, стр. 297.

зывать по имени или говорить о немъ дурно. Ни одинъ остякъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Паткановъ ¹⁾, не рѣшится по убіеніи медвѣдя сказать: „мы сняли съ него шкуру“ или „убили медвѣдя“; онъ скажетъ вмѣсто этого: „мы сняли съ «него» его священную малицу“, или: „священный звѣрь скончался“. Само названіе медвѣдя нельзя безъ особой крайности употреблять въ разговорѣ; о медвѣдѣ говорятъ, называя его или просто „онъ“, или „отцомъ“, „священнымъ звѣремъ“, „добрымъ звѣремъ“ и т. п. Наконецъ, само названіе медвѣдя не болѣе, какъ эпитеты, означающіе въ переводѣ, напр., „покрытый шубой старикъ“, „старикъ съ когтями“ и пр. ²⁾ Въ этомъ опасеніи упомянуть о медвѣдѣ мы имѣемъ случай проявленія лишь широко распространеннаго у множества некультурныхъ народностей взгляда, что существо сверхъестественное или правильнѣе духъ этого послѣдняго имѣетъ способность слышать, что о немъ говорятъ, можетъ случайно невидимо присутствовать при разговорѣ и за дурные отзвывы такъ или иначе наказывать говорящаго. Вѣра въ возможность обмануть духа, называя его не по имени, а говоря о немъ иносказательно, совершенно свободно уживается съ вышеприведеннымъ убѣжденіемъ въ способности духа услышать разговоръ, вслѣдствіе того, что остяки, какъ и другіе некультурные народы, надѣляя души своихъ сверхъестественныхъ существъ чудесными способностями, напр. быстро переноситься съ мѣста на мѣсто, быть невидимыми и т. д.—не лишаютъ ихъ тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыми обладаетъ самъ дикарь. Это опасеніе говорить о медвѣдѣ у остяковъ возникаетъ на общей почвѣ анимистическихъ представленій, совершенно такъ-же, какъ жители Суматры избѣгаютъ говорить о тигрѣ, называя его описательно „предкомъ“, Камчадалы неохотно произносили имена китовъ, волковъ и медвѣдей. Множество народностей изъ этого же чувства страха не произносятъ имени умершаго,—обычай, который, какъ извѣстно, существуетъ, напр., и у остяковъ и самоѣдовъ. Если наименованіе тигра предкомъ у населенія Суматры стоитъ, какъ на это указываютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, иногда въ связи съ тотемизмомъ, съ представленіемъ, что тигръ есть дѣйстви-

¹⁾ Patkanow: Die Irtysh-Ostjaken, стр. 127.

²⁾ Ср. Потанинъ: Оч. свв.-зап. Монголіи, IV, стр. 755.

тельно родоначальникъ извѣстной родственной группы, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія производить обычай называть опаснаго звѣря „отцомъ“, какъ это имѣетъ мѣсто у остяковъ въ отношеніи къ медвѣдю, непрѣнно въ тотемизма: „отецъ“, въ данномъ случаѣ можетъ быть простымъ ласкательнымъ эпитетомъ или словомъ, позволяющимъ остяку говорить о медвѣдѣ дурно, не возбуждая въ немъ, если его духъ подслушиваетъ разговоръ, подозрѣній, что рѣчь шла о немъ.

Далѣе, характерная черта въ отношеніяхъ остяка къ медвѣдю заключается въ томъ, что охотникъ извиняется предъ убитымъ за совершенный поступокъ и старается сложить вину съ себя, обвиняя въ убійствѣ постороннихъ лицъ. Остякъ спѣшитъ заявить убитому звѣрю, что онъ застрѣлилъ его нечаянно, что онъ не виноватъ, такъ какъ русскіе изготовили ружье ¹⁾.

Каждый инородецъ, убившій медвѣдя, сообщаетъ г. Гондатти, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, рассчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему сторицей; онъ извиняется, что убилъ медвѣдя: „ты прости меня, говоритъ онъ, и не суди строго; вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинець; я же всегда тебя любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь“. Иногда извиненія приносятся передъ убійствомъ: охотникъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ заявляетъ послѣднему: „извини меня, что я намѣреваюсь убить тебя: ты самъ набрелъ на меня, бѣдняжка, такъ не сердись, добрый старичекъ“ ²⁾.

Въ обычаяхъ остяковъ извиняться предъ убитымъ звѣремъ нѣтъ ничего оригинальнаго: остякъ вѣритъ, что опасно оскорбить чѣмъ-нибудь тѣни убитаго звѣря: духъ медвѣдя все видитъ и слышитъ; за оскорбленіе тѣни медвѣдя „плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не одобровать ему, а погнубить подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря“ ³⁾. Совершенно то же чувство страха предъ тѣнью убитаго крупнаго представителя фауны заставляеть коря-

¹⁾ Patkadow, I с. 127.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя. Этногр. Обзор. IV, стр. 101.

³⁾ Н. Л. Гондатти. Культъ медвѣдя.—въ Тр. Этн. отд. И. О. Л. Е.. А. и Э. VIII, стр. 74, 79.

ковъ, по снятіи шкуры съ застрѣленнаго волка или медвѣдя, наряжать одного изъ домашнихъ въ эту шкуру, плясать и пѣть вокругъ него, причемъ въ пѣснѣ увѣряютъ, что не они убили звѣря, а другіе, и особенно охотно приписываютъ вину русскому ¹⁾). Шефферъ сообщаетъ объ обычаяхъ лопарей послѣ удачной охоты на медвѣдя пѣть предъ тѣломъ убитаго звѣря особую пѣснь, въ которой выражаютъ свою радость по поводу прихода медвѣдя и благодарятъ его за то, что онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, не сломалъ имъ копья и палки, которыми они его убили. Далѣе подмѣченный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лалландіи обычай, прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, увѣщевать его, чтобы онъ не попалъ первый на охотника, встрѣчается еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ у русскихъ лопарей и находитъ себѣ аналогию въ обычаяхъ кафровъ при охотѣ на слона ²⁾).

О культѣ медвѣдя въ прежнее время среди западныхъ финновъ сохранились прекрасныя свѣдѣнія въ Калевалѣ. Вейнемейненъ, убивъ медвѣдя, считаетъ необходимымъ принести ему извиненія. Хотя эти послѣднія и носятъ нѣсколько иронической оттѣнокъ, но дальнѣйшее описаніе пиршества и пѣсенъ его сопровождающихъ свидѣтельствуетъ, что и у зап. финновъ культъ медвѣдя, повидимому, не представляетъ рѣзкихъ отличій сравнительно съ остяками и вогулами ³⁾).

Значительное количество аналогичныхъ примѣровъ принесенія извиненій охотникомъ передъ или послѣ убійства опаснаго звѣря приведены Фрезеромъ ⁴⁾). Среди краснокожихъ Америки охота на медвѣдя считалась крупнымъ событіемъ, къ которому охотники готовились долгимъ постомъ, предъ охотой совершалось искупни-

¹⁾ Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III, стр. 26.

²⁾ Н. Харузинъ: Русскіе лопари, стр. 200, 204. Frazer: The golden Bough, II, 114.

³⁾ Калевала, р. 46, перев. Бальсаго: Вейнемейненъ убѣждаетъ медвѣдя, что не онъ виноватъ въ смерти звѣря:

„Мой возлюбленный ты Отсо (медвѣдь),	Самъ съ покатости свалился,
Красота съ медовой лапой!	Разорвалъ златое платье,
Не сердися ты напрасно;	Изъ вѣтвей твою одежду:
Я не билъ тебя, мой милый,	Сколько осенью бываетъ,
Соскользнулъ ты съ гладкой вѣтки,	Дни осенніе туманны* (стр. 539).

⁴⁾ Frazer: The golden Bough. II, 113 и слѣд.

тельное жертвоприношеніе духамъ медвѣдей, убитыхъ въ предшествующихъ охотахъ, причѣмъ обращались съ мольбой къ этимъ духамъ быть благопріятными охотникамъ. Кафры приносятъ извиненія убитому слону, увѣряя, что смерть его произошла отъ случайности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки выказываются особые знаки почитанія тѣлу убитаго льва. Въ западной Америкѣ охотника, убившаго леопарда, крѣпко связываютъ и ведутъ къ вождю, обвиняя охотника въ убійствѣ ихъ начальника. Охотникъ въ свою защиту говоритъ, что леопардъ начальникъ лѣса и слѣдовательно чужой, послѣ чего его отпускаютъ на свободу. Туземцы Гвіаны принимаютъ также цѣлый рядъ предосторожностей, чтобы обезопасить себя отъ мести убитаго ими тапира. Населеніе Камбоджи проситъ извиненія у животнаго послѣ убійства послѣдняго, чтобы его духъ не приходилъ и не мучилъ ихъ: они приносятъ жертвы убитому, но эти жертвоприношенія всегда пропорціональны величинѣ и силѣ животнаго. Поэтому убійство слона сопровождалось всегда торжественными обрядами.

Первобытный дикарь, надѣлая животныхъ тѣми же чувствами и способностями, какъ и людей, признавая у животныхъ такую же душу, какъ и у челоуѣка, переживающую тѣло послѣ смерти, естественно стремится гарантировать себя отъ мести духа убитаго звѣря. Вслѣдствіе этого нерѣдко встрѣчается, что дикарь избѣгаетъ вообще убивать опасное животное: даяки Борнео или населеніе Мадагаскара избѣгаютъ убивать крокодила, нѣкоторыя племена сѣв. Америки—гремучую змѣю, жители Суматры—тигра и т. д. Такимъ образомъ опасный звѣрь, не будучи тотемомъ, тѣмъ не менѣе оберегается населеніемъ изъ соображеній, что духъ его, столь же опасный послѣ смерти, не достаточно умилостивленный, можетъ принести больше вреда, чѣмъ живой звѣрь. Страхъ предъ духомъ убитаго звѣря приводитъ не только къ извиненіямъ, которыя дикарь приноситъ предъ тѣломъ своей добычи, но и къ празднеству, составляющему характерную черту и культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Совершенно такъ же, какъ празднество устраивается послѣ удачной охоты на слона, льва и др. крупныхъ представителей фауны, остяки, вогулы и нѣкоторыя другіе инородцы Россіи, равно и населеніе сѣв. Америки послѣ убійства медвѣдя, приступаютъ къ

торжественному пиршеству. Характеръ этого послѣдняго не позволяетъ предполагать, чтобы оно возникло изъ обычныхъ пиршествъ, которыми можетъ сопровождаться обыкновенная удачная охота дикарей, благодаря обилію пищевыхъ продуктовъ. Всюду это пиршество носитъ ритуальный характеръ; всѣ дѣйствія исполняются по строго опредѣленному обычаю; наконецъ они имѣютъ характеръ почитанія звѣря. Въ основѣ большинства обрядовъ, сопровождающихъ празднество, лежитъ мысль умиловленія духа убитаго звѣря и затѣмъ принятіе мѣръ предосторожности отъ могущей послѣдовать съ его стороны мести за убійство.

Остяки, пишетъ Палласъ ¹⁾, „содранную кожу (медвѣдя) вѣшаютъ на высокомъ деревѣ, показываютъ ей всякое почтеніе, извиняются наи чувствительнѣйше, что убили, думая, что они чрезъ то предупредить тотъ вредъ, какой душа медвѣдя имъ сдѣлать можетъ“. Не останавливаясь на подробностяхъ, сопровождающихъ праздникъ по убіеніи медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся указаніями только на слѣдующія черты его ²⁾:

1) Шкуру съ убитаго медвѣдя снимаютъ съ особой предосторожностью, дѣлая видъ, будто снимаютъ съ него его шубу. Опасаются оставлять въ лѣсу, на мѣстѣ охоты, частицы тѣла медвѣдя. Въ случаѣ, если не нуждаются въ мясѣ медвѣдя, необходимо его предать землѣ, какъ дѣлаютъ съ покойникомъ. Несоблюденіе же этихъ обрядовъ повлечетъ за собой дурныя послѣдствія.

2) Послѣ убіенія медвѣдя, равно и по принесеніи медвѣдя въ юрту, остяки зимой бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а лѣтомъ или опрыскиваютъ другъ друга водой, или бросаютъ другъ въ друга землей. Вѣроятнѣе всего, что этотъ обычай стоитъ въ связи съ сознаніемъ необходимости очистить себя послѣ совершеннаго убійства медвѣдя. Очищеніе приняло символическую форму.

3) Торжественное перенесеніе медвѣдя въ селеніе носитъ одновременно характеръ почитанія и предосторожности. Первое ясно сказывается въ бережности, съ которой шкура медвѣдя переносится: охотникъ кладетъ ее себѣ на грудь, лапы складыва-

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 1, стр. 85.

²⁾ Раѣканов, I. с.; Н. Л. Гондатти, I. с.; Н. Ядринцевъ: О зультѣ медвѣдя.

ются, голова, съ которой, какъ и съ лапъ, не снимаютъ шкуры, покоится на плечѣ охотника. Сопровождающіе поютъ пѣсни въ честь медвѣдя, стрѣляютъ опредѣленное количество разъ изъ ружей и пр., женщины приступаютъ къ изготовленію въ переднемъ углу, въ наиболее почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для шкуры, куда она и кладется въ опредѣленномъ положеніи. Предосторожность выражается прежде всего въ томъ, что шкуру никогда не вносятъ черезъ дверь, а подаютъ ее или черезъ окно, или другое отверстіе. Обычай этотъ соблюдался и у лопарей въ прежнее время. Онъ очевидно стоитъ въ связи съ обычаемъ не выносить покойника черезъ двери, а черезъ какое-нибудь другое отверстіе, который отмѣченъ между прочимъ и у остяковъ и вогуловъ. Вообще обыкновеніе выносить умершаго не черезъ дверь, а черезъ другое отверстіе, для чего нерѣдко дѣлается проломъ въ жилищѣ, извѣстно у цѣлаго ряда народностей: оно отмѣчено у многихъ инородцевъ Россіи, гдѣ кромѣ остяковъ и вогуловъ ¹⁾ его соблюдали самоѣды, тунгусы, далѣе онъ встрѣченъ у эскимосовъ, тлинкитовъ, альгонкиновъ, оджибевевъ Сѣв. Америки, у нѣкоторыхъ народностей Африки, въ Меланезіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, въ Тибетѣ, Китаѣ, Сіамѣ и т. д. Онъ былъ извѣстенъ и въ Скандинавіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, Италіи, Голландіи и въ древней Россіи ²⁾. Этотъ обычай стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣръ предосторожности, которыя принимаются дикарями въ отношеніи къ своимъ умершимъ, и развивается на почвѣ первобытнаго воззрѣнія о тѣсной связи, существующей между душой и тѣломъ: все, что совершается въ отношеніи къ тѣлу, отражается и на душѣ. Выноса покойника не черезъ двери, а черезъ особое отверстіе, дикарь надѣется оградить себя отъ прихода духа умершаго; если онъ и вернулся бы, онъ не нашель бы дверей, такъ какъ слѣды привели бы его къ глухой стѣнѣ. Подобное предположеніе о возможности обмануть указаннымъ путемъ духа не должно казаться слишкомъ наивнымъ для мысли некультурнаго человѣка: хотя душа по вѣрованіямъ дикаря и представляетъ существо, обладающее сверхъестественной силой, способностью къ превращеніямъ и пр.,

¹⁾ Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій Маньчжовъ, стр. 66.

²⁾ Д. Н. Анучинъ: Сани, ладыя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда См. также Robinsohn: Die Psychologie der Naturvölker, стр. 45.

но это еще не значить, чтобы онъ смотрѣлъ на свою душу и души животныхъ и предметовъ, какъ на субстанцію духовную въ нашемъ смыслѣ этого слова. Душа прежде всего матеріальна и обладаетъ тѣми же качествами, какъ и живой человѣкъ: она, напр, можетъ заблудиться по дорогѣ отъ могилы въ селеніе; поэтому туземцы Юкатани, у которыхъ культъ умершихъ уже развитъ, отмѣчаютъ мѣломъ дорогу, ведущую отъ могилы къ жилимъ строениямъ: слѣдуя этимъ указаніямъ, душа не можетъ потерять дороги. Населеніе Никоборскихъ о-въ, раздѣляя вѣру въ способность душъ посѣщать живыхъ, желаетъ однако оградить себя отъ подобныхъ посѣщеній; жители убѣждены, что вполнѣ достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что ставятъ передъ жилищами нѣчто въ родѣ ширмъ или экрановъ изъ дребесной коры; души умершихъ не видятъ жилищъ и будутъ принуждены возвратиться ¹⁾). Совершенно та же цѣль достигается путемъ вынесенія покойника и черезъ дверь—онъ не найдетъ обратной дороги. Въ отношеніи къ медвѣдю очевидно соблюдается та же мѣра предосторожности: его вносятъ въ особое помѣщеніе, чрезъ особое отверстіе, и если бы душа медвѣдя пожелала послѣ посѣтить юрту, гдѣ лежала его шкура, она не найдетъ по слѣдамъ входныхъ дверей. Аналогичную мѣру предосторожности слѣдуетъ видѣть и въ обычаяхъ класть на глаза убитаго медвѣдя, послѣ того какъ его шкура будетъ расположена въ почетномъ углу, серебряныя монеты, и кромѣ того еще надѣвать берестяной намордникъ. Закрытіе глазъ покойника монетами или платкомъ, закрытіе ему рта, покрываніе его головы или всего тѣла и т. п. обряды находятъ себѣ обильныя аналогіи въ обычаяхъ разныхъ народовъ ²⁾). Сохраняясь долгое время въ качествѣ переживанія, эти обряды имѣютъ своимъ источникомъ желаніе помѣшать умершему смотрѣть на окружающихъ и узнавать ихъ. Что дѣлается въ отношеніи къ умершему человѣку, духа котораго дикарь всегда боится, примѣняется и къ медвѣдю, духъ котораго является не менѣе страшнымъ остяку или вогулу. Объясненіе въ настоящее время этого обычая инородцами, которое мы встрѣчаемъ у Н. Л. Гондатти ³⁾), что женщины

¹⁾ Spencer: Principes. II, стр. 244.

²⁾ Robinson: Psychologie d. Naturvölker, стр. 44.

³⁾ Н. Л. Гондатти, I. с. стр. 75.

не достойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, какъ это дѣлають мужчины, впервые входящіе въ юрту, гдѣ лежитъ медвѣдь, кажется намъ лишь позднѣйшимъ объясненіемъ обряда, ставшаго непонятнымъ для самихъ совершающихъ. Очевидно, что въ отношеніи къ медвѣдю, принесенному въ юрту, примѣняются тѣ же мѣры, какъ и къ покойнику во время нахождения послѣдняго въ жиломъ помѣщеніи; даже топоръ спѣшатъ положить подъ порогъ, какъ и послѣ смерти одного изъ жившихъ въ юртѣ; медвѣдю закрываютъ глаза оттого, что ихъ закрывали и у покойника. Слѣдовательно, и источникъ этого обычая, все равно, примѣнялся ли онъ къ человѣку или медвѣдю, долженъ быть одинаковымъ. Надѣваніе же намордника вѣроятнѣе всего имѣло цѣлью помѣшать мертвому медвѣдю причинить вредъ лицамъ, которыя его цѣловали.

4) Само празднество при соблюденіи мѣръ предосторожности носить характеръ чествованія медвѣдя и находить себѣ много аналогій среди народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ культъ убитаго крупнаго звѣря. Медвѣдю приносятъ символическія жертвы: предъ головой медвѣдя ставится нѣсколько изображеній, оленьихъ, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; лапы убитой медвѣдицы украшаются кольцами. На празднество сходятся не только односельчане, но и гости, которые, услыхавъ о результатѣ охоты, пріѣзжаютъ издалека. Духъ медвѣдя веселятъ пѣснями и плясками, носящими обрядовый характеръ. „Сюжеты пѣсенъ, замѣчаетъ г. Гондатти, различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашель себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь—и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ“.

Въ числѣ пѣсенъ г. Ядринцевъ упоминаетъ еще о „пѣснѣ медвѣдя“, которую „не всякій можетъ пѣть“ и которую „знають только старики;“ эта пѣснь была создана медвѣдемъ тогда, когда онъ былъ еще по преданію человѣкомъ ¹⁾.

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ. О культѣ медвѣди, стр. 103.

Во время плясокъ, исполняемыхъ между пѣснями, стараются приноровиться пляской къ содержанію пѣсенъ; если пѣли про медвѣдя, то стараются въ пляскѣ подражать ему. Наконецъ, въ честь убитаго медвѣдя устраиваютъ нѣчто вродѣ драматическихъ представленій, во время которыхъ участники въ представленіи надѣваютъ берестяныя или деревянныя маски и измѣняютъ свой костюмъ. Назначеніе масокъ, по словамъ г. Гондатти,—между прочимъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей: медвѣдь любить увеселеніи, но плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя. Въ драматическихъ сценахъ весьма часто играетъ роль медвѣдь, эпизоды охоты на него и т. п. Значительное количество подобныхъ драматическихъ сценъ приведено г. Гондатти въ его интересной работѣ¹⁾. При началѣ и окончаніи каждой пѣсни, пляски или представленія, низко кланяются медвѣдью. Весьма характерно, что празднества происходятъ всегда ночью, такъ какъ „боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемая шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь“. Празднества длятся иногда нѣсколько ночей. Въ теченіе пиршества мясо варится и съѣдается.

5) Празднество заключается обрядовымъ ѣденіемъ нѣкоторыхъ частей медвѣдя. Въ послѣднюю ночь празднества, на разсвѣтѣ, шкуру медвѣдя выносятъ въ поле; мужчины при этомъ борются и бросаютъ другъ въ друга снѣгомъ, а женщины, которыя въ поле не выходятъ, при выносѣ шкуры бросаются снѣгомъ и обливаются водой. Въ полѣ мужчины готовятъ себѣ голову, лапы и сердце медвѣдя. Женщины варятъ себѣ медвѣжьей задъ, который предоставляется въ ихъ распоряженіе. Черепъ медвѣдя вѣшаютъ на дерево. Тщательно собираются остатки отъ трапезы и сожигаются, чтобы къ нимъ не прикасались собаки или птицы; послѣ вкушенія священнаго мяса, во время послѣдней трапезы тщательно вытираютъ себѣ губы и руки подержанными въ дыму стружками; стружки затѣмъ бросаютъ въ огонь. Этимъ собственно и кончается празднество. Чрезвычайно интересную подроб-

¹⁾ Н. Л. Гондатти, 1. с; см. также Ahlquist: *Unter Wogulen u. Ostjaken* стр. 256—258 (*Acta Societ. scientiarum Fennicae XIV*).

ность сообщает Филимоновъ объ остякахъ Томской губ. ³⁾: они стремятся обмануть медвѣдя и увѣрить его, что не люди съѣли его мясо. Въ пиршествѣ принимаютъ участіе всѣ, кромѣ дѣтей. Когда мясо съѣдено, старуха приближается къ котлу, открываетъ глаза медвѣдя и спрашиваетъ его, кто его убилъ, кто съѣлъ его мясо. Затѣмъ вводятъ дѣтей, къ которымъ старуха обращается съ вопросомъ, не знаютъ ли они, кто съѣлъ мясо медвѣдя. Дѣти отвѣчаютъ, что они видѣли, какъ налетѣли птицы и расклевали тѣло медвѣдя; старуха бранитъ птицъ, спрашиваетъ, куда онѣ улетѣли, на что получаетъ отъ дѣтей отвѣтъ, что они не знаютъ этого, но что, вѣроятно, онѣ улетѣли далеко. Въ этомъ интересномъ обрядѣ опять сказывается лишь предосторожность со стороны употребившихъ въ пищу мясо медвѣдя, съ цѣлью обмануть послѣдняго и такимъ образомъ отвести отъ себя гнѣвъ его. Глаза медвѣдя закрыты, они, слѣдовательно, закрыты и у его духа, такъ какъ общераспространенное у нецивилизованныхъ расъ представленіе заставляетъ вѣрить, что душа испытываетъ на себѣ все то, что испытываетъ тѣло. Медвѣдь, или точнѣе его духъ, не можетъ видѣть, кто съѣлъ его мясо, и притворное удивленіе старухи, ея гнѣвъ на птицъ кажутся остяку достаточными, чтобы обмануть медвѣдя и заставить вѣрить въ невинность людей.

Въ приведенныхъ чертахъ, характерныхъ для культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, мы не встрѣтимъ ничего, что позволяло бы опредѣлить первоисточникъ почитанія медвѣдя. Эти черты въ основномъ повторяются при пиршествахъ, устраиваемыхъ въ честь медвѣдя у другихъ народностей, равно и при употребленіи въ пищу или убійствѣ слоновъ, тигровъ и пр., гдѣ они оказываются наиболѣе выдающимися или опасными представителями мѣстной фауны. Аналогичные обряды можно встрѣтить какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они, очевидно, развились изъ тотемизма, равно и тамъ, гдѣ этотъ видъ зоолатріи нѣтъ возможности поставить, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, въ связь съ тотемизмомъ.

Прежде чѣмъ коснуться тѣхъ чертъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, которыя на нашъ взглядъ прямо или косвенно свидѣтельствуютъ о происхожденіи его изъ тотемизма, намъ пред-

³⁾ P a t k a n o w: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 127—128 примѣч.

стоять устранить одно изъ возраженій, которое дѣлаетъ Фрззеръ противъ тотемической основы этого культа. Дѣло въ томъ, что характернымъ для тотемизма является стремленіе дикаря охранить своего тотема, вслѣдствіе чего дикарь считаетъ обыкновенно грѣховнымъ употреблять его въ пищу. Психологія дикаря заставляетъ иногда выработать ритуальное жертвоприношеніе тотема. Убитаго тотемическаго звѣря приносятъ въ опредѣленное время въ жертву, иногда съѣдаютъ его мясо, но въ этихъ случаяхъ само пиршество носить уже совершенно иной характеръ. Тотема нельзя убивать постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ это дѣлаютъ остиаки и вогулы, даже вмѣняющіе себѣ въ честь удачную охоту на медвѣдя. То-же отношеніе къ охотѣ на медвѣдя можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ, даже большинства народностей, у которыхъ отмѣченъ этотъ культъ. Между тѣмъ это кажущееся противорѣчіе легко устраняется. Прежде всего, не смотря на уваженіе къ тотему, случаи, когда дикарь убиваетъ его не для ритуальныхъ цѣлей, извѣстны въ этнографической литературѣ: убійство тотема имѣетъ мѣсто или подъ влияніемъ необходимости (напр. голода), или если тотемомъ оказывается опасный и вредный звѣрь.

Среди обрядовъ, сопровождающихъ убійство медвѣдя, Фрззеръ приводитъ фактъ убіенія медвѣдя въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній оказывается тотемомъ, именно у краснокожаго племени Отава, подраздѣленія котораго основываются на тотемизмѣ. У этого племени отдѣльные рода имѣютъ названія животныхъ: заяцъ, сазань, чайка, медвѣдь. Если лицо, принадлежащее къ роду медвѣдя, убьетъ медвѣдя, оно устраиваетъ празднество и извиняется предъ нимъ за совершенное убійство; охотникъ увѣряетъ медвѣдя, что ихъ, охотниковъ, дѣти голодны, что дѣти любятъ медвѣдя и желаютъ воспринять медвѣдя въ свои тѣла ¹⁾.

Австралійцы, у которыхъ тотемизмъ можно наблюдать въ его, пожалуй, наиболѣе чистомъ видѣ, тщательно избѣгаютъ убивать и употреблять въ пищу животное, имя котораго носить группа, къ которой они принадлежатъ. Если же голодъ вынудитъ австралійца воспользоваться тотемическимъ животнымъ въ качествѣ пищи, то онъ старается выразить свое горе, что былъ вынужденъ

¹⁾ Frazer: The golden Bough. II, стр. 113.

съѣсть своего друга, свое собственное тѣло: онъ хватается за грудь, указывая на узы близкаго родства, соединяющаго его съ тотемомъ, выражая этимъ, что онъ съѣдаетъ какъ-бы часть собственнаго тѣла ¹⁾. Бассуто Африки раздѣлены на тотемическія группы, изъ которыхъ каждая обыкновенно носить имя своего тотема—животнаго или растенія. Никто не рѣшится ѣсть мясо или носить шкуру животнаго, имя котораго носить его тотемическій союзъ. Но если тотемомъ оказывается опасный звѣрь, напр. левъ, его убиваютъ, предварительно принеся ему извиненіе, и затѣмъ подвергаютъ себя очистительнымъ обрядамъ ²⁾. Эти и аналогичные указаннымъ факты даютъ, какъ намъ кажется, ключъ къ устраненію вышеприведеннаго возраженія противъ возможности возникновенія культа медвѣдя послѣ убійства его изъ тотемическихъ основъ: убійство медвѣдя и употребленіе въ пищу его мяса могло встрѣчаться и въ случаѣ, если медвѣдь былъ когда-нибудь тотемомъ у остяковъ и вогуловъ. Онъ является наиболѣе крупнымъ, наиболѣе опаснымъ звѣремъ; необходимость, потребность въ пищѣ или желаніе избавиться отъ непріятнаго сосѣдства могли приводить остяка или вогула къ убійству медвѣдя, даже если онъ считался тотемомъ совершенно такъ же, какъ эти-же соображенія заставляютъ представителя племени Отава, хотя бы онъ принадлежалъ къ тотемическому роду медвѣдя, убивать послѣдняго, или австралійца съѣдать подъ вліяніемъ голода своего тотема. Въ самомъ фактѣ употребленія въ пищу медвѣдя и существованія обычая убивать его, нѣтъ основанія такимъ образомъ видѣть возраженіе противъ возможности происхожденія культа медвѣдя изъ тотемизма.

Предположеніе о тотемической основѣ культа, на которое наводитъ характеръ обрядовыхъ плясокъ, сопровождающихъ пѣсни, которыя поются во время ночнаго пиршества въ честь медвѣдя, требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ этихъ пѣсняхъ видное мѣсто занимаетъ повѣствованіе изъ жизни медвѣдя, и пляшущіе стараются тѣлодвиженіями изображать воспѣваемаго звѣря. Пляски, изображающія въ лицахъ воспѣваемое животное или событіе изъ

¹⁾ Lang: Muthes, cultes et religion, стр. 60.

²⁾ Lang. l. c. стр. 67.

жизни населенія, были, повидимому, широко распространены среди остяковъ. На нихъ обратилъ особенное вниманіе и Палласъ ¹⁾. Въ этихъ пляскахъ, требовавшихъ отъ исполнителей много искусства, ловкости и труда, изображались „отчасти ихъ поступки на промыслахъ разныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, отчасти склонность и разныя особеннѣйшихъ звѣрей и птицъ положенія, побѣги, отчасти насмѣшки надъ своими сосѣдями, и все въ такту по музыкѣ... Такъ, напр., видѣлъ я соболиной промыселъ, обычай и поступки журавлиную, лосью, полеть и поискъ мышей мышелова, птицъ... Труднѣе всего мнѣ кажется, продолжаетъ Палласъ, когда пляшутъ журавля: гдѣ пляшутъ скорчившись, закрывшись шубою, а сквозь рукавъ продѣваютъ палку, у которой на концѣ надѣвается изъ дерева сдѣланная журавлиная голова, и такимъ образомъ или присѣвъ, или совсѣмъ скорчась пляшетъ, дѣлая палкой всѣ движенія, какія настоящій журавль головой производить. Въ пляскѣ лося музыкантъ долженъ равнымъ образомъ выражать различный его побѣгъ, рысью или вскачь, или такъ ходить просто, также и малые отдыхи, кои лось на побѣгѣ дѣлаетъ для осмотра, откуда за нимъ гонятся“. Пляски очевидно исполнялись съ большимъ искусствомъ, съ сохраненіемъ типичныхъ особенностей изображаемаго животнаго или лица, такъ какъ Палласъ въ заключеніе добавляетъ: „Надѣяться-бъ кажется нельзя отъ столь дикаго народа, столь искусныхъ и изрядно выдуманныхъ представленій“. Мимическія пляски, какъ извѣстно, весьма широко распространены среди некультурныхъ народностей; способность и стремленіе къ подражанію могутъ быть признаны характерной чертой первобытнаго человѣка. Если въ пляскахъ дикарь особенно часто любитъ изображать представителей окружающей его фауны, то это конечно объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ охотничьяго быта на его воображеніе: однако одновременно съ плясками, въ которыхъ фигурируютъ животныя, дикарь знаетъ и любитъ пляски, мимически представляющія войну, особенности своихъ сосѣдей и пр. Остяки напр., по словамъ Палласа, изображали и русскихъ женщинъ, идущихъ мыть платье на рѣку, и другія сцены изъ своей жизни. Некультурные народы,

¹⁾ П а л л а с ъ: Путешествіе. III, пол. 1-ая, стр. 85, 86.

однимъ словомъ, широко пользуются присущей имъ способностью къ подражанію.

Бушмены и австралійцы, не менѣе чѣмъ остяки, приводили въ удивленіе изслѣдователей своимъ умѣніемъ до мельчайшихъ подробностей воспроизводить движенія отдѣльныхъ лицъ и извѣстныхъ породъ животныхъ¹⁾. Существованіе мимическихъ плясокъ естественно объясняется именно развитіемъ подражательной способности у дикарей. Штейненъ описываетъ подробно пляски у туземцевъ центральной Бразиліи, при чемъ пляшущіе весьма часто изображали животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., надѣвали при этомъ шкуру изображаемаго животнаго, украшали себя перьями представляемой птицы и надѣвали, кромѣ того, на себя еще маски, представляющія головы животныхъ, птицъ, рыбъ²⁾. Мимическія пляски, изображающія животныхъ или птицъ, широко распространены среди эскимосовъ, у краснакожаго населенія въ Америкѣ и въ Австраліи. У жителей послѣдней мы встрѣчаемъ пляски, изображающія эму, динго, кэнгуру, лягушку, бабочку и пр. Одновременно съ подражаніями животнымъ, австралійцы въ пляскахъ изображали сцены изъ жизни, напр., путешествіе въ лодкѣ, войну и т. п.³⁾.

Особенное удивленіе своему искусству изображать животныхъ австралійцы вызывали въ пляскахъ, изображающихъ кэнгуру, эму и динго, состоявшихъ въ подражаніи названнымъ животнымъ. „Ничего не можетъ быть болѣе смѣшнымъ ни болѣе правдоподобнымъ подражаніемъ“, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей⁴⁾. Пляска является прежде всего вышшимъ выраженіемъ извѣстнаго психическаго состоянія дикаря; если она часто принимаетъ мимическій характеръ, то это находитъ себѣ объясненіе въ присущей некультурному человѣку подражательной способности; наконецъ, частое подражаніе представителямъ мѣстной фауны объясняется общимъ строемъ охотничьяго быта, при которомъ именно животныя и птицы обращаютъ на себя преимущественное вниманіе первобытнаго охотника. Искать источника пляски вообще и въ частности

1) Grosse: Die Anfänge der Kunst, стр. 214.

2) K. v. Steinen: Unter d. Naturvölkern Brasiliens, стр. 296 и слѣд. См. также Ehrenreich: Beiträge z. Völkerkunde Brasiliens, 30, 34, 51, 70.

3) Grosse. Die Anfänge der Kunst, 208 и слѣд.

4) Brough Smyth: The aborigines of Victoria. I, 173.

мимической непременно въ религиозномъ мировоззрѣніи дикаря, какъ это дѣлаетъ, напр., Герландъ ¹⁾, нѣтъ никакого основанія, но религиозные мотивы весьма нерѣдко заставляютъ дикаря прибѣгать къ пляскѣ. Ритуальной пляской сопровождаются празднества у многихъ некультурныхъ народовъ, причемъ въ пляскѣ часто стараются изобразить событіе изъ жизни сверхъестественнаго существа, въ честь котораго устраивается празднество. Въ этихъ случаяхъ мимическая пляска имѣетъ уже ритуальное значеніе. Религиозныя пляски, встрѣченныя въ большомъ количествѣ среди австралійцевъ ²⁾, отмѣчены въ значительномъ числѣ пунктовъ Сѣв. Америки, на о-вахъ Тихаго океана, гдѣ мѣстами употребительны и маски ³⁾; Эренрейхъ упоминаетъ о религиозныхъ пляскахъ у туземцевъ Бразиліи ⁴⁾. Въ мѣстностяхъ, гдѣ тотемизмъ играетъ выдающуюся роль въ религиозныхъ представленіяхъ, ритуальныя пляски нерѣдко изображаютъ событія изъ сообщаемой мѣстами жизни животнаго тотема; пляски этого рода мимическія. Такого рода мимическія пляски, имѣющія цѣлью изобразить эпизодъ изъ жизни тотема, или вообще пляски, гдѣ участники подражаютъ тотему въ своихъ движеніяхъ и нарядѣ, извѣстны въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара. Тотемическій характеръ, напр., имѣютъ пляски ндѣйцевъ племени нутки и мандавовъ, у которыхъ существуютъ спеціальныя пляски волка и медвѣдя ⁵⁾, или пляска черепахи у паумари Бразиліи, которые исполняютъ эту ритуальную пляску во время празднества, устраиваемаго при первомъ вкушеніи ребенкомъ мяса ⁶⁾. Естественно, что при господствѣ тотемизма, каждый тотемическій союзъ можетъ имѣть свою особую пляску, въ которой мимически изображается тотемъ-животное; при обособленности родовыхъ тотемическихъ группъ, приводящей къ тому, что каждый родъ нерѣдко даже имѣетъ свою татуировку, часто представляющую рисунокъ тотемическаго животнаго, нерѣдко и свою, одному ему

1) Waitz und. Gerland: Antropologie, VI, стр. 755.

2) Cp. Grosse: Die Anfänge der Kunst, стр. 209 и слѣд.; также Waitz VI. стр. 755.

3) Finsch: Ethnol. Erfahrungen aus d. Südsee, 122 (30).

4) Ehrenreich: Beitr. z. Völkerk. Brasiliens. О пляскахъ вытекающихъ изъ тотемизма см. Frazer: Totemism, стр. 39 и слѣд.

5) Lang: Modern Mythology, стр. 142.

6) Ehrenreich: Beitr. z. Völkerk. Brasiliens, стр. 51.

присущую, прическу, воспроизводящую какія-нибудь особенности тотема ¹⁾, мы должны предположить широкое распространеніе обычая—членамъ тотемическаго союза имѣть свою обрядовую мимическую пляску, въ искусство которой не посвящены представители другихъ родовъ того-же племени. Насколько знаніе подобнаго рода плясокъ можетъ быть тѣсно связаннымъ съ принадлежностью лица къ тому или другому тотемическому союзу, выясняется на примѣрѣ кафрскаго племени бегуановъ, дѣленіе которыхъ на тотемическіе рода еще вполне жизненно: чтобъ обозначить ихъ обычай называть себя по именамъ животныхъ (напр., люди-крокодилы, люди-рыбы, люди-буйволы и т. д.), они употребляютъ слово *bina*—плясать; поэтому, чтобы узнать, къ какому племени принадлежитъ данное лицо, необходимо спросить его, какую онъ пляску пляшетъ. У бушменовъ міеологія и культъ еще настолько тѣсно связаны съ ритуальной пляской, что если бушменъ не знаетъ какого-нибудь міеа, онъ отвѣтитъ спрашивающему: я не пляшу этой пляски; этимъ онъ выражаетъ, что онъ не принадлежитъ къ корпораціи, которая сохраняетъ данное преданіе ²⁾. Возникнувъ на почвѣ тотемизма, подобныя обрядовыя пляски продолжаютъ долго сохраняться въ культѣ даже тогда, когда тотемическія представленія успѣли уступить другимъ, болѣе высокимъ, когда духъ-покровитель превратился въ племенное или видовое божество, утратившее совершенно свой первоначальный теріоморфическій характеръ. Прекрасный примѣръ этой живучести обрядовыхъ мимическихъ плясокъ, возникшихъ на почвѣ тотемизма, можно видѣть въ „пляскѣ медвѣдя“, исполнявшейся въ честь Артемиды, тотемическій и зооморфный характеръ которой обнаруженъ Лангомъ ³⁾.

Пляски, мимически изображающія медвѣдя, употребляемыя остяками и вогулами во время пиршества въ честь медвѣдя, носятъ, очевидно, религіозный и обрядовый характеръ: онѣ сопровождаются пѣснями, въ которыхъ рассказываются легенды о медвѣдѣ и, какъ таковыя, близко подходятъ къ ритуальнымъ тотемическимъ пляскамъ дикарей. Въ виду того, что мимическія пляски, изображающія животныхъ, могутъ имѣть два источника происхо-

¹⁾ Frazer: Totemism, стр. 27-30.

²⁾ Lang: Mythes, cultes et religion, стр. 67-68.

³⁾ Lang: Modern Mythology, стр. 137-147; см. также его Mythes ect., стр. 512—524.

ждения — тотемизмъ и простое подражаніе — только тогда можно съ полной увѣренностью говорить, что пляска вытекаетъ изъ тотемическихкихъ основъ, когда группа, исполняющая ее, признаетъ своимъ тотемомъ то животное, которое она изображаетъ въ пляскѣ. Относительно остяковъ и вогуловъ поэтому нѣтъ возможности выставить это положеніе вполне опредѣленно: медвѣдь, равно и другія чтимыя ими животныя, утратили тотемическій характеръ, предполагая, что они его когда-нибудь имѣли; слѣдовательно, о происхожденіи мимическихкихъ плясокъ у названныхъ народностей можно дѣлать двоякое предположеніе: 1) что эти пляски исключительно подражательныя, вызванныя къ жизни господствомъ охотничьяго быта; 2) что онѣ нѣкогда носили тотемическій характеръ, что каждый родъ остяковъ имѣлъ и свою пляску, изображающую его животное-покровителя, тотема, и что лишь впоследствии, съ упадкомъ и забвеніемъ тотемизма, съ прекращеніемъ обособленности религіозныхъ представленій въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ, эти пляски сдѣлались общимъ достояніемъ всего народа. Не касаясь рѣшенія этого вопроса относительно всѣхъ мимическихкихъ плясокъ, подражающихъ животнымъ у остяковъ, намъ кажется, что основательнѣе видѣть въ пляскахъ, представляющихъ медвѣдя и исполняемыхъ во время ритуальнаго празднованія, гдѣ всѣ подробности вытекаютъ изъ религіозныхъ представленій остяковъ и вогуловъ, религіозную основу. Эта послѣдняя, очень вѣроятно, можетъ быть тотемической. За это говоритъ прежде всего сходство самого обычая съ тотемическими обрядами; но она можетъ быть, пожалуй, и случайной. Для насъ пока важность представляетъ цѣль, предсѣдуемая при этихъ пляскахъ и пѣсняхъ: онѣ имѣютъ задачей не только веселить духъ убитаго медвѣдя, но и почитать и прославить его; въ нихъ находятъ себѣ наглядное выраженіе культъ, а при этомъ условіи едва ли возможно предполагать, чтобы сама пляска, служащая какъ бы иллюстраціей священной пѣсни, могла возникнуть изъ простого подражанія звѣрю: это послѣднее служитъ обыкновенно увеселеніемъ, какъ, напр., у лопарей игра-пляска въ олени, когда парни, приложивъ къ уху олени рога, изображаютъ ирвасовъ (самцовъ), а дѣвушки важенокъ (олений-самокъ); олени рѣзвятся, затѣмъ появляются охотники, вооруженные самострѣлами или луками, и игра представляетъ изображеніе охоты на оленей¹⁾. Къ этой же кате-

¹⁾ Русскіе Лопари, стр. 340.

горія игръ-плясокъ слѣдуетъ, очевидно, отнести и игры-пляски остяковъ, изображающія, напр., сцены изъ охотничьей жизни. Такого рода пляски могли исполняться во всякое время; священные пѣсни и пляски въ честь медвѣдя, изображающія послѣдняго, имѣютъ и до настоящаго времени религіозный, ритуальный характеръ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право отнести ихъ къ разряду религіозныхъ, мимическихъ плясокъ и должны рѣшительно отвергнуть предположеніе, что онѣ должны быть соединены съ категоріей плясокъ чисто подражательныхъ. Вытекаютъ ли онѣ однако изъ тотемизма или изъ зоолатріи, возникшей на почвѣ страха дикаря предъ сильнымъ звѣремъ, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ опредѣленно, до рѣшенія самого вопроса о происхожденіи культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

Одновременное исполненіе не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ медвѣдю плясокъ, сопровождающихъ пѣсни о богахъ, объясняется тѣмъ, что остяки и вогулы вѣруютъ, что боги посѣщаютъ по ночамъ землю и могутъ видѣть устраиваемое людьми торжество въ честь медвѣдя; что при этихъ условіяхъ проявленія культа распространяются не только на медвѣдя, но и на другихъ духовъ, это вполне естественно. Соединеніе этихъ плясокъ, пѣсенъ и ритуальныхъ драматическихъ представленій съ представленіями, не имѣющими священнаго характера, даже иногда шуточныхъ, не противорѣчитъ религіозному значенію остальныхъ: культъ медвѣдя у современныхъ остяковъ и вогуловъ находится уже на пути къ упадку; далеко не всѣ знаютъ ритуалы праздника, что заставляетъ инородцевъ западной Сибири иногда даже выписывать „какого-нибудь старика, за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ“¹⁾. При констатированномъ упадкѣ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ смѣшеніе ритуальныхъ пѣсенъ и плясокъ съ неритуальными оказывается вполне естественнымъ.

Весьма характерной чертой культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ оказывается, между прочимъ, мѣры, которыя принимаются населеніемъ для того, чтобы дать медвѣдю возможность продолжать свое загробное существованіе; лишивъ медвѣдя путемъ убійства возможности продолжать свою земную жизнь, инородецъ стремится

¹⁾ Н. Д. Гондатти: Культъ у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, стр. 75.

обеспечить ему возможность воскресенія или, по крайней мѣрѣ, спокойнаго существованія въ качествѣ духа. Это отношеніе къ убитому стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ взглядами некультурнаго человѣка на сверхъестественныя существа, которыхъ онъ только боится: опасаясь ихъ при ихъ жизни, первобытный дикарь стремится ихъ уничтожить послѣ смерти, чтобы одновременно съ уничтоженіемъ тѣла уничтожить и его духъ. Отсутствіе этихъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ дикарями при зоолатріи въ отношеніи не къ полезному, а къ опасному, вредному звѣрю, тщательныя заботы дать духу возможность инкарнироваться—все это служить весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу происхожденія зоолатрическаго культа изъ основъ тотемизма, когда опасный, вредный звѣрь считался тѣмъ не менѣе духомъ-покровителемъ извѣстной родственной или территоріальной группы и, какъ таковой, охранялся отъ окончательнаго уничтоженія.

Тотема своего дикарь обыкновенно оберегаетъ и въ случаѣ смерти его принимаетъ мѣры къ обезпеченію ему загробнаго существованія: въ отношеніи къ умершему тотемическому животному примѣняются нерѣдко тѣ же обряды, которые употребительны при погребеніи близкихъ родственниковъ. Духъ-покровитель, находящійся во всѣхъ животныхъ опредѣленной породы, не умираетъ при смерти животнаго: онъ только покидаетъ данную плотскую оболочку. Это вѣрованіе, характерное для тотемизма, находитъ себѣ прекрасную иллюстрацію, напр., въ обычаяхъ населенія Самоа. Слѣды тотемизма весьма живы еще среди самоанцевъ, и почитаніе духа-покровителя селенія выражается, между прочимъ, и въ погребальныхъ обрядахъ тотемическаго животнаго. Если кто-нибудь изъ селенія, духомъ-покровителемъ котораго считается, напр., сова, найдетъ мертвую сову, онъ долженъ плакать надъ ней и бить себя камнемъ въ лобъ до крови. Затѣмъ онъ долженъ приступить къ погребенію мертвой птицы съ соблюденіемъ многихъ обрядовъ, какъ и при погребеніи человѣка. Смерть совы, однако, не означала смерть божества: оно считалось живымъ и воплощеннымъ во всѣхъ существующихъ совѣ.¹⁾ Первобытный дикарь торжественно хоронитъ своего тотема и принимаетъ мѣры къ обезпеченію его загробной жизни оттого, что тотемъ ему оказывается полезнымъ. Утилитар-

¹⁾ G. Turner: Samoa a hundred years ago and long before, стр. 21.

ныя соображенія заставляютъ его прибѣгать къ тѣмъ же приемамъ и въ отношеніи къ звѣрямъ, охота на которыхъ служатъ ему виднымъ источникомъ пропитанія. Нѣкоторыя племена Сѣв. Америки, напр., вслѣдствіе этого устраиваютъ особыя празднества въ честь рыбъ, если рыболовство играетъ выдающуюся роль въ ихъ экономическомъ бытѣ. Они избѣгаютъ сжигать кости рыбъ, и это потому, что они вѣруютъ, что пока кости съѣденной рыбы цѣлы, духъ ея снова можетъ воплотиться въ рыбу ¹⁾. Уничтоженіе костей должно повести и смерть духа. Слѣдовательно, въ интересахъ охотниковъ сохранять кости животныхъ, которыя служатъ въ качествѣ пищи, такъ какъ уничтоженіе костей должно повести за собой и уменьшеніе дичи ²⁾. Вѣра, что духъ животного или человѣка можетъ инкарнироваться вновь, если его кости сохранены, весьма распространена среди некультурныхъ народовъ: различій между душой животного и душой человѣка первобытный дикарь не знаетъ. Камчадалы, напр., вѣровали, что даже мухи воскреснутъ послѣ смерти и будутъ жить въ загробномъ мірѣ.

Лопари ³⁾ раздѣляли это вѣрованіе въ загробное существованіе представителей фауны. Вслѣдствіе этого кости жертвенныхъ животныхъ тщательно собирались и погребались, чтобы дать возможность воскреснуть жертвѣ. Это воззрѣніе о необходимости сохранять кости въ цѣлости стоитъ, въ свою очередь, въ зависимости отъ весьма распространеннаго вѣрованія, что душа находится въ тѣснѣйшей связи съ своей тѣлесной оболочкой. Поврежденія послѣдней отражаются на душѣ. Краснокожіе Америки вѣрятъ, что духъ человѣка переходитъ въ загробный міръ въ томъ видѣ, какой лицо имѣло при жизни: если оно не имѣло при жизни ноги, и духъ его явится одноногимъ: если оно было слѣпо, слѣпымъ будетъ и его духъ ⁴⁾ и т. д.

Австралиецъ изъ этихъ же соображеній отрѣзаетъ у убитаго врага большой палецъ правой руки, чтобы духъ убитаго не могъ въ него бросить копьа: этимъ онъ дѣлаетъ враждебно относящагося къ нему духа безвреднымъ ⁵⁾. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, ког-

1) Frazer: The golden Bough, II, стр. 119.

2) ibid стр. 122.

3) Русскіе Лопари, стр. 180.

4) Dodges: Our wild Indians, стр. 180.

5) Robinson: Die Psychologie d. Naturvölker, стр. 95.

да дикарь стремится дать возможность духу воскреснуть или появиться не въ изувѣченномъ видѣ въ загробномъ мѣрѣ, онъ всегда заботится о сохраненіи костей и вообще останковъ умершаго.

Вполнѣ естественно, что такое заботливое отношеніе проявляется къ полезнымъ животнымъ, какъ, напр., у населенія Америки къ рыбамъ; но тамъ, гдѣ оно направлено къ звѣрю опасному и вредному, внушающему только страхъ, оно не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ вѣрованія, что убитый звѣрь является инкарнаціей духа-покровителя.

Фрэзеръ¹⁾ указываетъ, что и медвѣдь, какъ крупная дичь, дающій въ изобиліи пищу населенію, снабжающій охотника шкурой, долженъ считаться полезнымъ.

У айновъ, на которыхъ онъ ссылается, это дѣйствительно такъ, но у остяковъ и вогуловъ мы видимъ другое отношеніе. Мясо медвѣдя дѣйствительно съѣдается, но шкура его обыкновенно, до послѣдняго времени по крайней мѣрѣ, не шла въ пользованіе убившихъ: она жертвуется богамъ. Дѣйствительно, въ настоящее время случаи продажи шкуры встрѣчаются изрѣдка, въ особенности у болѣе обрусѣлыхъ прииртышскихъ остяковъ, что объясняется фактомъ упадка культа²⁾. Доказательствомъ, что въ болѣе отдаленное время убивавшій не пользовался шкурой, служатъ, кромѣ частыхъ случаевъ принесенія, въ болѣе глухихъ мѣстахъ, шкуры въ даръ богамъ, и до настоящаго времени еще то уваженіе вообще къ медвѣжьей шкурѣ, которое застали у остяковъ прежніе изслѣдователи. Такъ Бѣлявскій³⁾, напр., сообщаетъ о суетврномъ уваженіи, которымъ окружали остяки между Березовымъ и Обдорскомъ бывшую на немъ медвѣжью шкуру. „Остяки, пишетъ онъ, никогда не допускали меня положить ее на мѣсто, но держали въ рукахъ нараспашку до тѣхъ поръ, пока я опять надѣвалъ ее... Я... не безъ удивленія наблюдалъ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ разсматривали они смертную оболочку своего божества, и, похаживая около моей шубы, нашептывали вѣроотно молитвы.

Только когти и клыки убитаго медвѣдя вырываются и сохра-

1) Frazer. The golden Bough II, стр. 132.

2) Н. Д. Гондатти I. с. стр. 77; Patkanow, t. с. стр. 130.

3) Повѣдка къ Ледовитому морю. 1833 г. стр. 92.

няются въ качествѣ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе. Такимъ образомъ медвѣдя едва ли возможно причислить къ числу животныхъ, полезныхъ остякамъ и вогуламъ. Если къ этому прибавить, что устройство праздника стѣдитъ всегда большихъ расходовъ, что когда не достаетъ припасовъ у лица, устраивающаго праздникъ, сосѣди спѣшатъ ему на помощь и приносятъ припасы, не требуя впоследствии отдачи, далѣе, что мотивомъ современныхъ остяковъ при продажѣ шкуры является желаніе возмѣстить расходы ¹⁾,—едва ли возможно говорить, что охота на медвѣдя оказывается виднымъ источникомъ для существованія остяка или вогула. Пищей остякъ и вогуль сравнительно обезпеченъ, а прежде до уменьшенія дичи, замѣчаемаго въ настоящее время, очевидно, былъ обезпеченъ въ большей степени: слѣдовательно, голодъ едва ли можетъ считаться импульсомъ къ охотѣ на медвѣдя; шкурой инородецъ не пользуется, праздникъ вовлекаетъ его въ расходы, и весь результатъ охотничьяго подвига сводится къ полученію клыковъ и когтей. Если же мы предположимъ, что остякъ убивалъ медвѣдя, какъ опаснаго сосѣда, намъ останется непонятнымъ священное значеніе, придаваемое медвѣдю, и тѣ мѣры, которыя принимаются для обезпеченія инкарнаціи медвѣдя или сохраненія его духа путемъ сохраненія костей: „при сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ“, замѣчаетъ Н. Л. Гондатти. Подобное же отношеніе къ костямъ убитаго медвѣдя мы встрѣчаемъ и у другой финской народности—лопарей: въ прежнее время, когда культъ медвѣдя у нихъ былъ еще въ силѣ, кости не переламывались, какъ это обыкновенно дѣлалось съ костями другихъ животныхъ для высасыванія мозга, и тщательно собирались и затѣмъ закапывались ²⁾. Доказательствомъ, что въ основѣ обычая остяковъ и вогуловъ сохранять въ цѣлости кости медвѣдя лежало, какъ и у прочихъ народностей, у которыхъ мы встрѣчаемъ аналогичные обряды, желаніе сохранить духъ медвѣдя, служить слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ случаяхъ, когда медвѣдь оказывается врагомъ населенія, вогуль мститъ звѣрю, убиваетъ его и не только не оказываетъ ему зна-

¹⁾ Patkanow: Die Irtysch-Ostjaken, стр. 130. Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя, стр. 75.

²⁾ Русскіе Лопари, стр. 201.

ковъ уваженія, но даже старается окончательно уничтожить его, т. е. вмѣстѣ съ тѣломъ убить его духъ. „Если при охотѣ медвѣдь задержитъ когонибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его или погибнуть“¹⁾.

Остякъ и вогуль переносятъ такимъ образомъ институтъ кровной мести на звѣря. Если родственнику удастся отомстить виновному медвѣдю, „тѣло медвѣди вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрубить кости медвѣдя“. Въ обычаѣ примѣнять кровную мечь въ отношеніи къ животнымъ остяки и вогулы не стоятъ изолированно: совершенно аналогичное отношеніе встрѣчается, напр., у населенія Мадагаскара, которое никогда не убиваетъ крокодиловъ, за исключеніемъ когда кто-нибудь изъ жителей будетъ умерщвленъ крокодиломъ; въ этихъ случаяхъ къ послѣднимъ примѣняется *lex talionis*, какъ и у нашихъ инородцевъ къ медвѣдю. Населеніе, живущее около оз. Итази на Мадагаскарѣ, ежегодно даже обращается къ крокодиламъ съ заявленіемъ, что оно будетъ убивать столько крокодиловъ, сколько эти погубятъ людей; при этомъ предупреждаютъ расположенныхъ благопріятно къ людямъ крокодиловъ, чтобы они держались въ сторонѣ, такъ какъ люди найдутся въ ссорѣ не съ ними, а лишь съ тѣми, которые причиняютъ вредъ комунибудь изъ ихъ близкихъ²⁾.

Въ заговорѣ при отпускѣ скота, помѣщенномъ въ Калевалѣ, особенное вниманіе обращается на медвѣдя: съ нимъ заключается договоръ.

„Отсо (широколобый, эпитетъ медвѣдя), яблочко лѣсное,

Ты медовую гнешь лапу!

Мы съ тобою сговоримся,

Заклучимъ мы миръ съ тобою

На все время нашей жизни,

На тѣ дни, что проживемъ мы.

¹⁾ Н. Л. Гондатти: *Культъ медвѣдя*, стр. 78.

²⁾ Frazer: *The golden Bough*. II, стр. 109-110; ср. Леббокъ: *Начало цивилизаціи*, стр. 193.

Медвѣдь не долженъ нападать на скотъ лѣтомъ; онъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ стада. Медвѣдю предлагается, если онъ захочетъ битвы съ человѣкомъ, отложить послѣднюю до зимы. Его предупреждаютъ, что если онъ не исполнитъ уговора, на него нападутъ и убьютъ ¹⁾).

Сжигая кости виновнаго въ смерти человѣка медвѣдя, инородецъ уничтожаетъ послѣдняго окончательно: онъ умерщвляетъ его духъ. И въ этомъ отношеніи мы видимъ у остяковъ и вогуловъ лишь примѣненіе широко распространеннаго возрѣнія у многихъ некультурныхъ народовъ, что душа не является безсмертною: она можетъ быть убита, если окончательно уничтожить тѣло.

Мысль дикаря настолько связываетъ духъ съ тѣломъ, что заставляетъ придумывать рядъ средствъ, между прочимъ и для того, чтобы оградить живущихъ отъ посѣщенія ихъ душами умершихъ. Утаптыванье могильной земли, положеніе камней на могилу, связыванье, иногда изувѣчиванье покойника и т. п. ²⁾ многочисленные приемы, въ столь большомъ количествѣ отмѣченные у некультурныхъ народовъ въ разныхъ частяхъ земного шара, наглядно свидѣтельствуютъ, что нерѣдко культу мертвыхъ предшествовала эпоха, когда дикарь спѣшилъ въ отношеніи къ умершему принять рядъ мѣръ, чтобы помѣшать его духу покидать могилу и тревожить живыхъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся, какъ извѣстно, и бросаніе покойника на сѣденіе звѣрямъ, сожженіе и т. п. въ ихъ первоначальномъ значеніи, когда развитіе этическихъ и религіозныхъ началъ еще не вынудило дикаря приискать благочестивые мотивы для объясненія этихъ и другихъ подобныхъ похоронныхъ обрядовъ. Негритянки въ Матамбѣ бросали трупы своихъ му-

¹⁾ Если-жъ ты сюда вернешься,
Подойдешь ты къ этимъ рощамъ,
На тебя мы устремимся.
Много женщинъ есть искусныхъ,
Да при домѣ есть хозяйка,
Что тебѣ пути испортитъ,
Дастъ несчастье на дорогѣ,
Чтобы ты вреда не дѣлалъ,
Не принеся стадамъ погубель“...

(Калевала, р. 32. Пер. Вьльскаго, стр. 413—416).

²⁾ Spencer: *Principes*, II, стр. 217, Robinsohn: *Psychologie*, стр. 44, 95.

жей въ море, чтобы утопить вмѣстѣ съ тѣлами и души покойниковъ. Населеніе Чили сжигало своихъ шамановъ-колдуновъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, чтобы не оставалось ничего послѣ покойника, что могло бы принести несчастье и т. д.¹⁾ Приемы уничтоженія душъ покойниковъ, которые по смерти внушаютъ страхъ, сохраняются черезъ тысячелѣтіе культуры въ обычай хотя бы сожигать колдуновъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что мстящій за смерть родственника остякъ не ограничивается убійствомъ медвѣдя, но, опасаясь преслѣдованія со стороны его духа, стремится, хотя бы и бессознательно, уничтожить послѣдняго, прибѣгая для этого къ старому, сохранившемуся отъ далекой старины, приему уничтожать огнемъ тѣло, чтобы этимъ уничтожить и духъ могущаго быть враждебнымъ по смерти существа.

Инародцы западной Сибири такимъ образомъ знаютъ средство оградить себя отъ мести со стороны духа убитаго медвѣдя: они примѣняютъ его всякій разъ, когда желаютъ отомстить звѣрю за смерть близкаго. Если они не пользуются этимъ же средствомъ въ отношеніи къ другимъ убиваемымъ имъ медвѣдямъ, если они предпочитаютъ умилоствлять духъ медвѣдя жертвоприношеніями и дорого стоящими празднествами, обезпечиваютъ имъ возможность спокойнаго существованія въ качествѣ духа, то происходитъ это оттого, что они дорожатъ медвѣдемъ и не желаютъ его окончательнаго уничтоженія. Такъ какъ утилитарныя соображенія, заставляющія дикарей прибѣгать къ аналогичнымъ приемамъ въ отношеніи къ представителямъ фауны, охота на которыхъ играетъ видную роль въ экономическомъ бытѣ населенія, не имѣютъ мѣста въ отношеніи охоты на медвѣдя у остяковъ и вогуловъ, остается признать, что медвѣдь являлся въ первобытныхъ представленіяхъ не опаснымъ животнымъ, а скорѣе наоборотъ покровителемъ населенія, вслѣдствіе чего послѣднее и было озабочено, въ случаѣ необходимости убивать медвѣдя, чествовать его и гарантировать его духу, посредствомъ сохраненія его костей, спокойную жизнь въ загробномъ мірѣ. Приведенныя соображенія заставляютъ сомнѣваться, что источникомъ культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ было чувство страха, внушаемое наиболѣе крупнымъ представителемъ мѣстной фауны: если-бъ это было такъ, мы могли бы

¹⁾ Robinsohn: Psychologie, стр. 43—44.

объяснить еще обоготвореніе медвѣдя, нѣкоторыя черты культа, извиненія за совершенное убійство, но едва ли подыскали бы объясненіе, почему инородцы западной Сибири, имѣя въ рукахъ считаемое ими дѣйствительнымъ средство избавиться отъ мести духа убитаго звѣря, не только не пользуются имъ, но наоборотъ съ такой заботливостью сохраняютъ кости медвѣдя, позволяя его духу или воплотиться вновь или неповрежденнымъ прійти въ царство тѣней. Но если поклоненіе медвѣдю у вогуловъ и остяковъ повидимому не имѣетъ своимъ источникомъ чувство страха, если оно слѣдовательно должно быть отнесено къ той категоріи проявленія зоолатріи, которая имѣетъ своимъ источникомъ тотемизмъ, вѣру, что почитаемое животное оказывается и покровителемъ группы, то спрашивается, можетъ ли подобное предположеніе найти себѣ подтвержденіе въ характерѣ представленій инородцевъ о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ, божественномъ существѣ?

Н. Харузинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ БЫТА ЮЖНО-РУССКИХЪ БОЛГАРЬ.

I. Родинные и свадебные обычаи.

Вмѣсто вступленія.

Вся южная, восточная и сѣверо-восточная часть Бердянскаго уѣзда Таврической губерніи усѣяна болгарскими селеніями, обыкновенно хорошо обставленными, съ большими каменными домами, сараями, конюшнями и т. п. Во всемъ виденъ достатокъ и обеспеченность. Конечно, среди этихъ селеній есть также и селенія, не отличающіяся особенною обстановкою; но такихъ очень мало и во всякомъ случаѣ и въ этихъ сравнительно бѣдныхъ поселкахъ нѣтъ той забитости и приниженности, которая обыкновенно являются неразрывными спутниками матеріальной необеспеченности. Эти болгарскія поселенія сложились въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 61 и 62 годахъ, когда болгары въ числѣ 60 тысячъ душъ обоого пола переселились сюда изъ Бессарабской губ., получивъ по 50 десятинъ цѣльной казенной земли на номеръ. Переселеніе было сопряжено для народа съ большими трудностями и лишениями.

Новая мѣстность, богато одаренная природою, недружелюбно встрѣтила своихъ будущихъ питомцевъ, которые должны были поселиться на первое время въ полуразрушенныхъ татарскихъ аулахъ и начать снова обзаводиться хозяйствомъ.

Эта работа многимъ показалась тяжелою да и не интересною, тѣмъ болѣе, что въ Бессарабіи у нихъ остались хотя и не особенно хорошія, но уже устроенныя хозяйства. Ничего другого не оставалось, какъ возвратиться къ старымъ пенатамъ въ Бессарабію, что нѣкоторые изъ крестьянъ и сдѣлали. Но, къ сожалѣнію, мать-родина оказалась на этотъ разъ для нихъ злою мачехой. Если въ Таврической губерніи родственники переселен-

цевъ, ушедшихъ обратно въ Бессарабію, могли на время расположиться въ татарскихъ аулахъ, покинутыхъ своими прежними обитателями, то возвратившіеся въ Бессарабію принуждены были довольствоваться только открытымъ небомъ да широкимъ степнымъ просторомъ, потому что старыя жилища представляли теперь изъ себя груды развалинъ. Оставаться въ такомъ положеніи долѣе, вдали отъ своего стада, не было никакой возможности, и вотъ начинается обратное движеніе переселенцевъ въ Таврическую губернію къ своимъ родичамъ, которые къ этому времени уже успѣли немного обставиться, поустроиться, такъ что вновь прибывшіе переселенцы изъ Бессарабіи, какъ лица, заявившія протестъ противъ переселенія, остались теперь въ сторонѣ отъ своихъ обществъ, а дѣти ихъ и по настоящее время влечать жалкое существованіе въ роли приживальщиковъ то у того, то у другого изъ зажиточныхъ крестьянъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія заселенія Бердянскаго уѣзда болгарскими колонистами. Занимаясь изученіемъ русской народно-устной поэзіи и въ то же время присматриваясь къ быту болгаръ, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось бывать каждыя лѣтнія каникулы, я не могъ не замѣтить того богатства поэзіи, которою дышетъ каждый шагъ духовной жизни этого народа. При всей своей внѣшней непривлекательности, при недовѣрчивомъ отношеніи ко всѣмъ проявленіямъ культурнаго прогресса и часто даже враждебномъ отношеніи къ просвѣщенію, народъ этотъ привлекателенъ поэтической простотою своей духовной жизни. Недовѣрчивое, къ сожалѣнію, отношеніе народа къ просвѣщенію, а потому и сравнительно низкая степень его развитія глубокими слѣдами отразилась на всей жизни болгарина, сумѣвшего сохранить въ своихъ обычаяхъ и пѣсняхъ такія черты общеславянскаго быта, какія уже давно утрачены другими вѣтвями этого громаднаго дерева славянской народности.

Въ обычаяхъ болгаръ, какъ и вообще въ обычаяхъ всякаго простаго народа, большую роль играетъ суевѣріе. Смѣло можно сказать, что половина обычаевъ болгарина выросла на почвѣ суевѣрія, другая же половина этихъ обычаевъ отчасти выросла на почвѣ чисто исторической, отчасти явилась результатомъ требованій климата и мѣста.

Первоначально-массовая привычка, обычай постепенно принялъ

въ глазахъ народа характеръ закона; народъ возвелъ привычку на степень закона, исполненіе котораго составляетъ нравственную обязанность человека и необходимое требованіе его общественной жизни.

„Кво жъ излѣзи уть ѣнува куту сѣкій зѣми да прѣви тѣй кѣкъ ту штѣ“¹⁾, говоритъ болгаринъ, и нравственный упадокъ, замѣчаемый въ послѣднее время въ своей средѣ, объясняетъ ничѣмъ другимъ, какъ именно несоблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ.

Мнѣ хотѣлось бы прослѣдить, по возможности не упустивъ никакой подробности, всю жизнь болгарина, начиная со дня его рожденія и кончая смертью. Насколько успѣю въ выполненіи своей цѣли—укажетъ дальнѣйшее, сейчасъ же я пока ограничусь родинными и свадебными обычаями.

Въ заключеніе своего „вмѣсто вступленія“ я позволю себѣ выразить искреннюю благодарность гг. народнымъ учителямъ Аванасію Васильевичу Варбанскому и Василю Ивановичу Гогунскому за то содѣйствіе, которое они оказали мнѣ при собираніи матеріала.

А. Родинные обычаи.

Такое важное явленіе въ жизни семьи, какъ появленіе на свѣтъ новаго человека, сопровождается у болгаръ очень многими обычаями.

Уже задолго до рожденія ребенка, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго матерью, въ домѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ принятію его въ лоно семьи. Появленіе на свѣтъ ребенка сопровождается особымъ пиромъ, называемымъ „малка пита“²⁾.

Одна изъ молодыхъ хозяекъ дома, гдѣ родился ребенокъ, спѣшитъ наскоро испечь прѣсный хлѣбъ, называемый „пита“, и сварить какую нибудь незатѣливую ѣду. Когда кушанье готово, она же или другая въ этомъ возрастѣ женщина, взявъ въ руку небольшую палочку—символь рожденія мальчика, или камышинку—символь рожденія дѣвочки, отправляется созывать самыхъ близкихъ родныхъ родильницы—только женщинъ—навѣстить ро-

¹⁾ Т. е.: „что выйдетъ изъ того, если каждый станетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію?“ Въ правописаніи сохранены отбѣнки мѣстнаго говора. (ѣ кур-сив. = юсь).

²⁾ Небольшая. предварительная „пита“.

дильницу и посмотрѣть на новорожденнаго. Обыкновенно на это угощеніе собирается не больше 6 или 7 женщинъ. Время проводится въ ѣдѣ, питьѣ и разговорѣ о совершившемся событіи. Мать родильницы приноситъ ей угощеніе и какой нибудь подарокъ новорожденному: одѣяло, кусокъ матеріи или что-нибудь въ этомъ родѣ. Подарки эти вѣшаются надъ колыбелью новорожденнаго, чтобы ихъ могли видѣть всѣ присутствующіе. Родственницы дарятъ новорожденному пятаки со словами: „да си купи кърпа“, ¹⁾ если новорожденный—дѣвочка, или: „да си купи свирка“, ²⁾ если новорожденный—мальчикъ. На этомъ угощеніи, какъ уже было указано и выше, имѣютъ право присутствовать только женщины, а если туда случайно попадетъ мужчина, то женщины всячески стараются удалить его, пуская въ ходъ колкія остроты, насмѣшки и т. п. Это предварительное, такъ сказать, угощеніе продолжается очень не долго. Гости расходятся по домамъ и скоро разносятъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ извѣстіе о родицахъ у такой-то особы, и уже на другой день или на третій, смотря по состоянію здоровья родильницы, затѣвается такъ называемая „гуляма пита“, ³⁾ т. е. пиръ на весь міръ, на который приглашаются уже всѣ родственницы (опять только женщины). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда устраивается еще третій разъ угощеніе, называемое „пону̀да“, но эта „пону̀да“ устраивается не всегда и не вездѣ. Новорожденный же въ это время находится подъ наблюденіемъ повивальной бабки, которая въ домѣ новорожденнаго дѣлается теперь полной хозяйкой, и всѣ относятся къ ней, какъ къ хозяйкѣ, съ особымъ почтеніемъ; слово ея свято, и прекословить ей не имѣетъ права никто. Не мало бѣды творятъ эти бабки въ домѣ родильницы, но эти бѣды проходятъ имъ безнаказанно. Больше всего безобразій творятъ онѣ надъ родильницей и новорожденнымъ младенцемъ. Если родильница послѣ родовъ бываетъ больна, то бабка съ своими шептаніями и заговорами является въ домѣ врачомъ, попеченіямъ котораго вѣрится больная. Въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ дней эта же самая бабка купаетъ новорожденнаго, причемъ

¹⁾ Т. е. пусть купить себѣ платокъ.

²⁾ Пусть купить себѣ дудку.

³⁾ Большая „пита“.

купанья свои сопровождаетъ всевозможнаго рода манипуляціями надъ ребейкомъ, обращаясь съ нимъ очень часто совсѣмъ неделекатно. Напримѣръ, при первомъ купаніи она съ какимъ-то многозначительнымъ, конечно, для нея и тѣмъ болѣе для простого народа, причмокиваніемъ ломаетъ младенцу руки, и затѣмъ запускаетъ ему въ ротъ палець и, упирая имъ въ нѣбо рта ребенка, встряхиваетъ его нѣсколько разъ и такимъ образомъ вынимаетъ изъ ванны. На слѣдующій день передъ вечеромъ та же бабка, искупавъ младенца, основательно посыпаетъ его солью особенно на изгибахъ суставовъ, считая это необходимымъ для предотвращения въ будущемъ потвнія тѣла. ¹⁾ На третій день послѣ рожденія ребенка, вечеромъ съ заходомъ солнца всѣ въ домѣ стараются поужинать какъ можно скорѣе. Новорожденнаго поверхъ пеленокъ одѣваютъ въ отцовскую новую рубаху, у изголовья кладутъ пѣлый хлѣбъ съ кускомъ соли и серебряною монетою, зажигаютъ тусклый огонекъ и всѣ въ семьѣ въ этотъ вечеръ остаются бодрствовать какъ можно долѣе, до полуночи, въ ожиданія посѣщенія новорожденнаго какими-то невидимыми духами, именуемыми въ народѣ „урисницы“, которые по повѣрью народа въ этотъ вечеръ назначаютъ судьбу новорожденному. „Урисницы“ эти говорятъ вслухъ, и ихъ будто бы можно слышать, а въ виду этого всѣ въ домѣ въ этотъ третій день хранятъ глубочайшее молчаніе. Только уже послѣ всего вышеизложеннаго родители новорожденнаго начинаютъ подумывать о крещеніи ребенка. Но если ребенокъ рождается слабымъ, то обрядъ крещенія совершается надъ нимъ прежде всего, а затѣмъ уже все вышеизложенное. Во всякомъ случаѣ крестить ребенка

¹⁾ Нѣкоторые, напр. г. Водрозова въ своемъ сочиненіи „Жизнь европейскихкихъ народовъ“, указывая этотъ обычай, говорятъ, что совершается онъ съ тою цѣлью, чтобы съ самаго дѣтства приучить человека переносить въ будущемъ всевозможнаго рода невзгоды. Не будетъ ли болѣе рациональнымъ объяснять этотъ обычай результатомъ гигиеническихъ требованій? Въ жаркомъ климатѣ при недостаткѣ воды, напр., во время полевыхъ работъ въ степи, соль могла играть роль средства, предотвращающаго всякаго рода разложенія. Вызванный первоначально необходимостью прибѣгать къ посредству соли, народъ впоследствии свыкся съ этою необходимостью, возвелъ ее на степень обычая, и въ настоящее время обычай этотъ живетъ въ народѣ къ большому неудовольствію двухдневныхъ малютокъ, традиціонно переходя изъ рода въ родъ.

въ болгарской семьѣ очень торопятся, потому что по народному повѣрью оставаться новорожденному ребенку некрещенымъ одному, безъ присутствія съ нимъ кого-бы то ни было, нельзя, да къ тому же и мать въ крестьянской семьѣ не можетъ долго оставаться безъ дѣла, и очень часто, не успѣвъ оправиться отъ родовъ, она принуждена бываетъ подыматься съ постели на работу. Если мать отлучается на время отъ новорожденного, то около него она оставляетъ ножницы, или метлу. Отецъ новорожденного долженъ позаботиться о приглашеніи ко дню крещенія кума ¹⁾, который, нужно сказать, передается въ болгарской семьѣ изъ рода въ родъ, т. е., если, положимъ, онъ воспринимаетъ дѣтей у меня, то онъ же воспринимаетъ ихъ и у моихъ дѣтей, а затѣмъ и у моихъ внуковъ и т. д. Отецъ является къ куму не иначе, какъ съ какою либо выпивкой и угощеніемъ, состоящимъ изъ орѣховъ и изюма, что называется „мизе“, и извѣщаетъ кума о цѣли своего посѣщенія; это дѣлается обыкновенно за нѣсколько дней до крещенія, потому что и кумъ съ своей стороны долженъ приготовиться къ этимъ крестинамъ; а приготовленія его состоятъ въ слѣдующемъ: онъ покупаетъ для новорожденного одѣяло, при чемъ здѣсь соблюдается нѣкоторый, такъ сказать, равъгъ, т. е., если воспринимаемый ребенокъ является первымъ въ практикѣ кума, то онъ преподноситъ ему одѣяло подороже, а если воспринимаемый ребенокъ является уже не первымъ, то тогда преподносится одѣяло попроще; кромѣ одѣяла кумъ припасаетъ нѣсколько аршинъ полотна для пеленокъ и все это приноситъ съ собою въ церковь, куда онъ является въ назначенный день вмѣстѣ съ кумой, которую обыкновенно самъ же выбираетъ изъ своей семьи. Послѣ обряда крещенія кумъ и кума въ сопровожденіи повивальной бабки съ ребенкомъ возвращаются къ его родителямъ; при этомъ мать новокрещеннаго ребенка встрѣчаетъ кума у первыхъ дверей дома, и если новорожденный—мальчикъ, то его передаетъ матери кума, а если дѣвочка, то передаетъ его кумъ, произнося всякій разъ при этомъ трижды: „ты мнѣ дала его евреемъ, я возвращаю его тебѣ христіаниномъ“ („Дади ми гу еврейче, на ти гу ристѣнче, т. е. христіанче“). Въ домъ въ это время зажигаются свѣчи, которыя принесли съ со-

¹⁾ Т. е. крестнаго отца.

бою изъ церкви кумъ и кума, а мать, принявъ ребенка, и передавъ его кому-либо изъ домашнихъ, сливаетъ на руки куму и кумѣ и предлагаетъ имъ подарки и небольшое угощеніе, послѣ чего отецъ новорожденного отвозитъ ихъ домой. Но немного отдохнувъ, кумъ и кума снова отправляются къ родителямъ новорожденного, гдѣ ихъ уже ожидаютъ всѣ приглашенные родственники новорожденного. Куму и кумѣ предназначается, конечно, первое мѣсто за столомъ; при этомъ они опять получаютъ подарки: кумъ обыкновенно рубаху, а кумѣ—платокъ, и въ свою очередь дарятъ какіе-либо подарки матери.

Б. Свадебные обычаи.

„Уро“, „сборъ“ и „сѣдяки“.

Пѣсня—единственный выразитель горя и радости русскаго народа, входитъ также и въ сферу духовной жизни болгарина. И радость, и горе, и трудъ, и веселье—все сопровождается у болгарина пѣніемъ. Но относительно пѣнія болгаръ нужно сказать, что носителями пѣсенной поэзіи являются у нихъ исключительно женщины; голоса мужчины почти не слышно, потому что его пѣніе напоминаетъ скорѣе какое-то бурчаніе подъ носъ, а не пѣсню, ту пѣсню, какую можно услышать въ русскомъ народѣ, пѣсню, то какъ бы рвущуюся на волю изъ груди народа, то занимающую гдѣ-то въ глубинѣ души его. Впрочемъ и мужчина болгаринъ имѣетъ иногда случай разойтись, такъ сказать, въ пѣняхъ и показать слушателямъ всю силу своей поэтической природы; такой случай представляетъ ему, напримѣръ, свадьба, причемъ пѣсенный репертуаръ мужчины сравнительно съ пѣсеннымъ репертуаромъ женщины отличается гораздо большею содержательностью. Пѣсня болгарки—это заунывный, протяжный и однообразный мотивъ, чуждый сложной инструментировки, а потому и не гармоничный. Вы не найдете здѣсь ни секундъ, ни терцій; мотивъ поютъ всѣ участвующіе въ хорѣ, при отсутствіи какого бы то ни было аккомпанимента.

Въ каждый праздникъ расфранченные дѣвушки и парни выходятъ на сельскія площади и улицы, поютъ пѣсни, хохочутъ, а когда мало по малу соберется достаточное количество публики—начинаютъ водить хороводы, которые заканчиваются ве-

селемъ національнымъ танцемъ, напоминающимъ отчасти русскій казачекъ. Танцуютъ этотъ танецъ всѣ дѣвушки и парни, участвующие въ хороводѣ, при этомъ дѣвушки держатся за пояса, а парни другъ друга за руки, не разрывая кольца хоровода. Хороводы начинаютъ водить съ ранней весны и заканчиваютъ ихъ поздною осенью. Офіціальное открытіе хороводовъ начинается такъ называемымъ „сборомъ“, когда и молодежь и старики нѣсколькихъ селъ съѣзжаются къ заранѣе назначенному дню въ одно какое-нибудь село и устраиваютъ здѣсь общее „хоро“, сопровождаемое національными танцами и борьбой.

Послѣ каждаго хоровода, который болгары называютъ „уро“ или „джокъ“, когда день уже склоняется къ вечеру, вся компанія направляется къ какому-либо колодцу, гдѣ продолжаютъ тѣ же шутки и хохотъ.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ одновременно съ хороводами идутъ такъ называемыя „сѣдянки“. По всѣмъ улицамъ раскладываютъ костры, вокругъ которыхъ садятся дѣвушки съ какимъ-либо рукодѣльемъ, поютъ пѣсни, разговариваютъ, шутятъ, и смѣхъ ихъ бываетъ слышенъ до глубокой ночи. Здѣсь же присутствуютъ и парни, на обязанности которыхъ лежитъ развлеченіе занимающихся дѣломъ дѣвушекъ.

Иногда на эти „сѣдянки“ являются и замужнія женщины; съ появленіемъ такой, всѣ дѣвушки молча, почтительно приподымаются съ своихъ мѣстъ, предлагаютъ прибывшей мѣсто и затѣмъ по ея приглашенію садятся на свои мѣста и опять продолжаютъ свои работы и пѣсни. Съ наступленіемъ холодныхъ осеннихъ ночей „сѣдянки“ переносятся со двора въ комнаты; хороводы уже прекращаются, но „сѣдянки“ продолжаютъ до самой весны, когда снова возобновляются хороводы и гулянья на свѣжемъ воздухѣ.

Сватанье.

Много было случаевъ молодому парню присмотрѣться къ дѣвушкамъ и намѣтить себѣ подругу жизни. Мы и не замѣтили какъ онъ подѣхалъ къ одной хорошенькой ¹⁾ дѣвушкѣ и ужъ

¹⁾ Общій типъ болгарской дѣвушки отличается особенною симпатичностью. Къ сожалѣнію, дѣвушки-болгарки ужасно любятъ кокетство и,

давно увивается за нею на „уро“ и у колодцевъ; взявъ ее за руку и отвѣдя въ сторону, причѣмъ та притворно отбивается, онъ бесѣдуетъ съ ней на подходящія темы и здѣсь же, послѣ долгихъ, конечно, подобнаго рода собесѣдованій и уловокъ, просить ея руки, заявивъ предварительно о своемъ рѣшеніи родителямъ. Вмѣстѣ съ согласіемъ дѣвушка даетъ молодому человѣку въ залогъ что-либо изъ своихъ вещей для фактическаго доказательства и подтвержденія согласія своего на бракъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, согласія, которое, какъ мы увидимъ ниже, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ сватанья. Здѣсь же молодой человѣкъ условливается съ дѣвушкой, когда ему можно будетъ отправить къ ея родителямъ сватовъ или свахъ. Эти „сватове“ или „сваи“ „заходятъ“ въ субботу или въ праздникъ. Если сваты вполнѣ рассчитываютъ на выигрышъ дѣла, то приносятъ вмѣстѣ съ собою полотенце, васильки, зерна пшеницы и деньги; все это вмѣстѣ называется „лишанъ“, что значить—знакъ, залогъ, и есть не что иное, какъ известнаго рода переживание въ народѣ, остатокъ той глубокой старины, когда не вѣста приносила съ собою приданое, а его долженъ былъ заплатить родителямъ невѣсты женихъ.

„Питати ли за гѣсти?“ спрашиваютъ сваты;—„питами, питами“, „добре души“, или же „не питами“—отвѣчаютъ родители невѣсты; по оказанному приѣму сваты заключаютъ, съ какой энергіей имъ дѣйствовать дальше. Начинаются переговоры, угощенія; здѣсь же условливаются и о приданомъ. Нужно замѣтить, что приданое у болгаръ вовсе не связано съ понятіемъ невѣсты; очень часто даетъ женихъ. Въ первомъ случаѣ такое приданое называется „приданіе“, а во второмъ „бабаакъ“. Переговоры ведутся безъ жениха и невѣсты.

Женихъ съ замираніемъ сердца подслушиваетъ у окна, а невѣста находится въ это время въ другой комнатѣ, и только послѣ окончанія переговоровъ на предложеніе родителей невѣсты

простой народъ, не отличающійся особенною культурностью, почти всѣ, по крайней мѣрѣ 99% ихъ, для большей очаровательности прибѣгаютъ къ посредству всевозможнаго рода косметическихъ снадобьевъ, которыя, какъ ядовитыя вещества, просто губятъ красоту дѣвушекъ; къ этому присоединяется еще вообще недолговѣчность свѣжести южной женщины, такъ что 30-ти лѣтъ она выглядываетъ уже совершенною старухой.

опросить её: „какъ ты рѣче мума?“ т. е., какъ скажетъ дѣвушка,—мать или сестра выводятъ ее изъ сосѣдней комнаты. Иногда къ этому времени приглашаютъ со двора и жениха, но, его присутствіе всегда бываетъ излишнимъ. Не смѣя поднять головы, является невѣста въ комнату и на вопросъ сватовъ: „искашь ли гу?“ т. е. желаешь ли его, отвѣчаетъ: „жа гу зѣма“ или же „нѣшта гу“, т. е. возьму его или нѣтъ. При всей своей зависимости, доходящей до того, что мужчина считаетъ для себя низкимъ подать руку женщинѣ, или женщина не имѣетъ права перейти дорогу мужчинѣ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ жизни женщина у болгаръ становится на высоту своего положенія какъ человѣка, женщины и хозяйки дома; ея мнѣніе и голосъ тогда имѣютъ рѣшающее значеніе. То же бываетъ и въ данномъ случаѣ: отъ рѣшенія невѣсты зависитъ—состояться или нѣтъ свадьбѣ.

Если невѣста изъявила свое согласіе, то она подходит къ „лишану“, который въ это время уже лежитъ сверхъ хлѣба, поднесеннаго домашними, и беретъ хлѣбъ вмѣстѣ съ „лишаномъ“. Съ этого момента молодые люди становятся женихомъ и невѣстой. Послѣ этого идутъ поздравленія сватовъ и родителей.

— „Да ти е честита“—съ такимъ пожеланіемъ поздравляютъ жениха, и „да ти е честитъ“—невѣсту. Основательной попойкой заканчиваются труды сватовъ у родителей невѣсты. Получивъ отъ невѣсты въ подарокъ по полотенцу и перевязавъ ихъ черезъ плечо, размахивая платками по воздуху и привязавъ такіе же къ уздечкамъ лошадей, съ криками „и-ху-ху“ и „э-ге-ге-па“ и выстрѣлами выѣзжаютъ сваты со двора невѣсты и ѣдутъ къ родителямъ жениха.

Не успѣли еще сваты явиться въ домъ родителей жениха, а ужъ родители жениха узнали о результатѣ переговоровъ и заключеніи торговой сдѣлки. Эту радостную вѣсть принесла имъ цѣлая ватага дѣтей и молодыхъ парней, которые подслушивали у оконъ невѣсты и, какъ только узнали результаты переговоровъ, сейчасъ же вперегонку пустились въ домъ родителей жениха, вперегонку—потому, что первые изъ принесшихъ эту вѣсть получать хорошіе подарки. Но вотъ подоспѣли и сваты. Родители жениха еще на порогѣ дома встрѣтили ихъ, ввели въ комнату, и тутъ пошли опять поздравленія и попойка. Мать жениха

при этомъ дарить сватовъ полотенцами. Этимъ и заканчивается обрядъ сватанья, называемаго въ болгарскомъ языкѣ— „годяваніе“.

Послѣ этого о женихѣ и невѣстѣ говорятъ, что они уже „гудѣхуса“, т. е. что они уже помолвлены.

„Гудежъ“.

Выбравъ удобное для себя время, родители жениха ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и сговариваются, когда дѣлать имъ „гудежъ“, а потомъ и свадьбу. „Гудежъ“ устраивается или въ субботу ночью или же въ воскресенье утромъ. „Гудежъ“—это уже почти свадьба. Родители жениха приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, то же самое дѣлаютъ и родители невѣсты ¹⁾. На этотъ вечеръ приглашается музыкантъ, который у болгаръ называется „кеменджія“ (отъ слова „кеменчѣ—инструментъ, похожій на скрипку), или же „цигулярня“ (отъ слова „цигулка“—особаго рода музыкальный инструментъ). Всѣ гости собираются въ домъ невѣсты; туда же прѣзжаетъ и женихъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, уставленный всевозможными яствами и питіями; но къ этимъ яствамъ никто изъ нихъ не прикасается до тѣхъ поръ, пока не будутъ совершены извѣстныя церемоніи, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: мать жениха преподноситъ невѣстѣ хорошо испеченный хлѣбъ, имѣющій плоскую форму, въ одинъ или полтора вершка вышины и приблизительно аршинъ въ діаметрѣ; вмѣстѣ съ этимъ невѣстѣ дается платье, кольца, браслетъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, иногда червонцы, называемые у болгаръ „леове“ ²⁾. Все это вмѣстѣ съ хлѣбомъ преподноситъ невѣстѣ женихъ; невѣсту къ этому времени выводятъ изъ сосѣдней комнаты, и она въ присутствіи всѣхъ гостей принимаетъ эти подарки и съ своей стороны даритъ жениху поясъ ³⁾. Вслѣдъ за этимъ женихъ и невѣста переламываютъ хлѣбъ, поднесенный невѣстѣ женихомъ и называемый „пи-

¹⁾ Вообще нужно замѣтить, что лицами, приглашенными въ качествѣ гостей на свадьбу, у болгаръ являются почти исключительно родственники обѣихъ сторонъ.

²⁾ Молодыя женщины и дѣвушки носятъ эти „леове“, какъ украшеніе, въ видѣ бусъ, у себя на груди.

³⁾ Эти пояса болгарки ткнутъ сами изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ. Поясъ имѣетъ приблизительно полторы сажени длины и четверть аршина ширины.

тою“, на части и раздаютъ ихъ гостямъ, изъ которыхъ каждый обязанъ попробовать этотъ хлѣбъ. ¹⁾

Послѣ этого начинается музыка, гулянье и попойка. Дѣвушки устраиваютъ въ комнатѣ или во дворѣ, смотря по состоянію погоды, „джокъ“ или „уро“, пляшутъ, поютъ пѣсни, а музыкантъ попеременно играетъ то для гостей, то для молодежи. На другой день всѣ родственники невѣсты, за исключеніемъ родителей, отдають отвѣтный визитъ жениху. Являются они къ жениху съ такою точно „питою“, разламываютъ ее тамъ на части и раздаютъ родственникамъ жениха; а родители жениха дарятъ всѣмъ явившимся родственникамъ невѣсты платки. На этомъ и заканчивается такъ называемый „гудежъ“, на которомъ окончательно рѣшается день вѣнчанія и устанавливается размѣръ приданого, которое обязательно долженъ уплатить отецъ жениха отцу невѣсты, и эту вторую питою уже какъ бы окончательно закрѣпляется договоръ между женихомъ и невѣстою; разрывъ еще можетъ быть, но бываетъ очень рѣдко. Съ этого момента обѣ стороны серьезно начинаютъ готовиться ко дню свадьбы: приговляютъ приданое, закупаютъ провизію, обстановку для молодыхъ и т. под.

„Застѣвки“.

Въ четвергъ обыкновенно ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ отправляется такъ называемый „калесникъ“ или „калѣска“ ²⁾—молодой человѣкъ или дѣвушка, съ баклагой вина или водки, съ привязаннымъ для украшенія къ баклагѣ платкомъ, съ приглашеніями на „застѣвки“ въ пятницу и на свадьбу въ воскресенье. „Калесникъ“ заходитъ во дворъ и при этомъ, если онъ приходится племянникомъ родителямъ жениха, то онъ, подавая баклагу, говоритъ: „млогу ви здрави отъ чичо (дядя) и чина (тетка) да дойдете на свѣтба въ недѣля“. Приглашаемые принимаютъ баклагу со словами: „да си живѣ и здравѣ“, отпиваютъ изъ нея

1) При разламываніи хлѣба женихомъ и невѣстой обращается вниманіе, на чьей сторонѣ окажется большая половина хлѣба. На основаніи этого, дѣлается заключеніе о томъ, кто изъ молодыхъ въ жизни будетъ играть преобладающую роль.

2) Связь съ греч. словомъ *καλέω*—зову.

содержимаго и снова возвращаютъ её „калѣснику“. Послѣ этого уже вся молодежь въ селѣ оповѣщена о днѣ „засѣвокъ“ и свадьбы. Засѣвки устраиваются въ пятницу у жениха. Къ засѣвкамъ готовятся два каравая, которые называются „медениками“; при этомъ ихъ стараются подогнать такъ, чтобы они ко времени „засѣвокъ“ были теплы; сверху они смазываются медомъ. Пока „меденики“ пекутся, вся молодежь уже въ сборѣ, ожидая выноса „меденика“. Въ комнатѣ въ это время идетъ работа: среди комнаты ставится корыто, сито и мука. Мальчикъ и дѣвочка, связанные между собою поясомъ, просѣиваютъ черезъ сито муку, которую спѣшатъ замѣсить и изъ тѣста испечь калачъ, смазанный медомъ и украшенный чернымъ изюмомъ. Калачъ этотъ привязывается къ баклагѣ „деверя“, который играетъ роль главнаго шафера и самаго приближеннаго лица къ жениху и невѣстѣ.

Въ это время во дворѣ идутъ танцы, у дверей комнаты начинается приготовленіе „пряпорицы“ (знамени). „Деверь“ становится на подушку, а женщины, родственницы жениха, съ пѣснями навязываютъ сначала на шею, который держитъ въ рукѣ „деверь“, яблоко, которое обматываютъ красными и бѣлыми нитками, и сверху нихъ въ меридіональномъ направленіи наматываютъ нити изъ зеренъ чернаго изюма и испеченной кукурузы; затѣмъ къ самому древку привязываютъ бѣлое, украшенное кружевами, полотенце, называемое „пишкирь“. Вотъ одна изъ пѣсней, которая поется въ это время:

„Війся, війся, пряпорица,
Че жда идемъ въ друго село,
Да ни видятъ другоселии

Тѣи не глѣдять пряпорица,
Я най глѣдять деверчито“.

Материалъ для „пряпорицы“ держится въ ситѣ, куда деверь послѣ окончанія работы бросаетъ деньги и, упирая древко знамени себѣ въ поясъ, выходитъ во дворъ къ публикѣ и вмѣстѣ съ золовкой („зѣлва“, которая играетъ во время свадьбы такую роль, какъ и „деверь“) принимаетъ участіе въ круговой пляскѣ „джокъ“. Во все дальнѣйшее продолженіе свадьбы эта „пряпорица“ съ баклагою и привязанными къ ней платкомъ и калачомъ составляютъ непремѣнные атрибуты „деверя“.

Танцы во дворѣ продолжаютъ... Наконецъ, среди хоровода показывается давно ожидаемый „меденикъ“—это два, другъ на друга положенные, каравая, а сверху нихъ заблаговременно испе-

ченнаѣ медовая лепешка, васильки и чашка меда. Для выноса „меденика“ выбирается обыкновенно самый рослый и плотный мужчина. Вынося меденикъ, онъ ставитъ его среди круга, образованнаго танцующими, на такъ называемую „суфра“— невысокій, круглый столикъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько оборотовъ вокругъ „меденика“, танцы прекращаются, а „меденикъ“ дѣлится между всѣми присутствующими. Медовая же лепешка, васильки и медъ предназначаются для невѣсты въ качествѣ подарка отъ жениха.

„Раздачею „меденика“ заканчиваются „засѣвки“ у жениха, и сейчасъ же послѣ этого вся компанія вмѣстѣ съ музыкантомъ, деверемъ и золовкой отправляются отъ жениха на „засѣвки“ къ невѣстѣ и уносятъ съ собою лепешку, васильки и медъ. Женихъ въ это время почти не показывается и остается дома.

Шествіе къ невѣстѣ сопровождается музыкой и танцами. У невѣсты „засѣвки“ идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и у жениха, съ тою лишь разницею, что „засѣвки“ у невѣсты не сопровождаются приготовленіемъ „припорицы“. Если невѣста находится въ другомъ селѣ, то „засѣвки“ идутъ одновременно, отдѣльно у жениха и невѣсты.

„Кишкекъ“.

Вслѣдъ за „засѣвками“, какъ у жениха, такъ и у невѣсты идутъ приготовленія свадебнаго кушанья, называемаго „кишкекъ“. Вечеромъ молодежь обоѣго пола собирается къ жениху и невѣстѣ; здѣсь опять идутъ танцы, пѣніе, во время которыхъ нѣсколькимъ выбраннымъ парнямъ вручаются „кутѣль“— большая деревянная ступа—и чересло. Вмѣстѣ съ этимъ они получаютъ моченую пшеницу, которую и толкутъ въ этихъ ступахъ до тѣхъ поръ, пока пшеничныя зерна совершенно не очистятся отъ шелухи; такая очищенная пшеница и называется „кишкекъ“.

Между молодыми людьми—участниками въ этой работѣ, идетъ бойкая конкуренція, потому что тотъ, кто скорѣе и лучше истолчетъ пшеницу, получаетъ обыкновенно въ подарокъ лучшій платокъ. Всѣ эти работы идутъ въ специально назначенной для этой цѣли комнатѣ подъ наблюденіемъ особой женщины, которая называется „кишкеджійка“; она же варитъ истолченныя зерна въ котлѣ, прибавляя туда для большаго вкуса масла, а иногда просто бараньяго сала. Когда „кишкекъ“ совершенно го-

товъ, молодежь заканчиваетъ свои пляски и пѣнiе и расходится по домамъ. Женихъ же и невѣста въ это время или, вѣрнѣе говоря, родители того и другого начинаютъ готовиться къ принятiю гостей, которые явятся къ нимъ въ этотъ же вечеръ съ „приносомъ“.

И дѣйствительно, не успѣло солнце еще спрятаться за горизонтъ, какъ уже на дворъ къ жениху со всѣхъ сторонъ потянулись ближайшіе его родственники съ поздравленіями, неся съ собою по два каравая, какое нибудь яство въ сыромъ (гусь, курица и т. п.) или вареномъ видѣ, всевозможнаго рода лакомства и, непременно, вино или водку. При входѣ въ сѣни гостей встрѣчаютъ родители жениха; приносъ за исключеніемъ напитковъ, подается хозяйкѣ дома, которая уноситъ все это въ свою кладовую, перекладываетъ въ свою посуду, посуду гостей наполняетъ только что приготовленнымъ „кишекомъ“ и возвращаетъ ее гостямъ при обратномъ уходѣ ихъ домой, гдѣ „кишекъ“ раздается всѣмъ домочадцамъ. На этомъ вечерѣ всѣ угощаютъ другъ друга и первымъ долгомъ, конечно, хозяевъ своимъ виномъ, затѣмъ усаживаются за столы, уставленные яствами, закусками и напитками; музыкантъ въ это время играетъ и поетъ, а угощеніе гостей и вообще всѣ свадебныя хлопоты возлагаются на нѣсколькихъ молодыхъ людей—родственниковъ, которые называются „изметчи“. На обязанности этихъ же „изметчѣвъ“ лежитъ и развлеченіе гостей; они должны быть всегда готовы по первой же просьбѣ гостей танцевать или улаждать ихъ вслухъ своимъ пѣнiемъ. Гости въ этотъ вечеръ обыкновенно не засиживаются у родителей жениха.

Часъ, много два продолжается эта пирушка, и всѣ расходятся по домамъ. Въ этотъ же вечеръ къ родителямъ жениха является и кумъ, который, какъ духовный отецъ молодого человѣка, вступающаго въ бракъ, во все продолженіе свадьбы играетъ болѣе важную роль, чѣмъ сами родители жениха и невѣсты. Кумъ первый садится за столъ, ему уступаютъ почетное мѣсто, ему же предназначается первая чарка и первый кусокъ; на него обращены взоры хозяевъ и „изметчѣвъ“, предупреждающихъ малѣйшее его желаніе; для его же веселья предназначаются и музыка, и пѣнiе, и пляска. „Весель буди куме!“—обращается къ нему каждый разъ музыкантъ съ низкимъ поклономъ послѣ того, какъ пропоетъ или сыграетъ. О днѣ свадьбы кума извѣщаетъ

особый „калѣсникъ“ и извѣщаетъ задолго до свадьбы, потому что ему предстоятъ большія приготовленія: онъ долженъ купить посуду для новобрачныхъ (покупается обыкновенно мѣдное ведро), онъ же долженъ приготовить и закуски для свадьбы, а жена его — купить для невесты платье. И „приносъ“ кума отличается обыкновенно отъ „приноса“ прочихъ своимъ богатствомъ и состоитъ изъ жаренаго поросенка, индюка, множества всевозможнаго рода гостинцевъ, которые называются общими именемъ „мизѣ“, живого, годовалаго ягненка („шилѣ“), теленка и т. п. Если кумъ живетъ въ другомъ селѣ, то онъ является въ село жениха въ субботу пораньше и выбираетъ себѣ „кунакъ“, гдѣ останавливается. Въѣздъ кума въ село сопровождается большою торжественностью. Еще за селомъ его встрѣчаютъ деверь и „изметчій“ съ музыкой и криками. Поздоровавшись съ кумомъ и угостивъ другъ друга виномъ, всѣ быстрой ѣздой и съ крикомъ въѣзжаютъ въ село, на дворъ къ „кунаку“. Затѣмъ кумъ отправляется къ родителямъ жениха, гдѣ его съ музыкой встрѣчаютъ у воротъ. Но кумъ долго не остается у родителей своего крестника. Онъ спѣшитъ къ себѣ „на кунакъ“, гдѣ долженъ приготовить кое что къ принятію вечеромъ гостей. Вечеромъ къ нему собираются гости, и начинается такъ называемая „кумова вечеръ“, продолжающаяся вплоть до самаго утра. Отъ жениха идутъ къ куму съ угощеніями и попойкой „изметчій“ и несутъ къ нему обязательно „печево“ — печеное мясо. Вообще же все угощеніе называется „кибѣбъ“. Дальнѣйшая выпивка идетъ на счетъ жениха и продолжается до тѣхъ поръ, пока куму не заблагоразсудится распустить гостей по домамъ.

Въ это время у невесты молодыя дѣвушки, преимущественно подростки, плетутъ изъ васильковъ вѣнки, перевязывая ихъ красными нитками. Вѣнки, предназначенные для кума и кумы, дѣлаются немного позыащѣе, для другихъ гостей попроще, а въ вѣнокъ, предназначенный музыканту, который играетъ на свадьбѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль шута, для комизма вплетаютъ стручки перца, головки луковицы и т. п. Кумъ въ субботу передъ вечеромъ, взявъ съ собою вина, жаренную курицу и платокъ, отправляется къ священнику съ просьбой повѣнчать молодыхъ и условливается здѣсь же съ нимъ относительно гонорара за труды. Въ это время надъ женихомъ совершается обрядъ бритья,

сопровождаемый плачемъ и причитаньями матери, причемъ бритве совершается и въ томъ случаѣ, если бы у жениха на подбородкѣ не было даже и признаковъ растительности.

Вѣнчаніе и увозъ невесты.

Въ воскресенье утромъ родственницы жениха—дѣвушки и молодыя невестки-отправляются въ домъ къ невестѣ и, одѣвъ ее въ подвѣнчное платье, ведутъ въ церковь, гдѣ ее уже ждетъ женихъ. Передъ вѣнчаніемъ „деверя“ подводятъ къ молодой, и онъ перемѣняетъ ей обувь. Во время вѣнчанія молодые стоятъ на разостланномъ специально для этой цѣли платкѣ. Вѣнды держать крестные отецъ и мать или же кто либо изъ ихъ ближайшихъ родственниковъ; сзади кума и кумы становятся „деверь“ и золовка, держась другъ за друга. Во время вѣнчанія кума даритъ невестѣ покрывало и платье, и эти подарки невеста въ продолженіе вѣнчанія держитъ на лѣвой рукѣ.

Обрядъ вѣнчанія оконченъ, брачныя узы скрѣплены, однако женихъ не имѣетъ еще права оставаться вмѣстѣ со своей женой, поэтому сейчасъ же послѣ выхода изъ церкви „деверь“ демонстративно разводитъ ихъ въ разныя стороны. Попрошавшись съ кумомъ ¹⁾, женихъ и невеста расходятся по домамъ.

„Изметчѣн“ жениха, позавтракавъ ѣаскоро дома, отправляются съ обѣдомъ къ куму, но остаются тамъ недолго и возвращаются опять къ жениху, откуда готовятся итти къ невестѣ. Сигналь къ приготовленіямъ даетъ музыкантъ особою плясовою музыкой; на этотъ сигналъ выходитъ мать жениха съ подарками, помѣщенными въ сѣтъ. Во дворѣ передъ дверьми стоятъ въ это время женихъ, обнаживъ голову и держа въ рукахъ баклагу съ виномъ, деверь съ „прѣпорцею“ и калачемъ и золовка; здѣсь же присутствуютъ „изметчѣн“ и ближайшіе родственники.

Первый подарокъ вручается золовкѣ, а затѣмъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого съ выстрѣлами всѣ выходятъ со двора и направляются къ куму. Шествіе сопровождается пѣснями и танцами, одинъ женихъ хранить полнѣйшее молчаніе. Кумъ уже готовъ; выстрѣлами ему даютъ знать о прибытіи процессіи, къ которой онъ и присоединяется, а женщины—„кумы“ ѣдутъ

¹⁾ При этомъ невеста цѣлуетъ у кума руку, затѣмъ прикладываетъ къ ней свой лобъ и еще разъ цѣлуетъ ладонь руки.

на особой подводѣ; другая же подвода предназначается для припасовъ кума, съ которыми онъ отправляется къ невѣстѣ. Вся процессія группируется около кума, и у всѣхъ ея участниковъ обязательно въ рукахъ имѣется фляга съ виномъ. Кумъ идетъ, озираясь по сторонамъ, и если встрѣчаетъ на пути родственника или хорошаго знакомаго, то останавливается; вмѣстѣ съ нимъ останавливается и вся процессія, и начинается угощеніе виномъ съ пожеланіями всѣхъ благъ и благополучій.

Въ это время родители жениха обыкновенно остаются дома.

Процессія, наконецъ, послѣ неоднократныхъ остановокъ добралась до своей цѣли. У воротъ двора невѣсты эту процессію встрѣчаютъ отецъ невѣсты и всѣ ближайшіе родственники. Гостей усаживаютъ во дворѣ за столы, роль которыхъ играютъ обыкновенныя доски, положенныя на какія-либо низенькія подставки. Кумъ, конечно, за трапезой занимаетъ первое мѣсто, и опять взоры всѣхъ, какъ родителей невѣсты, такъ и родственниковъ жениха, обращены на кума для того, чтобы быть готовыми предупредить малѣйшее его желаніе и оказать ему знаки особеннаго вниманія и почтенія. Специально для него поются пѣсни и здѣсь же передъ трапезой устраиваются танцы, называемыя „раченицы“.

Послѣ нѣкотораго промежутка времени, женихъ съ деверемъ и приближенными изметчіями, которые со всею процессією явились во дворъ невѣсты, направляется къ дверямъ ея дома, но попытки ихъ пробраться въ домъ къ невѣстѣ оканчиваются неудачею; для того чтобы получить право доступа къ невѣстѣ, они должны прежде заплатить откупъ за полотенце, пѣтуха и самую невѣсту; полотенце откупаетъ деверь и привязываетъ его здѣсь же къ „пряпорицѣ“, пѣтуха откупаетъ одинъ изъ „изметчій“, который по этому случаю получаетъ особый титулъ „пѣтелджіа“, а невѣсту откупаетъ женихъ. Роль „пѣтелджіа“ выполняетъ обыкновенно одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха. Пѣтухъ, котораго откупаетъ „пѣтелджій“, имѣетъ у себя на шеѣ мѣшечекъ съ пшеничными зёрнами и ожерелье изъ чернаго изюма и печеной кукурузы. Подъ крыльями у него подвязанъ платокъ. Выкупъ пѣтуха сопровождается всевозможнаго рода остротами въ роцѣ того, что пѣтухъ хорошаго завода, а потому надо ожидать отъ него и хорошаго приплода и т. под. Въ виду подобныхъ качествъ пѣтуха одна сторона набиваетъ

на него цѣну, другая не соглашается дать требуемую сумму, но дѣло, наконецъ, улаживается, „пѣтелджій“ получаетъ пѣтуха и, поднявъ его надъ головою, пляшетъ съ нимъ, причемъ пляска его сопровождается всеобщимъ хохотомъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ имѣютъ очень часто пополуноженіе украсть у него этого пѣтуха, что имъ иногда, дѣйствительно, и удается, а „пѣтелджію“ это причиняетъ большія непріятности, потому что онъ во что бы то ни стало долженъ розыскать пѣтуха, иначе ни его, ни жениха не впускаютъ въ домъ.

Когда пѣтухъ уже въ рукахъ „пѣтелджія“, женихъ съ „изметчіями“, „деверемъ“ и компаніей молодежи входятъ въ комнату, гдѣ ихъ уже ожидаетъ невѣста, окруженная подружками-родственницами, которыя и встрѣчаютъ жениха особо установленными для этого случая пѣснями. Невѣста въ пѣннѣ не принимаетъ участія и стоитъ молча. Въ этой же комнатѣ, гдѣ находится невѣста, стоятъ приготовленнымъ въ сундукахъ и все ея приданое, готовое къ выѣзду въ домъ жениха. Войдя въ комнату и сдѣлавъ новый откупъ невѣсты у ея „дружекъ“, женихъ подходитъ къ своей жевѣ и становится съ правой стороны ея. Имъ подносятъ въ это время каравай съ сладкимъ сверху пирогомъ, который женихъ разрѣзываетъ на части и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе родственники жениха усаживаются за столы и начинается закуска. Въ серединѣ обѣда, который идетъ во дворѣ, торжественно выносятъ такъ называемую „ковиску“. Состоитъ она изъ двухъ караваевъ, положенныхъ другъ на друга, а между ними—сковорода съ „печевомъ“. Верхній каравай украшается букетомъ цвѣтовъ, ёлкою или же просто сдѣланнымъ изъ дерева трехконечникомъ; украшеніе это называется „елъ“ (ёлка).

Все это несетъ одинъ изъ „изметчѣевъ“, а другіе съ криками и подпрыгиваньемъ сопровождаютъ его. „Изметчія“ подносятъ „ковиску“ къ куму и предлагаютъ ему принять одинъ изъ караваевъ; кумъ беретъ верхній каравай, сковороду съ мясомъ принимаетъ одинъ изъ „изметчѣевъ“, а другой каравай принимаетъ „бабалъкъ“. Взявъ каравай, кумъ и „бабалъкъ“, а вмѣстѣ съ ними и всѣ присутствующіе поднимаются со своихъ мѣстъ; кумъ крестится и, съ молитвою о ниспосланіи всякаго благополучія, пѣлуетъ каравай и передаетъ его своему сосѣду, который перс-

даетъ его дальше; то же самое дѣлаетъ и „бабалъкъ“, который передаетъ каравай въ свою сторону (сидитъ онъ рядомъ съ кумомъ). Обойдя всѣхъ присутствующихъ, каравай, наконецъ, доходитъ до женъ кума и бабалъка, которыя сидятъ противъ своихъ мужей; у нихъ каравай остается до конца обѣда, во время котораго вниманіе всѣхъ родственниковъ невѣсты опять обращено на кума; всѣ заботятся о томъ, чтобы куму было какъ можно веселѣе, потому что достаточно малѣйшаго невниманія къ нему для того, чтобы заставить его подняться изъ-за стола и уйти, а этимъ самымъ разстроитъ весь свадебный пиръ. Для увеселенія кума и съ его, конечно, согласія иногда приглашаютъ во дворъ изъ комнаты жениха и невѣсту и устраиваютъ передъ столомъ небольшое „хоро“. Въ это время со всѣхъ сторонъ сыплются комплименты по адресу невѣсты съ цѣлью пощекотать самолюбіе кума.

Покрутившись немного, молодые возвращаются въ комнату, а во дворѣ за столомъ устраивается въ ихъ пользу сборъ. Передъ кумомъ ставится блюдечко, которое обходитъ всѣхъ присутствующихъ; кумъ беретъ собранныя деньги и уноситъ ихъ съ собою въ комнату, гдѣ находятся молодые и гдѣ также идетъ угощеніе, но угощеніе на счетъ самихъ гостей, которымъ предоставляется право самимъ позаботиться объ угощеніи; въ виду этого они прихватываютъ его еще изъ дому; отъ хозяевъ предлагается имъ только „мизѣ“ и на прощанье „вишкекъ“.

Войдя въ комнату, кума подходитъ къ жениху и невѣстѣ и прикрываетъ лицо невѣсты платкомъ алаго цвѣта, называемымъ „було“. Во время „забулеванія“ поется особо установленная на этотъ случай пѣсня, а передъ „забулеваніемъ“ всѣмъ родственникамъ и родственницамъ жениха возлагаются на головы вѣнки, за которые родственники уплачиваютъ нѣкоторую пошлину въ пользу тѣхъ дѣвушекъ, которыя плели ихъ.

Братъ невѣсты беретъ за руку молодыхъ и выводитъ ихъ во дворъ къ порогу, во время чего поются послѣднія прощальныя пѣсни. Къ молодымъ подходятъ родители и родственники невѣсты, и начинается прощаніе съ невѣстой. Цѣлуя другъ другу руки, всѣ дарятъ другъ друга подарками, при этомъ женихъ, цѣлуя также всѣмъ руки, потчуетъ ихъ виномъ.

Пока идутъ эти прощанья, во дворѣ выкупается имущество невѣсты и укладывается на подводы. Но прежде чѣмъ выѣхать

со двора невѣсты, „изметчій“ жениха стараются стянуть что-нибудь со двора невѣсты, что и удается имъ, несмотря на строгій надзоръ со стороны „изметчьевъ“ невѣсты. У воротъ процессію встрѣчаетъ молодежь и требуетъ откупа. Если у невѣсты есть меньшій братъ, то ему женихъ преподноситъ въ подарокъ „чезми“, т. е. сапоги, а если есть сестра, то ей—„огледало“, т. е. зеркало; такія же зеркала дарятся и всѣмъ близкимъ подругамъ невѣсты. Заплативъ откупъ и храня полнѣйшее молчаніе, процессія выѣзжаетъ со двора невѣсты; но не успѣла она еще выѣхать на улицу, какъ „изметчій“ жениха, сидя на подводахъ сверхъ сундуковъ съ приданнымъ невѣсты, поднимаютъ страшный крикъ и гамъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на строгій надзоръ „изметчьевъ“ невѣсты, „изметчій“ жениха тѣмъ же менѣе стащили со двора невѣсты, кто старое ведро, кто разбитый тазъ или горшокъ, и теперь колотятъ въ нихъ палками, подымая на всю улицу шумъ. Вслѣдъ за подводами тихимъ шагомъ съ восклицаніями: „гайди, дубьръ пѣть!“ начинаютъ двигаться со двора невѣсты и сами молодые въ сопровожденіи кума и близкихъ родственниковъ жениха.

У воротъ двора родителей жениха процессія эту встрѣчаетъ отецъ жениха; отдавъ куму почтеніе, онъ отправляетъ его домой въ сопровожденіи одного или двухъ „изметчьевъ“. У дверей дома жениха молодыхъ встрѣчаетъ свекровь съ зажженными свѣчами, вставленными въ тарелку съ мукой, а отецъ подноситъ имъ хлѣбъ съ солью, который принимаетъ сынъ, молодой же въ руки вручается ведро съ водой. Послѣ этого мать танцуетъ вокругъ молодой танецъ „раченицы“, а отецъ, накинувъ на молодыхъ поясъ, вводитъ ихъ такимъ образомъ въ домъ. Однако молодые не сразу входятъ въ домъ: они оказываютъ нѣкоторое сопротивленіе и уступаютъ по мѣрѣ того, какъ отецъ, мать и ближайшіе родственники пообѣщаютъ имъ какіе либо подарки; на каждое такое обѣщаніе молодые отвѣчаютъ однимъ шагомъ впередъ, а изметчій въ это время въ комнатахъ записываютъ на стѣнахъ число подарковъ, стараясь при этомъ какъ можно больше поцарапать штукатурки. Войдя въ комнату, невѣста привѣтствуетъ всѣхъ родственниковъ жениха медомъ, который она преподноситъ пальцемъ къ губамъ cadaго. Послѣ этого молодую уводятъ въ брачную спальню.

Женихъ въ сопровожденіи изметчьевъ отправляется къ куму, гдѣ

ему на время приходится сыграть роль мишени для колкостей и остротъ, направленныхъ по его адресу со стороны „изметчѣвъ“. Явившись къ куму, онъ однако не показывается ему сейчасъ же, а остается нѣкоторое время гдѣ либо въ углу, въ простѣнкѣ или за спиною одного изъ „изметчѣвъ“. На вопросъ „изметчѣвъ“, не желаетъ ли кумъ увидѣть очень интереснаго человѣка, кумъ отвѣчаетъ утвердительно; тогда ему предлагаютъ протанцевать, что онъ и дѣлаетъ; въ это время женихъ выходитъ изъ своей засады и присоединяется къ куму. Танецъ долго не продолжается и сейчасъ же послѣ его окончанія кумъ садится на заранѣе приготовленное для него мѣсто, а женихъ начинаетъ раздѣвать его, что сопровождается безпощадными колкостями и остротами со стороны „изметчѣвъ“; однако раздѣваніе до конца не доводится, въ комнату является кума; женихъ цѣлуетъ руку у кума и кумы и выходитъ изъ комнаты, при чемъ онъ не имѣетъ права повернуться къ куму спиной, а долженъ стараться выйти изъ комнаты, оставаясь лицомъ къ куму, что ему удается сдѣлать не иначе, какъ выходя задомъ къ выходу. Весь этотъ процессъ называется „взятіемъ у кума прошки“, т. е. взятіемъ у кума разрѣшенія на брачное ложе. Съ однимъ изъ „изметчѣвъ“ женихъ отправляется домой, гдѣ его въ брачной спальнѣ уже ждетъ молодая. Во время дороги его провожатый преподаетъ ему уроки первыхъ шаговъ семейной жизни на брачномъ ложѣ.

Домъ отца женихъ застаетъ въ полнѣйшемъ безмолвіи и проходитъ прямо къ невѣстѣ. „Изметчи“, какъ вѣрная стража молодыхъ, занимаютъ въ это время всѣ входы у дверей и оконъ, охраняя ихъ отъ любопытныхъ. Въ комнатѣ молодыхъ на это время зажигаются брачныя свѣчи, которыя вмѣсто подсвѣчниковъ вставляются въ сапоги супруга... Рубаха невѣсты показывается родственникамъ. Выстрѣлами изъ ружья оповѣщаютъ о томъ, что дѣвушка оказалась честною. Немедленно послѣ этого отправляются спеціальныя послы къ родителямъ невѣсты, а также и къ куму, гдѣ выстрѣлами изъ ружья даютъ знать о благополучномъ ходѣ дѣла. Войдя въ домъ, послы поздравляютъ всѣхъ установленной для этого формулой и преподносятъ каждому по чаркѣ водки, прислащенной сахаромъ, которая называется „мѣдяна ракія“, т. е. „медовая водка“. Кумъ и родители невѣсты уже отъ себя рассылаютъ такихъ же пословъ

и съ такую же сладкою водкой къ своимъ родственникамъ. Какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты идетъ теперь веселье, сопровождаемое пѣснями, пляской и выпивкой.

Но Боже сохрани, если оказалось, что молодая въ этотъ вечеръ вкусила уже не первый плодъ любви—тогда конецъ всей свадьбы и самый ужасный позоръ родителямъ невѣсты, не сумѣвшимъ воспитать своей дочери. Музыкантъ, который обыкновенно первый осматриваетъ постель и который на это время перестаетъ быть шуткомъ и увеселителемъ компании, а становится должностнымъ лицомъ, отъ котораго зависитъ весь дальнѣйшій ходъ свадьбы, немилосердно разстраиваетъ скрипку; со всѣхъ сторонъ подымается ропотъ негодованія. Послы, отправленные къ родителямъ невѣсты, преподносятъ имъ водку въ дырявомъ стаканѣ и этимъ даютъ понять родителямъ, въ чемъ дѣло и какой позоръ ожидаетъ ихъ теперь впереди.

Послѣбрачные заключительные обычаи.

Послѣ благополучной брачной постели молодая готовится къ омовенію свекра и свекрови. Умывъ имъ ноги и лицо, она преподноситъ имъ отъ себя какіе либо подарки и угощаетъ сладкой водкой. Иногда послѣ этого молодыхъ запрягаютъ въ небольшую повозку, куда садятся свекоръ и свекровь, а „изметчи“ въ это время взлѣзаютъ на крыши домовъ и подымаютъ шумъ, крики и хохотъ. Около этого же времени молодая въ сопровожденіи золовки и молодыхъ женщинъ идутъ къ куму, гдѣ невѣста совершаетъ то же омовеніе, что и въ домѣ родителей жениха, и при этомъ угощаетъ ихъ сладкою водкой и подарками.

Послѣ омовенія кума и кумы молодежь женскаго пола, въ сопровожденіи „деверя“ и золовки, ведутъ молодую къ колодцу, гдѣ она должна налить ведра водою. Ведра обыкновенно несетъ одна изъ подружекъ молодой; такъ же точно и наливаетъ ихъ не невѣста, а та же подружка, хотя нужно замѣтить, что дѣлается это просто изъ любезности къ молодой и изъ желанія освободить ее отъ излишняго труда. Когда ведра налиты водою, молодая бросаетъ въ воду нѣсколько монетъ, которыя предназначаются въ пользу той, которая наливала воду, но обыкновенно ей не достаются, потому что ее предупреждаетъ цѣлая толпа мальчишекъ, сопровождающихъ процессію къ колодцу. Послѣ

этого молодая такимъ же порядкомъ возвращается домой, а ведра несутъ опять та же самая дѣвушка, которая и наливала ихъ; у воротъ дома ведра съ водою передаются молодой, и она вноситъ ихъ въ комнату. Во время шествія къ колодцу и обратно молодая имѣетъ въ рукахъ небольшое ведерко съ сладкой водкой, которою она потчуетъ каждое встрѣтившееся съ процессією лицо. „Дай Боже, да си жива и здрава“, произноситъ каждый встрѣтившійся, отпивая немного водки изъ ведерка и вручая молодой за это какую нибудь монету; принимая монету, молодая цѣлуетъ, подавши ему руку, и передаетъ монету золовкѣ, которая играетъ роль казначея молодой. Все вышеизложенное хожденіе молодой къ колодцу называется „извожденіе млада-та на герана“, т. е. выводъ молодой къ колодцу.

Одновременно съ этимъ „извожденіемъ“ „изметчи“ отправляются къ куму въ сопровожденіи музыканта и несутъ съ собою сладкую водку и цѣлую сковороду сладкаго пирога, называемаго по-болгарски „млинъ“. Они остаются у кума до вечера и забавляютъ его пѣніемъ, игрой и плясками.

Невѣста же въ теченіе дня занята работою по хозяйству и приготовленіями къ принятію гостей на вечернюю „трапезу“. Если въ теченіе этого дня кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ случайно зайдетъ въ домъ, гдѣ идутъ приготовленія, то молодая вмѣстѣ съ золовкой встрѣчаютъ его во дворѣ съ ведерочкомъ сладкой водки и угощаютъ его, за что получаютъ мелкую монету и уходятъ опять къ своей работѣ, предоставляя дальнѣйшее угощеніе гостя свекру и свекрови.

Наступаетъ, наконецъ, вечеръ. Уже заранѣе ко всѣмъ родственникамъ разсылается „калесникъ“; такой же специальный „калесникъ“ посылается и къ куму съ приглашеніемъ на вечеръ къ молодымъ. Кумъ отправляется на этотъ вечеръ въ сопровожденіи музыканта и цѣлой компаніи мужчинъ, причемъ мужчины одѣваютъ женскіе костюмы, а женщины мужскіе и въ такомъ видѣ направляются къ дому жениха. Участіе въ переряженъи иногда принимаютъ и родители невѣсты. Входя въ домъ, кумъ и гости поздравляютъ хозяевъ, потчуютъ ихъ выпивкой изъ своей бутылки; хозяева отвѣчаютъ гостямъ тѣмъ же. Угощеніе на этомъ вечерѣ идетъ отчасти на счетъ родителей жениха, отчасти на счетъ самихъ гостей, которые по обыкновенію не забыли захва-

тить съ собою съѣстныхъ припасовъ изъ дому. Вечеръ сопровождается музыкой, танцами и пѣніемъ. Эту музыкально-танцевальную часть вечера завѣдуетъ музыкантъ, который въ этотъ вечеръ развѣтываетъ предъ слушателями свои музыкальныя способности и часто, дѣйствительно, поразительное знаніе богатства пѣсенъ и стиховъ. Помимо музыканта, участіе въ пѣніи, по желанію кума, можетъ принимать каждый изъ участниковъ вечера. Въ танцахъ иногда принимаетъ участіе и подпившій уже къ этому времени кумъ, но, нужно замѣтить, если онъ не тактиченъ, если онъ не умѣетъ сдѣлать этого остроумно, то очень легко, снисходя съ высоты своего величія, можетъ этимъ самымъ уронить въ глазахъ публики свое достоинство и подорвать всякій авторитетъ. Во время ужина куму на столъ подается блюдечко и каравай; кумъ цѣлуетъ каравай, а въ блюдце кладетъ деньги, которыя идутъ въ пользу молодыхъ. По примѣру кума, то же самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе. Клада въ блюдце деньги, кумъ обыкновенно приговариваетъ: „отъ мене малку, отъ Бога млогу“ (отъ меня немного, отъ Бога много). Въ началѣ стола присутствуютъ и молодые, стоя съ зажженными свѣчами недалеко отъ „трапезы“. Въ серединѣ вечера родители жениха дарятъ присутствующимъ подарки; затѣмъ опять идутъ пѣсни, танцы и музыка. Въ пользу музыканта за его труды дѣлается также сборъ. Кумъ беретъ кусокъ хлѣба и втыкаетъ въ него монету; его примѣру слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Обойдя столъ, кусокъ хлѣба съ монетами опять доходитъ до кума, который, уловивъ моментъ, когда музыкантъ окончилъ пѣсню и проивнесъ съ наклоненіемъ головы свое обычное „вѣселя бѣди, куме“, подаетъ этотъ хлѣбъ музыканту и благодаритъ его за удовольствіе, которое онъ доставилъ гостямъ своимъ пѣніемъ и игрой. Этимъ заканчивается вечеръ, и гости расходятся по домамъ, при чемъ хозяева провожаютъ ихъ до порога дома, а кума съ музыкой провожаютъ до самыхъ воротъ двора.

На слѣдующій день, т. е., значить, уже во вторникъ утромъ, кумъ увѣзжаетъ домой (это въ томъ случаѣ, если онъ изъ другого села). Къ нему являюся „визетчи“ жениха съ музыкой и выпивкой, чтобы проводить его домой („да испраштатъ кума“).

Кумъ увѣзжаетъ, а молодая въ сопровожденіи золовки, и деверя“ отправляется куда-либо въ садъ, гдѣ „деверь“ торжественно

ломаеть дѣвко „прияпорицы“ пополамъ и при помощи этихъ двухъ концовъ дѣвко приподымаетъ „було“ невѣсты (до сихъ поръ она не имѣла права открыть своего лица); при этомъ „було“ онъ забрасываетъ на дерево, а обломки дѣвко „прияпорицы“ въ противоположныя стороны. Яблоко, которое было насажено на дѣвко, „деверь“ дѣлитъ на части и раздаеть всѣмъ присутствующимъ; то же самое дѣлается съ изюмомъ и кукурузой. Этотъ процессъ называется „отбѣваніе булка-та“, чѣмъ и заканчивается формально свадьба. Что касается до „було“, то его обремененно кто-либо изъ молодежи, которая сопровождаетъ молодую въ садъ, стаскиваетъ съ дерева и возвращаетъ невѣстѣ только послѣ того, какъ она заплатитъ за него выкупъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого молодые съ родителями отправляются къ родителямъ невѣсты, что называется „побратки“, т. е. какъ бы „возвращеніе“ молодой въ домъ родителей послѣ заключенія между обѣими сторонами перемирія. Въ скорости и кумъ приглашаетъ къ себѣ молодыхъ, „да прусті кумица-та“, какъ говоритъ народъ, и даетъ молодымъ въ подарокъ мѣдное ведро, наполненное пшеницею, а сверхъ ведра—каравай; все это преподносится невѣстѣ, которая только съ этого момента получаетъ право говорить съ кумомъ и въ его присутствіи, потому что до сихъ поръ молодая должна была закрыть ротъ и не издать ни одного звука; почти такъ же долженъ былъ вести себя и женихъ, и чѣмъ лучше оба они умѣли провести свою роль, тѣмъ больше похвалъ и одобреній заслуживаютъ теперь.

Вышеописанное прощеніе кумомъ своей крестницы иногда затягивается, особенно въ томъ случаѣ, если кумъ происходитъ изъ другого села; но если кумъ живетъ въ томъ же селѣ, гдѣ и молодые, то онъ самъ, не желая стѣснять молодой, старается дать такое разрѣшеніе гораздо раньше. Такимъ же точно образомъ прощаютъ молодую и другіе родственники.

Наконецъ, послѣ всѣхъ церемоній, молодая устраиваетъ угощеніе исключительно для „изметчювъ“ въ благодарность имъ за тѣ труды, которые они положили для молодыхъ во время свадьбы. Этимъ заканчивается свадьба, и жизнь молодыхъ вступаетъ въ обычную колею жизни простого народа.

Н. Державинъ.

Техническіе приемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи, въ связи съ поэтическими мотивами.

Великорусская народная поэзія, какъ и поэзія всякаго народа, отражаетъ въ себѣ извѣстную сумму народныхъ понятій о видимой природѣ и взаимныхъ отношеніяхъ человѣка,—понятій, изъ которыхъ, быть можетъ, очень и очень многія восходятъ къ отдаленной порѣ жизни народа и представляютъ собою такимъ образомъ то мнѳологическіе, то этнографическіе факты. Но было бы ошибочно всю народную поэзію цѣликомъ сводить къ этимъ фактамъ: значительная доля въ ней принадлежитъ творчеству поэтовъ-слагателей. Эту долю мы можемъ опредѣлить только путемъ сравнительнаго изученія образцовъ народной поэзіи, изъ котораго выяснятся намъ техническіе приемы этого творчества; послѣдніе же облегчатъ намъ разбираться въ матеріалѣ пѣсенъ—отлпчать чисто техническую сторону отъ элементовъ мнѳологическаго и этнографическаго. Разобрать художественный матеріалъ, опредѣлить техническіе приемы творчества и составляетъ задачу нашей работы въ примѣненіи къ отдѣлу лирической поэзіи великоруссовъ. Такъ какъ техническіе приемы творчества, естественно, тѣсно связаны съ содержаніемъ пѣсенъ, то намъ придется касаться и мотивовъ лирической поэзіи.

Обращаясь къ матеріалу, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, необходимо прежде всего отмѣтить ту условность и произвольность, которая существуетъ въ распредѣленіи пѣсенъ въ нашихъ сборникахъ. Напр., и Шейнъ и Якушкинъ различаютъ группы: „обрядныя“ и „лирическія“, тогда какъ часто пѣсня, помѣщенная въ отдѣлѣ „обрядныхъ“, настолько, повидимому, оторвалась отъ связаннаго съ нею когда-то обряда, что собственно обрядоваго въ ней очень немного, и, наоборотъ, она представляетъ собой такое развитіе лиризма, что можетъ поспорить съ любой пѣснею изъ отдѣла „лирическихъ“ Г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему (въ сотрудничествѣ съ г. Прокувинымъ) сборнику лирическихъ пѣсенъ съ напѣвами отмѣчаетъ случаи, когда какая-нибудь хоровадная пѣсня перестаетъ быть таковой, иногда вмѣстѣ

съ измѣненіемъ нагѣва. Въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Кокосовымъ (Зап. Геогр. Общ., 2), есть одна пѣсня, поющаяся при окончаніи игры въ „сосѣди“; вотъ запѣвъ ея:

Ты заря ли моя, зоренька,
Ты заря ль моя вечерняя,
Высоко заря восходила.
Выше лѣсу, выше темновѣ,

Выше садичка зеленова,
Выше глѣзда соловьинова,
Соловьинова, павинова

Мотивъ, очень распространенный, не заключающій въ себѣ ничего обряднаго, и пѣсня, быть можетъ, совершенно случайно прикрѣпилась къ названной игрѣ. Такихъ примѣровъ можно подыскать не мало. Даже плясовые пѣсни не гарантированы отъ того, чтобы въ нихъ не вошелъ какой-нибудь лирической мотивъ. Возьмемъ для примѣра одну пѣсню, помѣщенную у Шейна въ отдѣлѣ „плясовыхъ“ подъ № 29 и у Сахарова подъ № 24 въ томъ же отдѣлѣ „плясовыхъ“. Вотъ эта пѣсня по варианту Шейна:

- а) Ночка ль, ноченька,
Ночка темная, 2.
Осенняя, долгая.
Молодка, молодка,
Молоденькая
Головка твоя побѣдненькая,
.....
Грусть-тоска беретъ;
б) Далеко милый живетъ,
Далече, далече, не близко мнѣ,
На той сторонѣ;
.....
Перейди, сударушка,
На мою сторонушку!
Я бы рада перешла,
Переходу не наша.

- Жердочка тонка:
Тонка, тонка гвется,
Божь, переломится,—
Знать-то мой милой
Съ яной водится;
Жердочка тонка.
Рячка глубока.
с) Въ этой во рѣчкѣ.
Купался боберъ,
Не выкупался,
На гору взошелъ—
Весь вымарался,
Подъ горку сошелъ—
Отряхивался:
Лисца добра
Будила бобра и пр.

Почти одинаковые въ началѣ варианты Сахарова и Шейна однако отличаются по своимъ окончаніямъ: вариантъ перваго короче, у Шейна идетъ еще очевидно механически прикрѣпившаяся пѣсня о купаньи бобра; мы привели только начало ея. Что пѣсня о бобрѣ раньше была самостоятельною, показываетъ еще то, что вообще пѣсни о звѣряхъ и насѣкомыхъ, шуточного характера, составляютъ вообще видъ пѣсенъ, б. м., выродившихся изъ сказокъ. Есть много пѣсенъ, аналогичныхъ пѣснѣ о бобрѣ, которые являются совершенно самостоятельными. Можно думать, что названная выше пѣсня состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ: 1) изъ указанной пѣсни о бобрѣ; 2) изъ варианта самостоятельной пѣсни, гдѣ дѣвушка обращается къ ночкѣ,—часто съ эпит. „осенняя“, — и груститъ о томъ, что у нея нѣтъ милаго, съ кѣмъ бы „коротать“ ей „долгія ночи“, или что милый „проторилъ дорожку—проложилъ худую славу“, а любить пересталъ;

3) пѣсни, гдѣ фигурируютъ „тонкая жердочка“ и сродные ей символы въ безконечныхъ варіаціяхъ; подобныя пѣсни также можно отмѣтить, какъ самостоятельныя (съ мотивомъ: любви дѣвушки и парня препятствуютъ родители...) и какъ входящія въ другія пѣсни.

Насколько свободно поэты-слагатели пользуются этимъ символомъ, т. е., „тонка жердочка“, различно комбинируя мысли, подчиняемая послѣднему символу, будетъ видно, если мы сравнимъ выше приведенную пѣсню съ пѣснею № 132 изъ Собр. соч. Якушкина (1884 г.). Въ первой послѣ стиховъ:

Жердочка тонка,

Тонка, тонка гнется,—

идеть стихъ, опредѣляющій извѣстнымъ образомъ дальнѣйшій мотивъ пѣсни:

Боекъ, переломится,

откуда является такая ассоціація:

Знать-то мой милой

Съ иной водится.

Во второмъ вариантѣ (№ 132 Як.) послѣ тѣхъ же стиховъ, только нѣсколько видоизмѣненныхъ:

Тонка жердочка гнется,

слѣдуетъ другой стихъ, который, какъ мы можемъ догадаться, зная первую пѣсню, даетъ, такъ сказать, другое направленіе мотиву:

Хорошо съ милымъ водиться—

Да не стошнитса.

Очевидно, что въ пору сложенія этихъ пѣсней, сложенія, конечно, можетъ быть, уже вторичнаго, данный символъ уже не представляетъ собою чего-либо устойчиваго, органически связаннаго съ содержаніемъ пѣсни, онъ уже пересталъ быть тою первоначальною формулой-запѣвомъ, точно опредѣлявшей развитіе мотива, сходя по-немногу на степень „общаго мѣста“ и въ лучшемъ случаѣ являясь лирически-свободнымъ приемомъ, въ худшемъ—тѣмъ „общимъ мѣстомъ“, конечно уже избитымъ, которое часто вноситъ полнѣйшую безсмыслицу въ пѣсню.

Эти примѣры, взятые наудачу, достаточно показываютъ невозможность держаться общепринятаго въ сборникахъ распорядка пѣсней. Въ виду этого мы примемъ терминъ „лирическія“ пѣсни—*условно*, подразумевая подъ ними всѣ пѣсни, не принадлежащія къ эпическимъ (былинамъ) и историческимъ, къ которымъ вмѣстѣ съ Якушкинымъ отнесемъ и солдатскія. Дѣло въ томъ, что между эпическими и историческими пѣснями съ одной стороны и лирическими—съ другой, не можетъ быть такихъ переплетеній, чтобы нельзя было различить мотивы. Правда, лирическая пѣсня

можетъ оказать свое вліяніе на эпическую или историческую, внеся несвойственную имъ свободу лирическаго чувства, какъ наоборотъ, по образцу эпической или исторической можетъ возникнуть лирическая пѣсня, т. е. на послѣдней остаются извѣстныя черты эпическаго склада, но именно этимъ отраженіемъ эпическаго склада большею частью и ограничивается вліяніе эпической пѣсни. Варіанты пѣсенъ о томъ, какъ „молодецъ пошелъ въ Литву гулять и жилъ тамъ съ королевишною“, пока не узнано было объ этой связи, и пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, варианты, занимающіе въ сборникѣ Соболевскаго около ста страницъ, довольно убѣдительно представляются намъ исторіей *одной* пѣсни. Одна черта первой пѣсни, именно бѣгство въ Литву, кажется, даетъ намъ право сказать, что это—пѣсня историческая, возникшая въ то время, когда такой уходъ въ Литву былъ обыченъ по различнымъ причинамъ. Слишкомъ яркій и очевидный эпическій складъ этой пѣсни указываетъ на то, что она создавалась по образцу эпической и, очевидно, еще довольно крѣпко держалась своего образца. Только позднѣйшіе варианты еще могутъ говорить о начавшемся стремленіи—внести въ пѣсню лирическій элементъ: такъ, напр., вариантъ сбор. Собола. № 15 свидѣтельствуетъ объ этомъ своимъ запѣвомъ:

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія.

Это уже запѣвъ лирической пѣсни: обращеніе къ крапивѣ, полныи—обычныя запѣвы въ грустныхъ пѣсняхъ, заранѣе опредѣляющіе невеселый характеръ пѣсни; эпической пѣснѣ такой приѣмъ совершенно не свойственъ. Возьмемъ еще вариантъ № 24, *ibid.*; запѣвъ его таковъ:

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно.

Запѣвъ этотъ интересенъ въ трехъ отношеніяхъ: 1, какъ и вариантъ № 15-го, онъ опять опредѣляетъ заранѣе тонъ пѣсни; 2., второй и третій стихи его очень напоминаютъ пѣсни, гдѣ дѣвушка или сама взвѣшиваетъ, за кого ей лучше итти замужъ, или отвѣчаетъ на предложенія матери, критикуя въ выраженіяхъ, подобныхъ выше названнымъ стихамъ, жениха изъ бояръ, крестьянъ, купцовъ и проч.; 3., первый стихъ указываетъ на то, что, въ силу какихъ-то благопріятныхъ условій, пѣсня готова перейти въ другую обстановку—боярскій дворъ времянъ крѣпостного права. Общая схема пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ, въ ея вариантахъ, вполне убѣдительно свидѣтельствуетъ о происхожденіи этой пѣсни изъ пѣсни о молодцѣ, гулявшемъ въ Литвѣ, и именно о происхожденіи, а не сложеніи по образцу: для этого она

слишкомъ близко держится плана первой. Толчокъ происхожденію этой пѣсни, болѣе вѣроятно, данъ былъ дѣйствительностью, т.-е. пѣсня эта была сначала, исторической, иначе трудно себѣ объяснить, почему имя кн. Волконскаго получило такое распространеніе и долго и упорно держится въ пѣсняхъ. Въ настоящей стадіи своего развитія пѣсня еще крѣпко держится эпическаго склада: даже въ вариантахъ, сравнительно позднѣйшихъ, какъ напр., № 26 собр. Собола, былинное вліяніе неоспоримо: какое-нибудь мѣсто, въ родѣ:

Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій Ни къ столбу-то его не привязывалъ;
дворъ, Ни къ колыцу-то ни къ значено-
Никому-то коня взять не приказывалъ; му,—

прямо выхвачено изъ быliny. Но вотъ по-немногу пѣсня о Ванькѣ-ключникѣ входитъ въ новый фазисъ своего развитія: стягивается эпическій размѣръ; имя кн. Волконскаго исчезаетъ, замѣняясь матерью дѣвушки; о мѣстѣ дѣйствія уже нѣтъ рѣчи; являются свободные лирическіе запѣвы въ родѣ запѣва варианта № 46 сб. Собола.:

Ягодка лѣсная подъ закрышкою пѣвля;
Молода княгиня съ княземъ въ теремѣ жила.

Наконецъ, происходитъ полная перемена дѣйствующихъ въ старой пѣснѣ лицъ: Ванька-ключникъ обращается въ камеръ-лакея; княгиню смѣняетъ дворянская дочка, иногда называемая по имени; въ роль князя, открывающаго связь своей жены съ Ванькой, окончательно входитъ боярыня, дочь которой живетъ съ лакеемъ; мѣстомъ дѣйствія становятся „боярскія палаты“; въ довершеніе всего—на пѣсню кладется отпечатокъ пикантности. Конечно, эта самая пикантность могла бы хорошо объяснить распространенность этой пѣсни, но есть основанія думать, что и другія условія содѣйствовали популярности этой пѣсни: помѣщичья жизнь дореформенной Россіи была готовой почвой, чтобы на ней укрѣпилась данная пѣсня. Дѣйствительно, сознание глубокой пропасти между социальнымъ положеніемъ барина и холопа съ одной стороны, и обычныя исторійки и интрижки, разыгрывавшіяся гдѣ-нибудь на заднемъ крыльцѣ, съ другой,—вполнѣ могли заставить смотрѣть на пришлую пѣсню, какъ на близкую къ своей жизни. На послѣднія соображенія насъ навелъ одинъ фактъ: разговаривая съ одной старой нянькой, еще заставшей крѣпостное право, про старые годы, мы замѣтили, что занимающую насъ пѣсню, безыменную, она какъ-бы относитъ къ иллюстраціи своего разсказа. Эта пѣсня была приведена ею послѣ безчисленныхъ разсказовъ о любовныхъ похиженіяхъ „господъ“, о „кривохвостикѣ“ (такъ называютъ въ Тульской губерніи иногда чорта), который, обѣжавъ разъ съ „барскаго двора“, попадетъ въ угольную

яму, гдѣ ему показалось такъ нехорошо, что онъ воскликнулъ: „вотъ, бѣжалъ съ барскаго двора, да никакъ опять попалъ туда“; наконецъ, послѣ ряда пѣсенъ, о которыхъ она прямо говорила, что онѣ были сложены про „господъ“, что ихъ пѣть было даже запрещено. Собственно же объ этой пѣснѣ она говорила, что въ ея время она только появилась у нихъ на селѣ и была въ большой модѣ. Кажется, что на основаніи этого послѣдняго, а также на основаніи вышеизложенныхъ общихъ соображеній, мы могли хоть отчасти сблизить пѣсню о Ванькѣ-ключникѣ съ старо-помѣщичьимъ бытомъ и думать, что ту или другую роль быть этотъ могъ сыграть въ исторіи нашей пѣсни.

Какъ-бы то ни было, эпическая пѣсня имѣетъ свою определенную физиономію. Самое крупное, прежде всего бросающееся въ глаза отличіе эпической пѣсни это — медлительность, неторопливость ея разсказа. Миклошичъ въ своей статьѣ: „Изобразительныя средства славянскаго эпоса“ отмѣчаетъ типичнѣйшій примѣръ такой предусмотрѣнной неторопливости:... „разставляя шатеръ—полы бѣлыя; разставя шатеръ, сталъ огонь сѣчи; высѣча огонь, сталъ раскладывать: разложи огонь, сталъ кашу варить; свари кашу, сталъ расхлебывать; расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать“... (Кирѣев. I, 3). Въ этомъ мѣстѣ эпическая пѣсня достигаетъ прямо пластичности: невольно хочется сказать о разсказѣ, что онъ *летитъ*. Этотъ приемъ весьма обыченъ въ сказкѣ и почти не встрѣчается совсѣмъ въ лирической пѣснѣ, если не считать пѣсенъ о дуракѣ, въ которыхъ ясно отражается складъ сказки.

Остановимся еще на другомъ обычномъ приемѣ эпической пѣсни, такъ характерно определяющемъ ея внѣшній обликъ; онъ очень близокъ къ указанному и заключается въ томъ, напр., что лицо, которому поручается что-либо, *дословно повторяетъ порученіе*, или въ словесномъ *тождествѣ просьбы и согласія* на нее, напр.:

...Дай ты мнѣ, змѣй, сроку на три дни, На три часа, на три минуточки,
На три дни и на три часа, И даешь онъ ему сроку на три дни,
и т. д.

(Русскія былины старой и новой записи № 21).

Совершенно наоборотъ—въ лирической пѣснѣ. Здѣсь разсказъ идетъ ускореннымъ темпомъ. Оно и понятно—какъ для пѣсни чисто лирической, въ которой часто интенсивность чувства достигаетъ драматизма, такъ и для пѣсни хороводной и другой обрядной. Послѣдняя, будучи заключена въ діалогическую форму и всегда сопровождаемая извѣстнымъ дѣйствіемъ, сосредоточиваетъ весь свой интересъ на развязкѣ и потому чужда эпическихъ отступленій, эпической задержки. Типичнымъ примѣромъ обрядной пѣсни въ діалогической формѣ можетъ служить, напр., извѣстная хороводная: „А мы просо сѣяли“... и въ не-диалогиче-

ской—не менѣе извѣстная, до сихъ поръ поющая въ каждой деревнѣ средней прелосы Россіи, хороводная-же: „Какъ по морю“...

Достаточно одного бѣлаго знакомства съ поэзіей лирической и эпической, чтобы бросилось въ глаза различіе въ приемахъ поэтическаго творчества въ той и другой—разнообразіе послѣднихъ въ поэзии лирической и однообразіе—въ эпической. Если мы разберемъ былины *новой* записи (изъ Сборн. рус. был. стар. и нов. зап.) относительно встрѣченныхъ въ нихъ техническихъ приемовъ, то сумма послѣднихъ будетъ очень незначительна, а группировка ихъ можетъ быть сведена къ десятку типовъ, и это будетъ еще мелкая, подробная группировка. Мы не безъ цѣли взяли былины именно *новой* записи: въ связи съ этимъ возникаетъ интереснѣйшій вопросъ, на который такъ трудно отвѣтить—чѣмъ объяснить устойчивость эпической пѣсни и разнообразіе художественныхъ приемовъ въ лирической пѣснѣ, тогда какъ и та, и другая, такъ сказать, современники по ихъ записямъ? Болѣе древней традиціей эпической пѣсни, кажется, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ: былины продолжали слагаться вплоть до Петровскаго времени,—жила и пѣсня; на послѣднее, между прочимъ, можетъ указывать то обстоятельство, что и Михаилъ Теодоровичъ (указы Филарета Никитича), и Алексѣй Михайловичъ принуждены были бороться съ „бѣсовскими пѣснями и игрищами“. Настойчивость и раздраженіе, которыми проникнуты были эти указы, свидѣлствуютъ, что обычай были еще въ силѣ, обряды сохраняли еще полную вѣру къ себѣ. Даже, если предположить, что въ это время сложеніе новыхъ *не эпическихъ* пѣсенъ уже и прекратилось, то все же вѣра и непосредственное чувство не были еще утрачены, и если они утрачены теперь, то опять-таки эта утрата наступила не скоро. Теперь, если мы не имѣемъ права установить фактъ болѣе древней традиціи въ эпической пѣснѣ, и, слѣдовательно, мнимая древность традиціи безсильна рѣшить нашъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то видѣть въ богатомъ разнообразіи художественныхъ образовъ лирической пѣсни дѣло позднѣйшихъ пѣвцовъ-виртуозовъ, свободно обращавшихся съ традиціонными образами, мы также не имѣемъ достаточнаго основанія. Конечно, бывали такія дѣла виртуозовъ по отдѣльные случаи еще не даютъ намъ права возводить ихъ въ общее явленіе. Слѣдовательно, вопросъ опять остается нерѣшеннымъ: что такъ прочно и крѣпко опредѣлило характеры эпической и лирической пѣсенъ? Гораздо вѣроятнѣе допустить, что уже искони въ лирической и эпической пѣсняхъ различались два рода словесности, и если, напр., эпическая пѣсня имѣла своихъ особыхъ поклонниковъ, своихъ пѣвцовъ, то такъ естественно, что она имѣла и своихъ слагателей,—иначе, что она сознавалась, какъ самостоятельный родъ словесности.

Излюбленнымъ техническимъ приемомъ въ эпической пѣснѣ является *отрицательное сравненіе*. Образы, какіе даются этими сравненіями, всё очень ясны, ассоціаціи идей въ нихъ вполне понятны. Ясно, что какое-нибудь сравненіе, въ родѣ:

Не сильная погода подымалася,	Не сыревой дубочель къ землѣ кло-
Не зелена дубрава расшумѣлася,	нится, —
Не бумажные листочки разстилаются,	Туть кланяется Ильюша отцу съ ма-
	терью, (ibid № 2),—

есть только техническій приемъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи не только о мифологіи, но и о символизмѣ въ томъ смыслѣ, какой установился за нимъ въ современной поэзіи или музыкѣ. Этого нельзя сказать о сравненіяхъ лирической пѣсни. Позволимъ себѣ привести пѣликомъ одну изъ Собр. соч. Якушкина:

Не во саду ли я, бѣдна, обидѣлася,	Не на садъ-то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на садъ ли я, бѣдна, оглядѣлася,	Не на травку-муравку зеленую,
Не на травку-муравку зеленую,	Не на всяки цвѣточки лазуревые;
Не на всяки цвѣточки лазуревые!	Не вода подо мной разливается,
Не вода ли подо мной разливается,	Не огонь подо мной разгорается, —
Не огонь ли подо мной разгорается?	Разгорается мое яблоко сердце ретивсе.
Сама-то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,	Разливаются мои горьвія слезы горячія
Что не въ саду-то я обидѣлася,	По блеклому лицу, не румяному.

Здѣсь уже не легко услѣдить тѣ ассоціаціи мыслей, какими вызвано это сложное отрицательное сравненіе. Относительно нѣкоторыхъ сравненій, казалось, могло бы возникнуть сомнѣніе: только ли они сравненія? Напр.:

Что не туча идетъ передъ дождичкомъ.	Очи его, какъ у яснаго сокола;
Не громъ гремитъ передъ молоней,—	И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
Идетъ удалый добрый молодець;	У коня изъ ушей и ноздрей всякры
Подъ имъ былъ конь, какъ лютой звѣрь;	сыпаются;
Самъ на конѣ сидеть, какъ упавъ въ	И идетъ онъ мимо эти были шатры
добръ;	И самъ говорить таково слово....

(Быт. стар. и нов. зап. № 14, ст. 5-14.)

Потенія (Объясн. малор. и сродн. народ. пѣс.) указываетъ на то, что это—величальный мотивъ, такъ какъ представленіе невѣсты и жениха въ образѣ тучи очень обычно въ величальныхъ пѣсняхъ. А сколько былинь, гдѣ подобное сравненіе такъ далеко отъ величанья! Что же представляетъ собой такое сравненіе въ нихъ? Размѣнявшійся на мелкую, ходячую монету когда-то цѣльный мифологическій образъ? Если даже и такъ, то примѣняется ли онъ во всѣхъ этихъ былинахъ въ связи съ мифологической традиціей или внѣ ея? Намъ думается, что его примѣненіе говорить за то, что внѣ. А для насъ важно именно *примѣненіе*, т. е. искать *основанія* для очень многихъ сравненій въ далекомъ прошломъ значило бы то же, что искать основанія для всѣхъ нашихъ обыденныхъ словъ, которыя *теперь* для насъ простые

значки, безъ всякой связи между ихъ значеніями и ихъ звуковыми комплексами, но *когда-то* были гораздо больше того. Какъ-бы то ни было, но фактъ тотъ, что эти сравненія,—подходяшія или нѣтъ, это другой вопросъ,—остаются здѣсь только сравненіями, перенесены ли они въ эпическую пѣсню изъ величальныхъ пѣсень, или это—самостоятельные приемы. Но тѣмъ не менѣе, повторимъ, отрицательныя сравненія эпической пѣсни отличаются простотой и понятны относительно тѣхъ ассоціацій мыслей, которыми они вызваны. Наоборотъ, въ лирической пѣснѣ часто приходится встрѣчать въ отрицательныхъ сравненіяхъ, если не миеологическую основу, то довольно сложную символику. Мы не хотимъ этимъ утверждать, что лирическая пѣсня представляетъ болѣе древнюю традицію, а желаемъ лишь сказать, что лирическая пѣсня еще можетъ оспаривать у эпической древность своей традиціи и не по чему другому, какъ по тѣмъ обломкамъ далекаго прошлаго, которые еще, м. б., кроются подъ формами, созданными и пересозданными техникою творчества.

Простѣйшимъ, но зато весьма употребительнымъ въ лирической пѣснѣ приемомъ творчества является опредѣленіе, точнѣе сказать, *указаніе мѣста дѣйствія* разсказа пѣсни. Но это мѣсто дѣйствія не заключаетъ въ себѣ не только никакого художественнаго образа, объясняющаго мотивъ пѣсни, но и простой картины, живописующей обстановку; это въ полномъ смыслѣ только простѣйшій, легчайшій техническій приемъ. Непосредственному, не привыкшему къ отвлеченному языку, человѣку трудно начать повѣсть прямо съ общаго,—онъ чувствуетъ потребность индивидуализировать это „общее“ и повседневное явленіе своей жизни, будь оно бытовое или психологическое, сводитъ его къ к.-н. опредѣленному, часто якобы имъ самимъ видѣнному или испытанному случаю. До сихъ поръ это видно на разсказѣ любого простолюдина; начиная разсказывать вамъ о чемъ-нибудь, онъ уже непременно начнетъ откуда-нибудь издалека, выраженіями въ родѣ: „вотъ сажу это я тамъ-то“, или „позавчера сиверка подула,“ хотя, м. б., мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, не имѣетъ никакого значенія въ разсказѣ, а то, что „сиверка подула,“ является и вовсе ненужной подробностью. Вотъ отчего эти приемы, не претендуя еще на художественность, такъ часто являются для насъ чѣмъ-то лишнимъ, вносящимъ беспорядочность. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія непосредственнаго человѣка, эти приемы представляютъ собой логически обоснованный моментъ творчества, и разъ созданное поэтомъ-слагателемъ „указаніе мѣста“ приобретаетъ въ пѣсенномъ преданіи такую прочность и устойчивость, что цѣлые десятки вариантовъ пѣсни бережно хранятъ его, несмотря на то, что, рядомъ съ этимъ, мотивы этихъ вариантовъ часто представляютъ собой значительно видоизмѣненные пересказы оригинала. Какой-нибудь „ракиновый кусть“ въ многочисленнѣйшихъ вариантахъ пѣсни о смерти молод-

ца на чужой сторонѣ является почти постояннымъ и непремѣннымъ свидѣтелемъ этой смерти. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни однако „ракиновый кустъ“ значитъ, повидимому, болѣе, чѣмъ простое указаніе мѣста. Въ сборникѣ Соболевскаго (т. I) приведено болѣе 50 вариантовъ данной пѣсни. Такой богатый сравнительно матеріалъ даетъ намъ возможность видѣть, какъ прочно мотивъ и техническій приѣмъ (форма) сливаются въ одно цѣлое, и какъ они взаимно мѣняются. Въ первыхъ вариантахъ дѣло обстоитъ такъ: мѣстомъ дѣйствія разсказа является дуброва, поле; курится огонекъ, темнѣется дымокъ изъ-подъ камешка; возлѣ разостланъ войлочекъ; на немъ лежитъ убитый или раненый молодецъ; прѣзжаютъ за нимъ его товарищи, зовутъ на св. Русь; на этотъ зовъ молодецъ отвѣчаетъ имъ просьбою: отвезти отцу-матери чело-бѣтище, роду-племени—поклонъ, молодой женѣ—волю на всѣ четыре стороны. Кромѣ того, что касается творческой техники, въ вариантѣ № 350 пѣснѣ предпосланъ классической заглавье: „Ахъ, палъ туманъ на сине море...!“

Наконецъ, обстановкой мѣста смерти молодца является упомянутый уже „часть ракиновъ кустъ“. При этомъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ обстановка нѣсколько усложняется: напр., въ вар. №№ 356 и 359, *ibid.* Зачины этихъ двухъ вариантовъ показываютъ, что съ представленіемъ „ракинова куста“ у пѣвца ассоціировались какія-то мысли и, видимо, не веселыя. Эти мысли въ свой чередъ могутъ давать образы—и осложнять зачинъ, какъ это мы видимъ, напр., на пѣснѣ № 366, *ibid.* Но трудно сказать, дана ли эта ассоціація традиціей, или явилась слѣдствіемъ такого процесса: ракиновый кустъ, составляя во многихъ пѣсняхъ обычную обстановку смерти молодца, вызвалъ въ послѣдствіи съ своимъ именемъ не веселыя мысли, которыя и стали зачиномъ пѣсенъ на данную тему? Далѣе, въ нѣкоторыхъ вариантахъ на ракиновомъ кустѣ сидитъ „младъ сизый орелъ“, держитъ „въ когтяхъ черна ворона“, „точитъ кровь на сыру землю“—вар. №№ 359, 360. Повидимому, это образъ умирающаго молодца. Интересны послѣдующіе варианты, которые заставляютъ „сизаго орла“ не „точитъ кровь“ ворона „на сыру землю“, а выпрашивать его, „гдѣ онъ былъ-побывалъ“ и что видѣлъ; на этотъ вопросъ воронъ разсказываетъ ему о молодцѣ, умирающемъ подъ ракиновымъ кустомъ. Можно думать, что это позднѣйшая рационализація: пѣвцу образъ сталъ непонятенъ, и онъ дѣлаетъ изъ „сизаго орла“ повѣствователя смерти молодца. Это тѣмъ болѣе возможно, что обращеніе къ птицамъ съ вопросомъ, что онъ видѣли, очень обычно въ нашихъ пѣсняхъ.

Мы между прочимъ подошли къ новому виду техническихъ приѣмовъ творчества; замѣтимъ, что онъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ о чемъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновеннаго, о чудесномъ, какъ это прямо указывается самимъ приѣмомъ; равнымъ

образомъ онъ очень распространенъ въ пѣсняхъ съ величальными мотивами. Кажется, что по отношенію къ величальнымъ пѣснямъ поэтомъ руководила въ выборѣ указаннаго выше приема такая ассоціація мыслей: птица летаетъ высоко—она видитъ много чудснаго. Въ одной сербской пѣснѣ это почти прямо указывается. У насъ нѣтъ ея подъ руками въ подлинникѣ, но вотъ ея близкое переложение:

„Ой орлы, орлы! вы летаете высоко, вы видите на большое пространство: видите ли вы сватовъ, ведутъ ли намъ невѣсту, тонка ли она, высока, бѣла ли, румяна?“

Въ этомъ случаѣ настоящій техническій приемъ уже можно назвать низшимъ, простѣйшимъ развѣ только въ смыслѣ его легкости. Онъ такъ же легокъ, какъ, напр., другой—*сновидѣніе*: № 99 сборн. Собола. I. Это приемъ, подобный, напр., эпистолярной формѣ романа или формѣ дневника—простымъ и легкимъ формамъ. Замѣтимъ еще по поводу того, что образъ, умирающаго молодца легко могъ являться въ мысляхъ при видѣ ворона, клюющаго сокола: воронъ, какъ хищная птица, клюетъ сокола, т. е. молодца; это—предвѣстіе смерти послѣднему. Вспомнимъ, какое вообще пророческое значеніе приписываетъ народъ ворону. Насколько пѣвцы-слагатели свободно распоряжаются данными техническими приемами, варьируя ихъ, осложняя или сокращая, видно изъ отдѣльныхъ вариантовъ этой пѣсни, напр. № 369 сбор. Собола. и № 372, тамъ же.

Обратимся теперь къ сюжету данной пѣсни и вариациямъ его. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что большинство вариантовъ, прямо или косвенно, сосредоточиваютъ интересъ на одиночествѣ умирающаго молодца, тогда будетъ понятна популярность пѣсни: сюжетъ драматическій. Варианты этого вида заставляютъ потому умирать молодца на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ. Но, очевидно, разнообразныя трагическіе случаи въ жизни легко могли прикрѣпиться къ печальной пѣснѣ о кончинѣ молодца, что мы, дѣйствительно, увидимъ, если разсмотримъ причины смерти молодца. Одна серія вариантовъ, какъ напр., №№ 349, 350, 351, 352, 354, 355, 372, 385, 390, 408 и ин. др., вообще большинство въ сбор. Соболевскаго, переносятъ дѣйствіе на ратное поле и мотивируютъ смерть молодца смертельной раной на войнѣ; при этомъ дѣлаются намеки на лагерную обстановку, въ родѣ раззоренныхъ палатокъ (№ 352—„коши“), упоминаются „боевыя ранушки“; умирающій молодецъ называется прямо солдатомъ (офицеромъ, казакомъ и проч.); умирающій проситъ сказать на родинѣ:

...Женился я на другой женѣ—гробовой Обвѣчала меня пуля свинцовая,
доскѣ, Положило спать ядро чугунное (ibid.
Засватала меня сабля вострая турецкая, № 385)

Въ другой серіи вариантовъ смерть молодца приключается отъ „зелена вина“, оттого, что онъ водился съ бурлаками (№ 356 сбор. Соболевъ). Третья серія вариантовъ мотивируетъ смерть молодца условіями драмы, разыгравшейся на любовной почвѣ. Мать причитаетъ надъ тѣломъ убитаго сына:

Я давно, сынь, тебѣ говорила: По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ
Не ходить было по чужимъ дворамъ, женамъ (ibid № 357).

Подъ № 358 мы имѣемъ вариантъ, въ которомъ, повидимому, молодецъ становится жертвою разбойниковъ. Этотъ вариантъ очень простой, но очень поэтический. Наконецъ, два варианта приводятъ смерть молодца въ связь съ его удалствомъ, съ гуляньемъ его по „полю чистому“, на конѣ, съ лукомъ (ibid №№ 353 и 404). Эти два варианта въ своихъ заглавіяхъ представляютъ интересный техническій приемъ. Въ заглавіи № 404 дается, повидимому, такой образъ: стрѣла водить молодца, т. е. молодецъ свободно „гуляетъ“ по „чистому полю“ самъ третій съ конемъ и лукомъ. Но въ заглавіи вар. № 353 мы встрѣчаемся съ интересной манерой народной поэзіи вообще (великорусской) — съ *передержкой* въ разсказѣ, если можно такъ выразиться. Приведемъ этотъ заглавіе:

1. Погуляй-ка, добрый молодецъ,	10. Есть каменная стрѣла.
2. Покузь воля есть тебѣ!	11. Каменую эту стрѣлочку
3.—Ужь и радъ бы погуляти,—	12. Въ чисто поле опущу.
4. Товарища со мной нѣтъ!	13. Полетай-ка, моя стрѣлочка,
5. Ужь какъ есть одявъ товарищъ—	14. Въ чисто поле далеко,
6. Вороненекъ добрый конь;	15. Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
7. А второй-то мой товарищъ—	16. Въ бѣль-полотняный шатеръ.
8. Зелененекъ тугой лукъ;	17. Какъ въ этомъ-то во шатрочкѣ
9. Кабы третій мой товарищъ--	18. Свѣрый потничекъ лежитъ, и т. д.

Обратимъ вниманіе на три послѣдніе стиха; выходитъ, что молодецъ самъ погибаетъ отъ своей собственной стрѣлы, какимъ-то чудомъ перелетѣвъ въ этотъ традиціонный шатеръ. Можно подумать, что вариантъ искаженъ. Конечно, настаивать, что нѣтъ, мы не можемъ, но что возможно-объясненіе кажущейся бессмыслицы не искаженіемъ только, это—безспорно. Всякій, кто самъ слышалъ и знакомъ съ народною рѣчью, хотя бы по произведеніямъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ-народниковъ, знаетъ, что народъ любитъ разсказывать съ „передержками“, такъ что непривыкшему къ народной рѣчи человѣку трудно слѣдить за этой безпорядочной смѣшной лицъ (если передается діалогъ), за пропускомъ легко подразумѣваемыхъ промежуточныхъ мыслей. Съ однимъ ихъ видомъ такой „передержки“ мы и сталкиваемся въ стихахъ 16 — 18 приведеннаго выше заглавія.

Какъ доходить на родину вѣсть о смерти молодца? Рядъ вариантовъ представляютъ дѣло матеріальнымъ, прозаическимъ

образомъ: молодець просить своихъ товарищей отвезти „батьшкѣ—челобитьице“ и т. д.

Но вотъ молодець умираетъ въ одиночествѣ, и другой рядъ вариантовъ перекладываетъ порученіе съ товарищей на коня. Понимать ли этотъ образъ нѣсколько рационально, т. е.—прибѣжить домой конь одинъ—догадаются о случившейся бѣдѣ родные (вар. № 402 дать на это нѣкоторое право), или понимать образъ коня, несущаго скорбную вѣсть, широко: рано или поздно дойдетъ печальная вѣсть до дому. Пожалуй, въ обоихъ случаяхъ образъ будетъ понятъ правильно. Третій рядъ вариантовъ прибѣгаетъ уже къ совершенно искусственному приему, не заключающему въ себѣ никакого художественнаго образа. Возьмемъ образчикъ:

Вылетаетъ тутъ младъ сизой орелъ

 На когтяхъ несетъ бѣлую рученьку,
 Бѣлую рученьку, молодецкую,

Молодецкую, солдатскую.
 На бѣлой-то рукавъ золотъ перстень,
 На печатѣхъ было написано:
 —Моему батьшкѣ-челобитьице... и т. д.

Запѣвъ этотъ еще тѣмъ интересенъ, что на немъ видно, какъ далеко иногда идетъ техника творчества.

Выше мы сказали, что большинство вариантовъ пѣсни о смерти молодца сосредоточиваютъ интересъ на одинокой смерти молодца; но есть варианты, которые, оставляя въ сторонѣ смерть молодца, останавливаютъ главное вниманіе на томъ, какъ встрѣчаютъ смерть эту мать, сестра и жена молодца? Одни варианты говорятъ только о скорби матери и то лишь стороною: видно, что эта скорбь еще не сдѣлалась самостоятельнымъ сюжетомъ. Такъ это, напр., въ вар. Собола. № 356. Другіе варианты вводятъ въ содержаніе пѣсни горе сестры и молодой жены, и, естественно, возникаетъ мысль—построить главный мотивъ на сравненіи глубины и прочности чувства горя матери, сестры и молодой жены: является самостоятельная пѣсня на мотивъ Некрасовскаго: „Внимая ужасамъ войны“... Таковы, напр., Собола. вар. №№ 360, 361, 362, 363 и мн. др., среди которыхъ просится быть отмѣченнымъ, по художественному исполненію, вар. 358. Выдвигая на видъ ту, а не другую сторону мотива, пѣсня сообразно этому варьируетъ и техническій приемъ. Вариации того и другого могутъ быть настолько оригинальны, что о нихъ можно говорить, какъ о самостоятельныхъ поэтическихъ переработкахъ.

Отъ технического приема, состоящаго въ указаніи обстановки, естественно перейти къ тому случаю, когда эта обстановка незамѣтно переходитъ въ запѣвъ, имѣющій внутреннюю связь съ мотивомъ. Въ частности такой случай обращенія обстановки въ запѣвъ заключается въ томъ, что а) та или другая черта обстановки составляетъ логическій переходъ къ мотиву, напр.:

Во лужяхъ, во лужяхъ зеленыхъ, во лу- — Ужь я той травой выкормлю коня;
зяхъ Выкормлю, выглажу его;
Выростала травка шелковая, Поведу коня къ батькивъ...
Расцвѣтали цвѣты лазоревые. (Якушк. № 101).

Далѣе идетъ просьба не отдавать за немилаго.

б) Такой переходъ можетъ заключать въ себѣ сравненіе или символъ, напр.:

1. Ай на горѣ дубъ, дубъ,
Что была береза;
Промежь дуба и березы
Рѣчка протекала, | 2. Рѣка, рѣчка не глубокая,
Водца студена;
Нельзя, нельзя воды пить,
Нельзя почерпнути... |
|--|--|

У стараго мужа молодая жена, — рассказываетъ далѣе пѣс-
ня: — нельзя жену побить, поучить: билъ я жену часть, — плакалъ
недѣлю, „сушилъ, крушилъ ясны очи по четыре ночи“.

Очень часто такого рода пріемы ясно раскалываются на двѣ
части, какъ и здѣсь.

с) Иногда переходъ представляетъ собою картинку съ на-
туры:

1. У душечки, красной дѣвицы,
Зелень огородець,
Новый, новый огородець,
Частый частоколець.	Отъ того частокольца
Сбито три тыночка;
Отъ того отъ тыночка
Лжеть три слѣдочка;
2. Подъ тотъ ли огородець,
Подъ тотъ ли частоколець
Ручеекъ течеть.	4. Ужь три три слѣдочка
Свяжомъ привапали...
3. Покатилася частоколець
Повалилася частоколець,
Къ землѣ приклонилася.	5. (Три дружокя распустили про дѣву-
шку худую славу...)

(Сак. II, хоровод. № 27).

Здѣсь цѣлая исторія романтическаго характера въ четырехъ
картинахъ. Въ этомъ вариантѣ образъ — „лежать три слѣдочка“
представляется еще дѣйствительностью, и въ такомъ случаѣ, по-
жалуй, еще не можетъ быть названъ образомъ: „три слѣдочка“
представляются простымъ воспріятіемъ дѣйствительности. Но
вотъ, формула „лежать три слѣдочка“ отъ воспріятія дѣйстви-
тельности переходитъ къ ходячему образу, даже символу: „про-
ложить, проторить дорожку“ — часто значить „ославить“.

Бакъ одна думушка съ ума нейдетъ, Мяв съ ума нейдетъ со разумъ: Проторилъ милый дороженьку, Путь дороженьку широкую,	Проложилъ то милой худу славушку, Худу славушку онъ про дѣвушку.... (Шейвъ, голосов. № 42).
---	---

„Милъ дорожку проторилъ — худу славу проложилъ“ становится
готовымъ образомъ, способнымъ варьироваться въ своемъ значе-
ніи; въ этомъ случаѣ, м. б., уже дѣйствуетъ дедушкя: „про-
торить дорожку“ = ославить; ославить = бросить дѣвушку, забыть,
измѣнить и т. д. Есть варианты, гдѣ „проторить дорожку“ = лю-
бить, какъ, напр., № 51 Якушк.

d) Среди многочисленныхъ видовъ „указанія обстановки“, какъ техническаго приема творчества, нельзя не отмѣтить того случая, когда эта обстановка имѣетъ особое значеніе въ пѣснѣ. Въ этомъ смыслѣ указаніе обстановки не можетъ назваться элементарнымъ техническимъ приемомъ, и образчикомъ его могутъ служить, и въ большомъ количествѣ, напр., пѣсни, имѣющія своею задачею величанье молодой, молодого или другихъ участниковъ свадебнаго торжества. Величанье требуетъ идеальной обстановки. Однимъ изъ предметовъ такой идеальной обстановки очень часто является какой-нибудь „шелковый коверъ“:

Во горницѣ, во сямѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На шелковомъ коврѣ,

Люли, люли
На коврѣ, на коврѣ.
(Сх. III, сгов. 36).

Конечно, этотъ „шелковый коверъ“, никогда не выдавшій крестьянской избы, не болѣе, какъ вышеописанный техническій приемъ, имѣющій свою опредѣленную цѣль, свое оправданіе въ пѣснѣ. Его распространенность свела его однако въ очень многихъ пѣсняхъ на степень „общаго мѣста“, каковымъ онъ является, напр., въ пѣсняхъ „о смерти молодца“, гдѣ, конечно, умѣстише „войлочекъ“ или „потничекъ“, и гдѣ онъ не имѣетъ себѣ оправданія, какъ въ пѣсняхъ величальныхъ. Этимъ приемомъ поэты-слагатели пользуются, очевидно, очень свободно, и необузданная фантазія даетъ подчасъ крайне причудливую идеализацію обстановки: щедрое, но дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ качествъ приближаетъ подобную идеализацію къ продуктамъ наивной дѣтской фантазіи. Но сколько есть предметовъ, передъ которыми непосредственный человѣкъ едва-ли далеко ушелъ отъ дѣтской наивности! Ребенку различеніе качественныхъ отношеній между вещами труднѣе количественныхъ, и онъ невольно переходитъ отъ первыхъ къ послѣднимъ. Закона о несмѣшеніи чувственныхъ впечатлѣній различнаго порядка онъ тоже не хочетъ признавать, откуда приложимость ихъ свойствъ, какъ качествъ, для него является неограниченною. Что же дастъ подобная наивность фантазіи? Невольное забвеніе качественного за количественнымъ и самое грубое смѣшеніе несомвѣстимыхъ качествъ. Вотъ образецъ подобной идеализаціи:

Ты по сахару, рѣка, текла,
По патогъ разливаласъ;
У тебя ли, у рѣченки,

Берега были хрустальные.
А песка были жемчужные. . .

(Сх. III, сговор. № 24).

Перейдемъ теперь къ слѣдующему крупному виду техническихъ приемовъ творчества—художественному образу, пока простѣйшему. Уже изъ повседневнаго народнаго языка видно происхожденіе „художественнаго образа“. Его основаніе—сравненіе.

Языкъ, рѣчь простого народа по преимуществу конкретны; это—сравненія, олицетворенія и прочія поэтическія фигуры.

Великій знаетъ и самъ встрѣчалъ, конечно, такихъ простолюдиновъ, въ языкѣ которыхъ невольно поражаешься тѣмъ огромнымъ количествомъ готовыхъ сравненій, летучихъ образовъ, при сказокъ и проч., которыми такъ изобилуетъ ихъ рѣчь. Но всѣ эти короткія, летучія сравненія, образы и проч. еще не представляютъ собой техническихъ приѣмовъ, это скорѣе—повседневный разговорный языкъ, такъ что техническій приѣмъ творчества, лучше сказать, сводится къ комбинированію всего этого готового матеріала изъ повседневнаго языка. Какое-нибудь „во-вѣки“ выразится чрезъ „до гробовой доски“, или даже цѣлымъ рядомъ образовъ выражений:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подомытся мои скоры ноги,
Когда опустятся моя бѣлы руки,

Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками...
(Сак. IV, семейн. 25),

т. е. только смерть, въ силу необходимости, заставитъ позабыть любимаго человѣка; отрицательное понятіе „никогда“ выразится чрезъ условное утвержденіе завѣдомо невозможнаго, „не бывать этому“:

Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу.

Для отрицанія факта въ будущемъ отрицается не прямо онъ самъ, а напр., одинъ изъ составляющихъ его признаковъ или сопровождающихъ обстоятельствъ:

Не жилица я на бѣломъ снѣгѣ
Везъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горанки двухъ голубчиковъ,

У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ друж-
камъ.... (Сак., ч. IV, 29),—

т. е., не бывать моей свадьбѣ послѣ твоей смерти. Простѣйшимъ образомъ является уподобленіе, напр., пары любящихъ двумъ голубкамъ или дѣвушки—голубкѣ, что, кажется, представляется уже производнымъ. Встаетъ вопросъ: есть ли голубъ мифическій символъ любви, или только художественный образъ, возникновеніе котораго имѣетъ лишь психологическую основу? Въ пользу перваго привести можно любовные заговоры, гдѣ человѣку, котораго желаютъ приворожить, даютъ особая лепешки на голубиномъ салѣ, конечно, при извѣстной формулѣ. При этомъ говорятъ, что въ данномъ обрядномъ заговорѣ выражена мысль о возможности механическаго перехода любви. Конечно, такое пониманіе возможно у народа въ связи съ его представленіемъ себѣ психическаго чѣмъ-то матеріальнымъ, вслѣдствіе обычной и понятной тенденціи—все объяснять конкретно; но это не устраняетъ возможности думать, что въ свою очередь этому матеріальному представленію дано психологическое осно-

ваніе. Кромѣ того, опираясь на заговоры, намъ пришлось бы положить, что всякое сравненіе въ пѣснѣ имѣеть миоическое основаніе, миоическій смыслъ, что по меньшей мѣрѣ было бы странно. Гораздо проще и естественнѣе думать, что голубю и голубкѣ, какъ символу любви, дано психологическое основаніе: это—уподобленіе, явившееся результатомъ близкаго наблюденія окружающей жизни и природы. По крайней мѣрѣ, относительно пѣсенъ символомъ любви является далеко не одинъ голубь и голубка, а очень многія птицы: лебедь, утка, перепелка, кукушка (рѣже) и др., исключая, конечно, хищныхъ, изъ которыхъ одинъ соколъ имѣеть эту привилегію. Последнее обстоятельство, при всей своей кажущейся маловажности, на нашъ взглядъ, значительно подкрѣпляетъ положеніе, принятое нами, что голубь и голубка стали символомъ любви на почвѣ психологической. Конечно, трудно подмѣтить всѣ оттѣнки, которые способенъ принять тотъ или другой образъ, тѣмъ болѣе, что они такъ легко портятся, искажаются въ устномъ обращеніи пѣсенъ, но что образъ отрывается отъ своего основанія, что случаи его приложенія умножаются черезъ то, что онъ перестаетъ быть образомъ, какъ скоро теряется психологическая связь и онъ становится простымъ значкомъ какимъ-то,—это можно видѣть на варіаціяхъ любого такого образа. Такимъ путемъ создается масса ходячихъ образовъ, и чѣмъ они общѣе, тѣмъ больше этой мелкой монеты въ обращеніи въ пѣсенномъ репертуарѣ. Вотъ образчикъ ряда простыхъ образовъ, соединенныхъ въ одной пѣснѣ:

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясень соколъ,
Онъ убилъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова:
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу.
Онъ выдалъ перья по чисту полю,
Онъ пухъ пускалъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноноговкомъ.

Какъ въговорить младъ ясень-соколъ:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своимъ голубчикамъ,
Полечу я на сине море,
Пригону тебя голубей стадо,—
Выбирай себя сизова голубя,
Сизова голубя мохноногова.
Какъ въговорить сиза голубушка:
Не лети, соколъ, на сине море,
Не гови ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будетъ ужъ другой вънецъ,
Милымъ голубушкамъ не родной отецъ.

(Сах. ч. IV, семейп. 46).

Какимъ путемъ „образъ“ все дальше и дальше отходить отъ своего основанія—сравненія?

Сравненіе любящихъ съ парюю голубковъ сдѣлалось настолько обычнымъ, что для его приложенія нѣтъ нужды въ формальномъ сравненіи, параллелизмѣ и проч., напр., у Сах. III, сговорн. 69.

Въ слѣдующей пѣснѣ, напримѣръ (Сах. III, сговорн. 48):

У насъ нынѣ рано на зарѣ
Щеж-тада ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ.
Сидѣла свѣтъ-Машенька на камнѣ,

Сидѣла Ивановна на бѣломъ;
На бѣломъ камушѣ сидючи,
Свои бѣлы рученьки хватаючи.
На крутой берегъ гляючи, и проч.,—

„Плавала лебедушка“ и „сидѣла свѣтъ Машенька“ — не сравненіе. Нельзя сказать, чтобы это было порчею стиха: такъ пришлось бы признать, что неспорченной нѣтъ ни одной пѣсни. Это, именно, указанный выше процессъ: и ласточка, и лебедушка — образы дѣвушки, взятые безъ отношенія къ тому, что дѣлаетъ дѣвушка; при этомъ ласточка и лебедушка взяты слогателемъ-пѣвцомъ таковыми, какими онъ ихъ знаетъ и привыкъ видѣть: ласточка — щекочущей, лебедушка — плавающей.

Мы уже указывали выше, что „образъ“, когда-то, можетъ быть, находившій себѣ приложеніе въ пѣснѣ, лишенный такового, становится „запѣвомъ“, опредѣляющимъ общій тонъ пѣсни, почти всегда минорный. Какая судьба такихъ запѣвовъ? Очень часто самая превратная: они кристаллизуются, совершенно случайно фиксируются и приближаются къ „прпѣвамъ“ въ шуточныхъ пѣсняхъ; напр.:

На улицѣ то дождь, то свѣгъ,
То дождь, то свѣгъ то вьялица,
То вьялица, то метельца;

Крутить, мутить въ глава несеть,
Меня младу свекорь зоветь.

„Для свекрушки сама съ мѣста не тронуся“ — продолжаетъ пѣсня. Далѣе опять запѣвъ и та же исторія съ свекровью. Опять тотъ же запѣвъ, но зоветъ уже „милъ другъ“, тогда

Иду иду, скорешенько,

Сворешенько, торопешенько

(Слх. IV, 24).

Въ первыхъ двухъ случаяхъ (зоветъ свекорь, свекровь) можно, конечно, понять запѣвъ въ томъ смыслѣ, что сравнивается зимняя непогода или, точнѣе сказать, производимое ею впечатлѣніе съ впечатлѣніемъ отъ зова свекра, свекрови; но запѣвъ этотъ теряетъ всякій смыслъ въ третьемъ случаѣ: зоветъ „милъ другъ“. Закрѣпленію такихъ запѣвовъ въ пѣсняхъ, видимо, очень способствуетъ риома; здѣсь очень удобно риомуются: „несеть“ и „зоветъ“. Вообще, въ народной пѣснѣ риома идетъ впереди содержанія, такъ сказать, ведетъ его за собой, напр.:

Какъ хотѣла меня мать
За Филипушку отдать:

У Филипа въ саду липа —
Завсегда я буду бита.

(Шейнъ, пяс. № 15).

О логичности такой риомовки не спрашивается. Вообще въ народной пѣснѣ риома сравнительно рѣдка, но въ короткихъ плясовыхъ — очень обычна. Почему такое исключеніе для плясовыхъ? При отсутствіи музыки отъ плясовой пѣсни требовался извѣстный „ладъ“, который и достигался отчасти риомой, повтореніемъ одного и того же слова и даже части его, отъ чего получалась нѣкоторая аллитерація, напр., въ какомъ-нибудь безсмысленномъ наборѣ словъ, распѣваемомъ на мотивъ плясовой:

Приходи, кума, за лёдомъ—
Леду дамъ, леду дамъ.

Или: Рукавицы, -вицы-вицы
Повабыль!

До чего можетъ истрепаться „припѣвъ“, видно изъ судьбы, постигнувшей извѣстный припѣвъ: „Ахъ, Дунай...“ Въ г. Тульѣ, извѣстномъ своими гармониками, мѣстными гармонистами, которыми оказываются большинство мастеровыхъ, выработался особый терминъ для игры на „гармошкѣ“—„Дунай разводитъ“.

Слѣдующимъ за „образомъ“ высшимъ техничскимъ приемомъ творчества является *символъ*. Беремъ этотъ терминъ въ смыслѣ „образа“, не сразу понятнаго по вызвавшему его ассоціаціямъ мыслей. Какъ и выше, начнемъ съ простѣйшихъ типовъ „символа“. М. б., эти простѣйшіе символы и дѣйствительно покажутся простѣйшими, понятными, т. е. явится вопросъ: почему же мы отдѣляемъ ихъ отъ разобранныхъ выше „образовъ“? Правда, эта группа символовъ не удалась далеко отъ общей всѣмъ „образамъ“ (въ широкомъ смыслѣ слова) основы—*сравненія*, настолько, чтобы быть совсѣмъ непонятной; но то обстоятельство, что въ этой группѣ находятся уже зачатки будущихъ отдѣльныхъ символовъ, что мы найдемъ здѣсь объясненіе возникновенію такихъ отдѣльныхъ летучихъ символовъ,—кажется, даетъ намъ основаніе допустить такое раздѣленіе. Пояснимъ свою мысль на пѣсняхъ:

Что цвѣли-то, цвѣли—цвѣли въ полѣ
Цвѣли да поблекли, 2.

цвѣтнця,

Что любилъ-то любилъ—любилъ паревъ
Любилъ да покинулъ; 2....

дѣвицу,

(Якуш. № 14).

Ясно—сравненіе; дальше:

Цвѣтнця цвѣточки,
Лаазуревы мои!
Что же вы не весело
Цвѣтнця цвѣли?
Или вамъ дожди-то
Были очень малы,
Лютые морозики
Крѣпко студены?

На эти на цвѣтнця
Паль меденькій дождь.
Не дали со миленькимъ
Подольше гулять, 2
Рѣчей поговорить.
Личному любезному
Въ очи напенять:
Что долго не женишься, и пр.

(Як. 121).

Понятно, конечно, что и это сравненіе, именно сравненіе судьбы, которая встрѣчаетъ любовь, съ судьбами въ жизни растений: какъ жизнь растенія во власти погоды, такъ любовь—во власти обстоятельствъ и счастья; но съ формальной стороны образъ этотъ, видимо, уже отходить отъ сравненія. Вотъ онъ отходить еще дальше:

Ты трава ль моя,
Ты шелковая,
1. Ты весной росла,

2. Лѣтомъ выросла,
3. Подъ осень травка
Засыхатъ стала, —

Про милого дружка
Забывать стала;
Милдъ сушиль, — крушилъ,

Сердце высушилъ,
Онъ и свежъ меня
Съ ума разума

(Шейвъ, голосов. № 5).

А образъ между тѣмъ такъ простъ, такъ понятенъ: 1, полюбилъ; 2, окрѣпла любовь — сулила счастье; но 3, пришла пора — разлюбилъ, — совершенно такъ же въ природѣ!

Въ слѣдующей пѣснѣ примѣненія образа не видно совершенно, и въ этомъ-то смыслѣ „образъ“ представляетъ собою новый видъ — „символь“ понятія.

1. Ты рябинушка, ты кудрявая,	7. Подъ тобою ли, подъ рябинушкою,
2. Ты когда взошла, когда выросла?	8. Что не мажъ цвѣтеть, не трава растеть,
3. Ты рябинушка, ты кудрявая,	9. Не трава растеть, не огонь горить
4. Ты когда цвѣла, когда вырѣла?—	10. Не огонь горить — ретиво сердце,
5. Я весной взошла, лѣтомъ выросла,	11. Ретиво сердце, молодецкое.
6. Я весной цвѣла, лѣтомъ вырѣла.	

(Горить сердце по красной дѣвушкѣ: на зарѣ оставила она жизнь..., Сах. IV, № 8). Мы видѣли, что такой образъ, какой заключенъ въ первыхъ шести стихахъ пѣсни, символизируетъ собой любовь въ извѣстныхъ мѣняющихся обстоятельствахъ. Уже седьмой стихъ, рационализуя образъ, заключенный въ первыхъ шести, указываетъ на то, что въ данномъ образѣ „сравненіе“ совершенно не сознавалось.

Что символизируетъ дерево съ подмытыми корнями въ какой-нибудь пѣснѣ, въ родѣ:

Съ молодцомъ дѣвка застоялася,
На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую она засмотрѣлася.
—Ты рябина моя, рябинушка,
Ты рябина моя, кудреватая,

Кудреватая рябина, щеглеватая!
Не стой, рябина, близко къ берегу,—
Что придетъ-то придетъ весна красная
Что подмоетъ твои сучки-вѣточки,
Сучки-вѣточки, всѣ отросточки.

(Шейвъ, голосов. № 6).

Корни или вѣточки, сучечки, отросточки—это все одно. Говорятъ, что настоящій символъ данъ мифологической традиціей, а что уже въ дѣствіи онъ сталъ поэтическимъ образомъ — горя, несчастья въ любви и т. п., здѣсь — грядущаго несчастья. Врядъ ли возможно объясненіе, что сперва „береза“, „рябина“, „сосна“, „верба“ съ подмытыми корнями были символами мифологическаго происхожденія, а что уже время сдѣлало изъ нихъ поэтическій образъ, взятый изъ природы. Странно было бы думать, что природа сама по себѣ не могла наводить пѣвца или слагателя на сравненіе жизни человѣка съ жизнью окружающей его природы и вызывать въ умѣ ихъ художественные образы для своихъ созданій, а что для этого потребовался сперва толчекъ со стороны мифическихъ березы, рябины, сосны и проч., — толчекъ, напр., въ формѣ рационализаціи переставшаго быть понят-

нымъ образа. Несомнѣнно, конечно, что была береза, сосна... вообще дерево и мифологическаго происхожденія: есть пѣсни, гдѣ то или другое дерево является въ такомъ фантастическомъ, сказочномъ нарядѣ, что пѣсни непонятны внѣ мифологической традиціи, но такое мифологическое дерево могло дать свой рядъ преемственныхъ символовъ, какъ дерево поэтическое—свой (символь лица, понятія, мысли).

Интересенъ символъ „калина“. Данъ ли онъ какимъ-либо повѣріемъ въ родѣ того, что калиновый цвѣтъ утоляетъ сердечную скорбь (Потебня, указ. соч. т. I, стр. 7, по Костомарову объ ист. зн. р. п.), или имѣетъ болѣе простое основаніе? Потебня отмѣчаетъ, что символъ „калина“ примѣняется къ солнцу, солнце же часто является символомъ дѣвушки; представленіе же дѣвушки въ образѣ солнца, конечно, мифологическаго происхожденія. Потебня же, на 57-ой страницѣ II т. указ. соч., указываетъ еще на одно обстоятельство, чуждое чего-либо мифологическаго, но давшее основаніе тому же символу—калина. „Такъ и калина“,—говоритъ онъ,—надъ которой поетъ соловей, бѣлыми цвѣтами, потомъ пучками красныхъ ягодъ какъ-бы освѣщаетъ темный фонъ береговой поросли. Эта обычная по нашимъ рѣчкамъ картина объясняетъ пѣсенныя сравненія: калина—дочь, дѣвушка; лугъ—взростившій и хранящій ее отецъ; калина—молодость, красота, радость; „темный лугъ“—печаль. Что касается великорусской пѣсни, то мы не нашли сочетанія „калина“ и „лугъ“, поэтому трудно сказать, данъ ли символъ „калина“ такою же ассоціаціей мыслей, какъ и въ малорусской пѣснѣ. Намъ думается, что онъ данъ и не мифологическимъ преданіемъ, а также возникъ изъ сравненія съ природой. По отношенію къ „калинѣ“ у насъ нѣтъ примѣра, но есть косвенное указаніе: „калина“ очень часто употребляется въ раздѣльномъ или слитномъ сочетаніи съ „малиной“, что даетъ одинъ символъ—„калина-малина“; соединеніе синонимовъ очень обычно въ народномъ языкѣ—травка-муравка, груша-яблонь и мн. др.

Не правдива малина!
Сказывала, будто цвѣсти не будешь,
Зеленаго листка не пустишь,
Алаго цвѣтика не выцвѣтишь;

Какъ пришла-то пора,
Малинушка расцвѣла,
Зеленые листики пустила,
Алые цвѣтики расцвѣтила.

(Неправдива Машенька: говорила—замужъ не пойду, Ивана не люблю; пришла пора—замужъ пошла. Сах. III, сговорн. 79. Или: ibd. 42; Сах. II, хоров. 44).

Рано калинушка, рано въ полѣ расцвѣла. Не собравшись съ умомъ-разумомъ,
На ту пору матушка меня родила. въ чужіе люди отдала.

(Шейнъ, голосов. 68).

Нельзя сказать, чтобы здѣсь было кажущееся по формѣ обращеніе символа лица въ указаніе времени событія. Это скорѣе—

самостоятельный символъ: калина цвѣтеть—любовь, счастье дѣвушки; калина рано расцвѣла—несчастье, горе...

Но вотъ символъ „калина“ приведенъ въ связь съ другимъ — „разливомъ воды“:

„Калину съ малиной вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,

(Выдала, не подумавши, на чужую сторону).

Понимать ли данные два стиха пѣсни такъ, что второй есть рационализація, а, слѣдовательно, первый—дѣвушку постигло несчастье, отдача на чужую сторону, или—второй понимать буквально, а первый тогда въ смыслъ пророческаго символа (т. е., во время рожденія дѣвушки полая вода затопила калину; это ей предсказываетъ черезъ ея символъ несчастье),—все равно: символъ „калина“ будетъ далекъ отъ чего бы то ни было мнѣстческаго. Замѣтимъ между прочимъ, что калина не есть исключительно символъ дѣвушки, дѣвства: онъ примѣняется и къ замужней женщинѣ (срв., напр., Шейнъ, бесѣд. 11). Кроме того, есть пѣсня, гдѣ отдача дѣвушки замужъ на чужбину (горе для матери) символизуется тѣмъ, что полая вода уноситъ прямо самое дѣвушку, а символъ калина отсутствуетъ:

Разлилась, раздѣлялась
По лугамъ вода вешняя;

Унеско, улетѣло
Чудо милое, дочь отъ матери в пр.

(Сак. III, на дѣвич. 132).

Мы думаемъ, что настоящая пѣсня подтверждаетъ то, что „калина“ есть отдѣльный отъ сравненія символъ.

Какъ и многіе другіе, не избѣгъ кристаллизаціи и символъ „калина“; но гдѣ онъ кристаллизовался окончательно, такъ это въ припѣвахъ. Сколько пѣсень съ припѣвомъ: „калина-малина!“, быть можетъ, созвучныя окончанія—калина-малина—сдѣлали ихъ такими излюбленными припѣвами. Если вѣшняя природа, черезъ сравненіе съ нею различныхъ случаевъ человѣческой жизни, давала народному поэту художественные образы; если цѣлые образы выдѣляли изъ себя отдѣльные символы, то, кажется, были случаи и обратнаго процесса возникновенія символа. Приписывая неодушевленному предмету чувства человѣка, слагатель-пѣвецъ закрѣплялъ за этимъ предметомъ приписанныя ему, хотя бы на основаніи слабого, отдаленнаго сходства, чувства и свойства: создавался символъ. Таково происхожденіе символа—„свиваться“, символа любви.

Не свивайся, не свивайся трава съ па- Хорошо было свиваться—тошно раз-
великой! ставаться.

Не свикайся, не свикайся молодець съ
дѣвицей.

(Якушк., 124).

Точно также „наклонёніе одного дерева къ другому“ символизируетъ свободную любовь, склонность:

Руби, руби, молодець,
Куда древо клонится,

Отдай, отдай, батюшка,
Куда замужь хочется....

(Шейвъ, хоров. 34).

Разберемъ параллельные символы—„сѣять“ („сажать“) и „топтать“. Есть очень много пѣсенъ, гдѣ сѣютъ именно дѣвушки. Въ силу извѣстнаго поэтическаго приѣма, то, что сѣется, становится символомъ лица сѣющаго, такъ что, если сѣютъ лень, то „лень“—дѣвушка. Даже если принять во вниманіе пѣсни, гдѣ сажаетъ (или поливаетъ, вообще „ходитъ за“) не дѣвушка, а молодець (напр. Сах. III, сговорн. 60), и одну, гдѣ даже сѣетъ молодець (Сах. IV, 14), то все-таки многочисленныя пѣсни, гдѣ сѣютъ именно дѣвушки, а не молодцы, достаточно прочно закрѣпили и опредѣлили символъ „посѣянаго“.

Вспомнимъ наши свадебныя пѣсни, гдѣ пріѣздъ жениха со сватами представляется какимъ-то разбойническимъ набѣгомъ: они подломили сѣни, раздавили чару, выпугнули соловья; и принесъ-то ихъ не хорошій, лютый вѣтеръ—сѣверный, и пусть такое представленіе возникло съ точки зрѣнія дѣвушки, склонной, передъ разлукой съ домомъ, воображать себѣ „чужбину“ чѣмъ-то ужаснымъ и враждебнымъ ей,—для насъ важенъ фактъ существованія такого представленія, независимо отъ вызвавшихъ его причинъ. Конечно, въ такой пѣснѣ, какъ:

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая;

Кто ту траву потопталъ,
Кто ту потопталъ шелковую?

(молодецъ—отвѣчаетъ пѣсня.... Сах., сговорн. 33),—символъ „топтать“ могъ пойти и отъ реальности; но въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ символъ „топтать“ согонъ вмѣстѣ съ „сѣять“, тамъ происхождение перваго, несомнѣнно, иное. Принявъ во вниманіе сказанное сейчасъ, мы можемъ думать, что символъ „топтать“ находится въ той или другой связи съ представленіемъ себѣ дѣвушкой сватовства чѣмъ-то враждебнымъ, посягающимъ на ея дѣвическую вольность, на „нѣгу матушкину“. Что касается того, что топчетъ молодець *конемъ* или *конь* такого-то, то это слишкомъ понятно: „конь“—обычный символъ молодца, также какъ сѣемое есть символъ сѣющей. Кромѣ того, въ пѣсняхъ (хороводныхъ), какъ: „А мы просо сѣяли“..., символы „сѣять“ и „топтать“ могли быть даны и другими ассоціаціями мыслей, правда, очень близкими. Въ этихъ пѣсняхъ дѣвушки и молодцы представляются врагами другъ другу, по эта вражда, конечно, только—„милый задоръ“, вызванный деревенскимъ кокетствомъ дѣвушекъ и своеобразными приѣмами ухаживанія парней. Такая quasi-вражда могла образовать символы „сѣять“ и „топтать“. Подобное пони-

маніе данныхъ символовъ вовсе не говоритъ противъ того, что въ пѣснѣ— „А мы просо сѣяли“ нѣтъ никакихъ древнихъ чертъ; она могла быть сопровожденіемъ очень древней игры, даже съ миеическими чертами; но этотъ древній слой, если ужъ онъ есть, не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что символы „сѣять“ и „топтать“ не произошли подъ вліяніемъ ассоціацій мыслей, понятныхъ и возможныхъ и въ наше время въ крестьянской средѣ. Вѣдь, при такомъ взглядѣ, пришлось бы положить, что въ „сѣдую древность“ пѣсня была однимъ голымъ наборомъ миеологическихъ представленій.

Мы привели сейчасъ два ряда ассоціацій мыслей, которыя могли дать символы „сѣять“ и „топтать“. На этомъ уже видно, какъ разнообразны могутъ быть основанія тѣхъ или другихъ символовъ, а отсюда—какъ могутъ варьироваться послѣдніе. Въ сборникѣ Сахарова есть пѣсня (IV, 14), гдѣ „сѣть цвѣты“ молодець. Этотъ символъ означаетъ любовь молодца, которую требуется раздѣлить, что выражается символомъ „поливать цвѣты.“ Такъ иногда можетъ показаться тотъ или иной символъ причудливымъ или испорченнымъ, тогда какъ онъ есть одна изъ многихъ варіацій основнаго, простаго символа. Проф. Потѣбня приводитъ для этого даже особое методологическое правило: „... распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій“ (указ. сочин., т. I, стр. 42). Вооружившись такимъ, дѣйствительно, плодотворнымъ методомъ, можно установить безконечные ряды символовъ.

Теперь обратимся къ тому, какъ оперируетъ пѣвецъ-слагатель надъ символами, завѣщанными миеологическою традиціей. Возьмемъ пѣсколько самыхъ типичныхъ и посмотримъ, какъ и насколько отразилась художественная техника на примѣненіи традиціонныхъ символовъ къ мотиву. Возможное возраженіе на то, что отражающаяся художественная техника есть дѣло позднѣйшаго времени, не будетъ возраженіемъ по существу: характеризовать пѣсню, со стороны ли отразившихся въ ней миеологическихъ воззрѣній человѣка, или со стороны техническихъ приѣмовъ творчества мы можемъ только на основаніи матеріала, который даютъ пѣсни сами, а не на основаніи несуществующихъ, но могшихъ существовать пѣсней.

Вотъ, напр., изображеніе чудеснаго дерева, просящееся быть отнесеннымъ къ миеологическому преданію:

Какъ у города, у Архангельскаго,—	На этихъ же прутьяхъ листья камчат-
Виноградѣ красно-зеленое (<i>приниметъ</i>).	ныя,
У тово же пристанища карабельнова,	У этой же березы высокъ теремъ;
Тутъ стояла береза кудреватая,	Тутъ сидѣла же душа красна дѣвица,
У этой березы коренья булатное,	Она шила вышивала шириночку,
У этой березы кора позолочена,	Шила вышивала чистымъ серебромъ,
У этой березы прутья серебряныя,	Она строчки строчила краснымъ золотомъ

А тутъ зазрѣвъ засмотрѣвъ добрый молодець: / А тутъ услышала душа красна дѣвица.
И не ходи же, доброй молодець, въ кувницу, /
Я пойду да добрый молодець въ кувницу, / Не куй три пилы, три булатныя,—
Искую три пилы, три булатныя, / Ну и будетъ время—сама сойду,
Потпилью же я березу кудреватую (Сама сойду), за тебя пойду.
Уרון же я съ березы высокъ теремъ! (Потебня II т., 394 стр.).

Нарядъ, дѣйствительно, чудесный! Но въ дальнѣйшемъ при-
мѣненіи символа этого „чудеснаго“ дерева обнаруживается уже
техника творчества; именно, связующій символъ „подпилить“ (ру-
бить дерево, яблоню, грушу и т. д.), уже встрѣчавшійся намъ,
довольно обыченъ въ пѣсняхъ. Возьмемъ другое „чудесное“ дерево.

Стояли комони, пошибши головы, / Повозку тяжелую съ душой красной
Слышали комони дальнюю дорожку, / дѣвицей.

(Женихъ говорить):

„Потихоньку, бояры, съ горы спускай- / Третіе угодійце—душа красна дѣвица.
теса, / Съ душой красной дѣвицей мнѣ вѣкъ
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева! / вѣковать,
Въ кипарисномъ деревцѣ было три уго- / Съ душой красной дѣвицей мнѣ тош-
дѣйца: / ну ночь коротать“.

Первое угодье—три пчолы ярыя, /
Другое угодійце—звончатыя гусельцы. / (Шкѣвъ Р. в. н. 563, № 33).

Какъ-бы то ни было, а пока дерево - „чудесное“, хотя ка-
кой-нибудь эпитетъ „кипарисное“ здѣсь, очень можетъ быть,
играетъ ту же роль, что и всегда готовый къ услугамъ пѣвца-сла-
гателя эпитетъ „калиновый“. Во всякомъ случаѣ, кристаллизація
эпитета „кипарисный“ подтверждается многими другими примѣрами.
Далѣе, запѣвъ пѣсни очень не рѣдкій въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Съ ранней утренней зори / Никто про тѣхъ не вѣдаетъ;
Стояли кони на дворѣ; / Одна знала-спознала Машенька...
Никто про тѣхъ коней не знаетъ, /

(Сак. III, сговорн. 15).

Конечно, это—не болѣе и не менѣе, какъ кони сватовъ или же-
ниха, готовые увезти дѣвушку изъ родительскаго дома, отсюда
ставшіе символомъ близкаго выхода замужъ, сватовства, то же-
лапнаго, какъ въ послѣдней пѣснѣ (дѣвушка засыпаетъ конямъ
сахару и поить ихъ сытою), то нежеланнаго, откуда и кони
представляются какими-то грозными исполнителями судьбы: „не
сама-то я къ вамъ заѣхала, —завезли меня кони N.“

Итакъ, остается непонятнымъ само „дерево“, да „три уго-
дѣйца“. Но вотъ, пѣсня, гдѣ, кажется, проясняются эти непо-
нятныя „трои пчолы ярыя,“ будучи видоизмѣнены:

Ужъ вѣтры мои, вѣтерочки, / Стоять тошно сосенкѣ, невозможно;
Ваши торки голосочки! / Не водой ли сосенку подмываетъ,
Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки, / Горностайка въ сосенкѣ подбѣгаетъ;
Не шатайте, вѣтры, во бору сосну! / Посередѣ-то сосенки пчелы выются,
Во бору ли сосенкѣ стоять тошно. / Пчелы выются, пчелушки не привьются.

Какъ у Ванюшки кудри вьются — не Тысяжи-ка, Любушка, о чемъ плачешь?
 зазываются,
 Какъ у Любушки слезы льются, льют- Ужъ есть у меня печаль-горе,
 ся—не уймутся. Отдають дружка въ солдаты!

(Варенцовъ. Сбрн. пѣс. Самар. край, солдатскіи № 6).

Второе угодые въ первой пѣснѣ также понятно: гусли — дѣвица: игра на гусяхъ — любовь молодца. Впрочемъ, надо замѣтить, послѣдній символъ не всегда примѣняется послѣдовательно: бываетъ, что на гусяхъ приходится играть не молодцу, а дѣвущкѣ (напр., Сах., III, 90). Такія метаморфозы, замѣтимъ, очень часто встрѣчаются, при нагроможденіи символовъ, какъ здѣсь: „рубить яблонь“ и „тесать“, „дѣлать гусли“ и „играть“ на нихъ—синонимическіе символы. Поэту-слагателю очевидно, трудно бываетъ справиться съ обиліемъ однозначныхъ или сродныхъ символовъ. Разберемъ только что приведенную пѣсню (изъ сбор. Варенцова). Мы постепенно подойдемъ къ тому, какъ въ ней просятся непонятныя въ выше приведенной (Шейнъ № 3) „трои пчолы ярыя“.

„Вѣтеръ шатаетъ въ бору сосну“, „водой сосенку подмываетъ“. „Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ“ — врагъ сосны (говоритъ Потебня). Сопоставленіемъ: „пчелы вьются“ — „слезы льются“ и „кудри вьются—не завьются“, — вводится мотивъ пѣсни. Что же касается „пчелы вьются“ — „слезы льются“, то оно „основано (говоритъ Потебня, II т., стр. 219) на представленіи пчелъ разлетающимися и разливанья — рассыпанья (разлетанья) образомъ горя“. „Сосенка“ здѣсь, конечно, въ роли дерева („чудснаго“) есть пѣсни, гдѣ и сосна является въ такомъ же чудесномъ нарядѣ.

Пусть „садъ“ — символъ, идущій изъ глубокой древности, но напр. въ великорусской пѣснѣ:

Ахъ ты садъ ли, ты мой садочекъ,
 Садъ да зеленое винограде!
 Къ чему ты, садъ, рано расцвѣтаешь,
 Расцвѣтаешь, садъ, засыхаешь,
 Землю листьямъ, садъ, устилаешь?
 Не пришло еще поры-времени;
 Я сама тебя, садъ, садила,
 Я сама тебя поливала,

Животъ, сердце надрывала,
 А не для ково инова,
 Для своего ли друга милова;
 Что въ тебѣ ли, да во садочкѣ,
 Соловей пѣсни воспѣваетъ,
 Что и тотъ ли вонъ вылетаетъ,
 А тебя, садикъ, пусть оставляетъ,—

(Дѣвушка спрашиваетъ молодца, отчего пересталъ ходить къ ней.. долго ждала она его вчера.. Сах. IV семейн. 42), — въ этой пѣснѣ, что осталось отъ сѣдой старины? — Садъ — винограде? Но это — пригвѣвъ, который, извѣстно, гораздо консервативнѣе и можетъ жить долго послѣ того, какъ сама пѣсня, ея, мотивъ разорвалъ всякую связь съ древностью. Кромѣ того, это „винограде“, несомнѣнное заимствованіе: откуда пѣвецъ-слагатель,

никогда не видѣвшій виноградниковъ, могъ взять этотъ образъ? „Распѣвъ сада“, „опаденіе листьвы“ это — начало и конецъ любви („садъ садила“). „Садъ садила“—любовь, которую лелѣла дѣвушка; „соловей, пѣвшій въ саду, но улетѣвшій потомъ“,— символъ молодца, любившаго когда-то, но любви котораго теперь положена преграда. Стоитъ ли и есть ли основаніе возводить рядъ этихъ символовъ къ древности!

Извѣстенъ солнечный мифъ. „По эмпирически выведенному правилу, атрибутъ мифической личности изображаетъ то же явленіе, что и она сама. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень—образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое играетъ ими, есть солнце“ (Потебня, указ. соч. II т., 58 стр.). Такъ, что что дало основаніе обратному символу — солнце=дѣвушка? Есть, пѣсни, гдѣ ясенъ этотъ мифъ, но какъ объяснить такія пѣсни, какъ:

Перекатно красно солнышко,
Ты звезда перекатная,
За облакъ звезда закатилася

Катилось солнышко къ западу
Катилось красное ко терему,
Ко терему боярскому, княженецкому;
Восходилъ свѣтелъ мѣсяцъ ко востоку,

Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы въ горницу, и пр.
(Сах. III, 117)

Онъ свѣтитъ ясно и не меркнетъ,
А кидаетъ лучи ясные
Къ Машенькѣ во высокъ теремъ.

(Пріѣзжали князья-бояры, входили въ свѣтлицу, звали М....
Сах. III, 133).

Шло солнышко по залѣсью,

Шло оно, остановилось.

(Шла красная дѣвица ко терему, шла и остановилась: „возьмите отъ меня ключи, батюшка, матушка, — больше я у васъ ни „влюшница“, ни „ларешница“, Сахар., 152).

Что это, какъ не величаніе только? Въ слѣдующей же пѣснѣ такимъ мнимымъ символомъ дѣвушки является не только солнце, но и мѣсяцъ:

Играло солнце красное,
Играло, да затмилось;

Свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Свѣтилъ, да померкнулъ.

(Веселилась Машенька да приуныла: никто не пожалѣетъ ее..
Сах. III, 155).

Что опять, какъ не величанье же дѣвушкѣ черезъ величанье отца, матери, братьевъ и свахъ, заключается въ слѣдующей пѣснѣ?

Что не батюшка выдаетъ,
Что не матушка снаряжаетъ,
Что не братцы въ повѣдѣ,
Не сестрицы въ овашенькахъ:
Выдаетъ свѣтелъ мѣсяцъ,

Снаряжаетъ красное солнце,
Частыя звѣзды въ повѣдѣ,
Вечерняя заря у свашенькахъ, и проч.

(Шейнъ № 524).

Это—своего рода апофеоза, но еще вопросъ, насколько въ ней непосредственной вѣры и насколько техники творчества?

Возьмемъ еще нѣсколько символовъ, завѣщанныхъ мифологической традиціей. Посмотримъ, что внесено въ нихъ, точнѣе—въ ихъ примѣненіе, творческою техникою?

„Разсыпанье жемчуга“ и „собиранье жемчуга“. Золото, жемчугъ, бисеръ и проч.—одинъ и тотъ же символъ. Это—атрибуты солнца. Дѣло представляется, слѣдовательно, такъ: дѣвица, сѣющая золото, была символомъ солнца; этотъ образъ впоследствии перенесенъ былъ на дѣвушку-невѣсту; „въ этомъ,—говоритъ Потебня, — и заключается, конечно, теперь утратившее свой смыслъ величанье послѣдней“. Величанье есть уже вторичный, производный актъ творчества, потому что, какъ ни представлять себѣ созданіе мифологическихъ образовъ, все же нельзя въ видѣ какихъ-нибудь галлюцинацій всевозможнаго порядка; доля творчества есть и тутъ: атрибуты мифическаго лица взяты ни откуда, какъ съ земли. Чтобы перенести черты, приписанныя мифическому лицу, обратно на землю, для этого, конечно, требовалось творчество. Естественно, что, при примѣненіи чертъ, перенесенныхъ съ неба на землю, символъ могъ быть или ближе къ небу (въ смыслѣ „сѣдой старины“) или къ землѣ. Напр.:

Растопись, банюшка,
Разгорись, сыръ каменка,
Ты рассыпись, крупень жемчугъ,
Ни по атласу, ни по бархату.
По браной по скатерти,

По серебряному блюдечку!
Расплась, красная дѣвица,
Передъ своимъ отцомъ, матерью...

(Якушк. № 5).

„Жемчугъ“—символъ слезъ. На это указываютъ свотолкованія. Дальше: заря—роса, роса—слезы; заря—солнце, солнце—дѣвушка. Соединеніе символовъ „разсыпать жемчугъ“ и „собиранье рассыпанный жемчугъ“ съ отцомъ, съ милымъ и проч. даетъ новый символъ, который можно назвать уже третичнымъ. Такъ это, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Во теремѣ дѣвица сидитъ,
Ожерельице жемчужное садитъ.
Разсыпала ожерельице
По всему высокому терему.
Не собрать, не собрать жемчужку
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,

Ни братцамъ, яснымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедямъ;
Собереть, собереть жемчугъ
Удалый добрый молодець
Со душой красной дѣвицей.
(Якушк., Рус. нар. пѣс. 177-8).

„Итти по мосту“. N переводить N черезъ жердочку (дощечку),—символъ, несомнѣнно, данный стариной: такъ естественно сблизить его съ хороводною игрою „мосты мостить“ или съ игрою „дощечка“. Въ какой-нибудь пѣснѣ:

Отъ горницы, отъ горницы
Да и до горницы
Лежать брусья, лежать брусья
Неотесанные,
Неоскобленные.

(По тѣмъ по брусьямъ шла дѣвушка N, несла въ рукѣ „зеленое вино“, въ другой—„меды ставленные“, подъ мышкою несла „бѣлъ крупитчатъ калачъ“... Сах. III, сговорн., 27),—упоминаніе этихъ „брусевъ“ не меньше, какъ описаніе дѣйствія обряда, который, б. м., настолько связанъ съ древностью, что имѣетъ значеніе священнодѣйствія.

Сильна связь и слѣдующей пѣсни съ обрядомъ, а можетъ быть и миеологическимъ преданіемъ:

Ты зоря моя, зоренька,
Зорюшка вечерняя;
Ай люли, люли, лёли,
Зорюшка вечерняя!
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило--
Черезъ лѣсъ черезъ поле,
Черезъ синее море.

Какъ на синемъ на морѣ.
Тутъ лежала жердочка
Тонкая влевовая.
Тутъ никто не хаживаль,
Никого не важиваль;
Переходилъ добрый молодець,
Переводилъ красну-дѣвицу;
Переводилъ овъ ее—
И цѣлуеть, и милуеть...

(Якушк., обрядов. 5).

Уже здѣсь символизмъ въ достаточной степени заявляетъ свои права, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что старина. обрядъ предстоятъ въ этой пѣснѣ въ жалкихъ остаткахъ. Въ двухъ же другихъ вариантахъ этой пѣсни (Якушк. 100 и 132) символизмъ, разрывая связь съ обрядомъ, вступаетъ въ свои права безраздѣльно; особенно же это будетъ убѣдительно, если сдѣлать детальное сравненіе этихъ двухъ вариантовъ между собой: получится видоизмѣненіе примѣненія символа „жердочка“. Такое детальное сравненіе сдѣлано нами въ началѣ нашей работы. Лучшимъ же, думается намъ, доказательствомъ того, что пѣсня даже самаго древняго происхожденія не чужда значительной технической обработки, служатъ „заговоры“. Пусть, скажутъ, пѣсня утратила свой старинный обликъ и характеръ въ устномъ обращеніи, составляя какъ бы то ни было развлеченіе народа,—но заговоры, имѣющіе такую серьезную цѣль, должны обладать болѣе прочной традиціей: каждое слово заговора, говорить, имѣетъ магическое значеніе—пропустить или измѣнить хоть одно слово равносильно тому, что и не исполнить, какъ слѣдуетъ, какое-нибудь священнодѣйствіе. Да такъ оно и должно быть: разъ сравнительно культурные люди могли думать, что измѣненіе слова въ священнодѣйствіи (даже только фонетическое измѣненіе) могло сдѣлать недѣйствительнымъ таинство, то тѣмъ болѣе—непосредственный человѣкъ. Однако и на заговорахъ лежать слѣды технического творчества.

Сколько заговоровъ начинаются традиціонною формулой: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, подъ востокъ, подъ восточную сторону“.. (Майковъ, Загов. 3). Начало этой формулы мож-

но найти и въ пѣсняхъ. Въ заговорахъ также можно встрѣтить фиксацію эпитетовъ въ родѣ: „калинный“ щелокъ, „шелковый“ вѣтникъ и проч. Не послѣднюю, наконецъ, роль играютъ въ заговорахъ и „сравненія“, и многія изъ нихъ тѣ же, что и въ пѣсняхъ. Спрашивается, какъ же рѣшить вопросъ: навязать ли всѣмъ „сравненіямъ“ въ пѣсняхъ то значеніе, какое они якобы должны имѣть въ заговорахъ, или признать, что „сравненія“ въ послѣднихъ,— конечно не всѣ,—имѣютъ то же значеніе, что и въ пѣсняхъ, т. е. это—техническіе приемы творчества, которое, стало-быть, имѣетъ мѣсто въ заговорахъ?—Для насъ болѣе убѣдительно второе рѣшеніе вопроса. Разъ же такъ въ заговорахъ, то въ пѣснѣ тѣмъ болѣе. Конечно, иллюзія зрѣнія и слуха нѣсколько вѣковъ тому назадъ была у взрослыхъ на той степени, на которой она теперь у дѣтей нашихъ самыхъ глухихъ деревень: колеблющійся листъ, пустое дуновеніе вѣтра, необъяснимый сразу звукъ въ воздухѣ принимали у нихъ образъ, который они видѣли и въ который дѣйствительно вѣрили абсолютно,— это мы должны принимать во вниманіе; очень можетъ быть, что мы, у которыхъ не мыслама такая иллюзія, многое рационализируемъ—видимъ только символъ тамъ, гдѣ одна наивная вѣра, по все-же техническіе приемы творчества играли огромную роль въ пѣснѣ, и добрая половина въ ней принадлежитъ имъ, а въ такомъ случаѣ пѣсня не могла не выйти изъ устъ профессиональныхъ пѣвцовъ-слагателей. Переработки пѣсенъ, взаимное видоизмѣненіе мотива и технического приема, варіаціи ихъ убѣдительно свидѣтельствуютъ обо всемъ этомъ.

Вл. Карповъ.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

I.

Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи.

Въ различныхъ мѣстахъ Украины можно встрѣтить любопытныя особенности малорусскаго погребенія, связывающія этотъ трагическій актъ современной жизни съ далекой языческой стариной. Мнѣ лично приходилось наблюдать нѣкоторые подобные обряды въ Киевской губ., въ Уманскомъ уездѣ; кромѣ того, я также собиралъ свѣдѣнія о нихъ и отъ другихъ лицъ и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые древніе обряды соблюдаются и въ настоящее время въ Малороссіи, другіе только недавно вышли изъ употребленія и извѣстны по воспоминаніямъ. Многіе изъ нихъ указываютъ на то языческое міровоззрѣніе, которое ясно уже обрисовалось въ погребальномъ обрядѣ, описанномъ у Ибнъ-Фадлана ¹⁾.

Въ описаніи погребенія Русса онъ говоритъ, что въ покойнику въ палатку „принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили предъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о-бокъ ему“; затѣмъ разрубили и бросили двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу. Въ заключеніе пронзили кияжаломъ дѣвушку и положили вмѣстѣ съ мертвецомъ.

Основной смыслъ всѣхъ этихъ обрядовъ заключается въ вѣрѣ, что покойникъ и послѣ своей смерти продолжаетъ жить такою же жизнью, какою жилъ и до кончины; поэтому ему необходима пища, животныя, жена и прислуга.

Такой же смыслъ мы должны видѣть и въ погребальномъ обычаѣ, только недавно прекратившемся въ Малороссіи. Лѣтъ 50 назадъ, передаютъ старики, клали вмѣстѣ съ покойникомъ въ гробъ хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой. До настоящаго времени практикуется обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ

¹⁾ Сказанія мусульм. писателей, А. Я. Гаркави, стр. 96—101.

почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой и горбушку (цилушку) хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ ужинать.

Въ наблюдаемой мною мѣстности принято, что покойника везуть на возу или на саняхъ, непременно запряженныхъ волами; въ старину же, говорятъ, возили покойника лѣтомъ и зимою только на саняхъ. При этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники.

Несомнѣнно, глубокая древность видна и въ обычаяхъ бросать въ могилу мѣдныхъ деньги. Объ этомъ обычаяхъ упоминаетъ и П. Чубинскій въ Трудахъ Этн. Эксп. IV, 710, въ описаніи малорусскаго погребенія, и толкуетъ такъ, что деньги даются за „мѣсце“ (мѣсто). Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придаетъ народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живетъ дидько, который придетъ и скажетъ: это мое мѣсто—уходи, и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово—„дидько“ въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія русскія низшія божества: и лѣшій—дидько, и домовой—дидько, и водяной—дидько,—названіе, стоящее въ несомнѣнной связи съ миопческимъ существомъ „Дидь“. Такимъ образомъ въ обычаяхъ бросать въ гробъ деньги видна вѣра въ подземное царство и въ существо, которое имъ владѣетъ. Здѣсь нельзя не видѣть родства съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвецу въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ черезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Особыя знаменательныя обрядности сопровождаютъ погребеніе дѣвушки. Дѣвушку-невѣсту одѣваютъ, какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушкѣ, такъ и парню на средній палецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Въ случаѣ смерти дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай (хлѣбъ, имѣющій символическое значеніе и упогребляемый только на свадьбахъ), кладутъ его на гробъ, и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами состроить дѣвушкѣ или парню и свадьбу. Плачи, которые при этомъ раздаются, всѣ высоко-поэтичны; они напоминаютъ слова Жуковского въ „Орлеанской дѣвѣ“:

Не знать тебѣ любви земная,
Цвѣтушаго младенца не ласкать.

Это соединеніе свадебныхъ обрядовъ съ погребальными производитъ глубоко-трагическое впечатлѣніе. Отсюда видно, какое большое значеніе народъ приписываетъ любви: пѣсни свадебныя,

любовныя (ладкана), семейныя, чумацкія и даже похоронныя заплачки говорятъ въ большинствѣ случаевъ о любви. Это снимаетъ упрекъ и съ нашей художественной литературы, почему она не разрабатываетъ соціальныя вопросы или не занимается политикой, а беретъ завязкой для повѣсти и драмы по преимуществу любовь. Народъ съ своей естественной поэзіей служитъ истолкованіемъ этого явленія.

Въ заключеніе я еще укажу на обычай, который я имѣлъ случай наблюдать и который, сколько мнѣ помнится, нигдѣ не упоминается. Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочь невыданною за-мужъ, то послѣдняя расплетаетъ косу, какъ дѣлается это на свадьбѣ, и идетъ такъ за гробомъ, чтобы все-таки дать возможность родителямъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Покойника обыкновенно провожаютъ, какъ въ Великороссіи, такъ и Малороссіи съ особенными, опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ с. Подвысокомъ, Кіевск. губ. Уманскаго уѣзда. Какъ ни странно, на первый взглядъ, этотъ обычай, но онъ коренится въ древне-русской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоявшемъ въ военныхъ играхъ и веселіи.

Нѣкоторое отдаленное соотношеніе съ тризной имѣетъ и въ настоящее время погребальная трапеза, которая предлагается или на гробѣ покойника, или въ домѣ, откуда его вынесли; это такъ называемыя поминки по умершемъ. Обыкновенно онѣ устраиваются для того, чтобы смѣнить мрачность погребенія нѣкотораго рода веселіемъ. Для подтвержденія этого я приведу обычную здравицу, которая на поминкахъ непременно раздается въ честь покойника. Эта здравица слѣдующая: „помянемъ покойничка (или родителей), чтобъ ему легко икнулось на томъ свѣтѣ, чтобъ ему весело жилось на томъ свѣтѣ“!

Все это несомнѣнно напоминаетъ древне-русскія языческія воззрѣнія на загробную жизнь.

Хр. Ящуржинскій.

II.

Малорусскіе обряды, повѣрья и заплачки при похоронахъ.

1.

(*Ахтырскій уѣздъ Харьковской губер.*)

Умирающему передъ кончиною дается въ руки восковая свѣча; послѣ смерти эта свѣча втыкается гдѣ-либо вблизи покойника. Сзываютъ бабъ; онѣ обмываютъ трупъ, одѣваютъ и кладутъ—взрослыхъ на лавкѣ подъ образами, а маленькихъ на столѣ; въ руки кладется восковый крестъ или же крестъ, принесенный изъ какого-либо святого мѣста (изъ Кіевской лавры, изъ Почаева). Потомъ идутъ къ священнику за вѣнчикомъ и разрѣшительной молитвой; вѣнчикъ кладутъ на покойника сейчасъ же, а разрѣшительную молитву потомъ—въ гробъ. Являются желающіе простаться съ покойникомъ; ихъ угощаютъ пирогами, паляницами и водкой. Пономарь или другой кто читаетъ псалтирь. Пріѣзжаетъ священникъ; мертвого кладутъ въ гробъ и несутъ хоронить. По возвращеніи съ кладбища начинаются поминки: ѣдятъ сирва канунъ, приготовленный изъ разведеннаго въ водѣ меду и бубликовъ; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ мискѣ и съѣдаетъ по три ложки кануна. Потомъ ѣдятъ капусту, блины, лапшу и др. кушанья. Во все продолженіе похоронъ кто-нибудь изъ родственниковъ плачетъ надъ покойникомъ, приговаривая.

№ 1. (*Дочь по отцу*). Мій татычку, мій риднесмыный! на кого жъ мене выдайши, на кого ты мене прыручайши? Ныма у мене ны ридного, ны вирного; ни до кого мыни прыйти, ны поговорыть, ны порадыця. растутъ мои стежки-дорожки. Шо въ людей есть братыкы и сыстрыци, есть до кого поговорыть, съ кымъ порадыця и погулять, а мыни бидни сыроти ни съ кымъ ны порадыця, ны погулять. На шо ты мене сидну сыроту такою малою оставывъ? Я смазу пійшла по наймамъ и добра ны знала. Мій татычку, ты всихъ до ума довивъ, а я одѣ тебе осталась малою; на шо жъ ты мене оставывъ такою малою? Шо мыни гораздъ выхго вычого й ны скаже; шо десять разъ угодышь, а јазъ ны вгодышь, и вси твои разы пропалы; а дома чужи диты пры отци, пры матери то й гораздъ и ны гораздъ зроблять, а отецъ зъ матерью все покрывають. Шо коло тебе ны говорю, шо я коло тебе ны влопочю, а ты со мною ны словечка, ны повсловечка. Устанъ и пидвыдысь, и свою головонку пидвыды. Шо ты якъ живъ б, вѣ, до тебе ридко хто прыйде, а тыперъ устанъ и подывысь, яког нарда коло тебе багачью.. (Обращаясь къ своему брату, плачетъ:) Мій братыку, ны мынай же мене, ны прогоняй. Хоть ны такъ ты мыни ридный, такъ такъ будь мыни вирный и ны цурайся жъ мене. . Якъ бувъ батько,

хоть я й жыла по наймань, а все жь я шла до вась смгло, а тышерь ны знаю, якъ и ходыть до вась...

№ 2. (*Дочь по матери*). Моя матынько, моя голубонько! на шо ты насъ покидайишь? Якойи тоби хаточки скотилосья—смутнойи та ны-выднойи... Та хаточка така, шо сонце ны греи, и буйныйи витерь ны вие... Моя матынько, моя голубонько, а прышла жь я васъ провидаты, рас-провидаты, а вы до мене словечка ны промовыте. Чомъ ты мини словечка ны промовышь, чомъ ты мене не порадышь? Да скажи жь, моя матынько, до кого жь мини ходыть теперь? Хто жь мене буде пора-жаты, угощаты? На шо ты мене ныщасною уродыла, мою головоньку утопыла? Чого жь тоби, моя матынько, скотилосья, шо ты насъ изь моло-дыхъ лить осыротыла?.. Болы жь ты, наша матынько, до насъ въ гости пры-будешь? Болы жь ты насъ порадышь, якъ поражала?.. Устань, моя матынько, порадь, шо мини пыты та варыты и чымъ мини твойихъ любыхъ та малыхъ гостей гостыты, якъ поражаты, щобъ була я йихъ мати. Чомъ ты, моя матынько, ничего мини ны говорышь, якъ йихъ поражаты, якъ вытаты? Чомъ ты мини ничего ны говорышь? Чы я тыби чымъ догрубыла, шо я тебе пытаю, а ты до мене и слова ны промо-вышь? Устань, моя матынько, подывыся на свойихъ сыночкывъ-соколоч-кывъ, на свойихъ внучкывъ малесенькыхъ; устань да порадь мини, якъ йихъ годуваты тай воспытаты. Чы мини раненько вставать, чы пизненько лягать, чы мини маленькихъ дитокъ годувать? Я жь ны знала, якъ йихъ годувать, тай якъ йихъ воспытаты; ты жь було нагодууйишь йихъ и напоуйишь, и спаточки положишь....

№ 3. (*Жена по мужь*). Мій чыловиче, мій дружныне, на шо жь ты мене покидайишь, на шо сыротышь; ны такъ ты мене сыро-ротышь, якъ дитокъ свойихъ ридныхъ. Якъ бы я сама була, я заразъ бы соби мисто найшла, а хоть я соби й мисто найду, а диткамъ сво-йимъ уже батька ны найду. Шо я буду жыть и робыть, а моя й робота ны въ моду буде. Шо мойи диткы выновати и невыновати, а йихъ быты муть, а якъ бы у йихъ батько бувъ, то ныхто йихъ и пальцемъ ны тронувъ бы. Мій чыловиче, мій хозяйинь, хто мыни хлибъ покосе, хто й збыре, хто мыни намолоте, хто й намеле? Чы мыни людей просыть, чы самий братаця? Шо одного попросы и другого попросы, а воно й ны ды-вытця. Шо ты мыни гораздъ нычого ны розказавъ и ны ростовковавъ. Шо ты день и ничъ ны спавъ, а все хозяйновавъ и прыдбававъ, шо ты ны вспивъ и на лавку лягты, якъ уже вси коло тебе и все тягнуть и ростиагуть; пока я оглянулася, нычого нымае ны по хливахъ, ны по городахъ... Устань и роскажи, якъ мыни жыть? Шо чужа жынка выйде у поле, та й весело йий; шо въ ейи чыловичь, и диткы, естъ съ кымъ робыть, кому помочы дать, а я выйду въ поле и прыйду до дому да й ни до кого мыни поговорыть, ни порадытця. Шо ты насывавъ, насывавъ, прыдбававъ, прыдбававъ, а никому й прыбыраты. Устань же, мій чоловиче, и хоть ны такъ поможы, якъ словожь роскажи... Прыйде було годовыйи празныкъ, то естъ съ кымъ пытты до свойихъ ридныхъ поговорыть, а теперь диджала празнычка, та й выйду въ хату, и ны-

мае ныкого, и въ горѣди вымае ныкого. Шо ты мене побѣшь и по-лаишь, мыни твоя бѣйка и лайка ны болыть, лышь бы було съ кымъ мыни робыть у поли и дома. Прощай, чыловиче, прощай, дружыне! Шо я тебе пытала, шо я тебе просыла, а ты мыни нычого ны росказавъ, ны ростовковавъ; шо ты якъ жывъ бувъ, то до мене говорывъ, а теперь шо я до тебе говорыла и тебе просыла, а ты и ны озався...

2.

(Нѣжинскій у. Черниловской губ.)

а) Въ Нѣжинѣ при выносѣ покойника изъ дому обсѣвають его рожьбу; въ могилу, прежде чѣмъ засыпать ее, бросаютъ мѣдную монету—на перевозъ.

Приводимъ заплачки, записанныя въ означенномъ уѣздѣ.

№ 4. (*Дочь по матери*). Матинко моя, матинко, голубонько, на що жъ ты мене покинула?.. Да теперь же я осталася якъ горохъ пры дорози. Да порады же мене, якъ у свити мыни прожыты безъ рыдныи матери? Да скажи жъ ты мыни, колы ты ко мни у гости прыбудешъ? Колы мыни для тебе столы застилаты?.. Да ты жъ не прыбула къ Рожеству за великымы снитамы, да не прыбудешъ и къ Великодню за великымы дорщамы, да ты не прыбудешъ къ Святой недильци за начальнымы диламы; да ты не прыбудешъ къ Николи да й никола... Да колы ты до мене въ гости прыбудешъ, да чы ты итymesъ, чы летитymesъ, чы плестymesъ? Утенькой плестymesъ,—буду ряску розгоняты; зазулей будешъ летиты,—сады буду роскыляты; дорогом итymesъ,—буду дороженьку промитаты, буду и ворытечки очыняты... Якъ бы я жъ знала, де мыни тебе взяты!.. Да тебе жъ мыни не купыты, да й не заслужыты; моляра наняты да й зрысовать... Да де жъ тыи моляры, шо молюють матери? Да де жъ тыи кромары, шо продають матери? Да де жъ тыи ярморкы, шо продаюця матеркы?.. Якъ бы я знала, де тебе купыты, а бъ серденько выколупыла, соби бъ матерку купыла...

№ 5. (*Мать по дочери*). Доню моя, голубочко, да куды жъ ты одъ мене одражаеся?.. Да чы тутъ же тоби надойило жыты на билому свити? Да чога жъ тоби туды захогилось? Да тамъ же хаточна смутная да невеселая, темная да невыдная; да тамъ же соловейки не щебечуть, и зозульки не кують. Доличко моя, перепелочко, куды ты полетила? Кто жъ мыни теперь будыть дилечко робыты такъ, якъ ты робыла?.. Да ты жъ було шо робышь, да я й очей не посылаю; да якъ мыни теперь безъ тебе остаться?.. Да промовъ ты мыни хоть словечко, дытыно моя. За шо ты на мене розгнивалася?.. Да чужы диты гуляты муть, а тебе й не буде. А я буду ходыты, да тебе пытаты, чы не бачылы люды. Воны скажутъ: мы бачылы, да вже на ты свити. Шо жъ мыни робыты, моя дытыно, безъ тебе въ свити?.. Дытына моя, картына моя, да куды ты

одражася, мене покидаешъ нещасну? Доничка моя, ткаличка моя! да хто жъ мене буде теперъ порожаты, якъ ты будешъ у сырой земли лежаты...

(Записано К. Пирожниковою въ г. Нѣжинѣ).

б) № 6. (*Мать по сыну*). Сыночокъ мый голубчычокъ! Яка це сторона, яка це слобода, що не самъ не йдешъ, не пысьма не шлешъ? Нехто не прокаже, некто не скаже, якъ тоби тамъ живеца... И сыну мой, и дытына моя, ой уставай, моя дытыночка! Де вона та смерть узлася, на що вона тебе узла?.. Такъ якъ страныкъ лежышь... Выдкля жъ мыни тебе вызыраты, выдкля жъ тебе выглядаты? Чы съ-пидъ червоной калыны, чы съ-пидъ черной могылы? И колы мыни тебе въ гости дожыдаты, чы къ Великодню, чы къ Рязду?..

№ 7. (*По матери*). И матинко, и п'ятинко, колы мыни тебе дожыдаты, выдкля выглядаты?.. Чы выдтыль, де сонечко сходить, чы выдтыля, де заходить?.. Моя матинко, моя матинко, моя порадныця, моя ты розвадныця! Хто мене буде такъ порожаты, хто мене буде такъ розважаты, якъ тебе нема.

№ 8. (*По матери, если раньше умеръ и отецъ*). Татусеньку мый, голубоньку, устрчай же мою матинку, стрчай и мистечко пробырай, дорыженьку промитай, и столыки застлай, и мою матинку у гостиньки дожыдай.

№ 9. (*По дочку*). Моя донечко, моя тополечко, моя донечко, моя маковочко, моя донечко, моя рожа повная! Якъ же ты зацвила и скоро отцвилась и обсыпалась... Выдкля мени тебе омыдаты... и т. д. (какъ въ № 6 и 7).

№ 10. (*По женатому сыну*). Сыну мый, дытыно моя, родына моя! де мыни тебе взаты, чы купыты, чы заслужыты, чы змулюваты?.. Нащо жъ ты мене помынувъ старенькую и дитокъ своихъ?.. Якъ мыни горуваты, якъ мыни твойихъ дитокъ годуваты?..

№ 11. (*По семейному сыну*). Сыночку, прымай свойихъ дитокъ до себе, шобъ вони по дорожы не ходылы, шобъ ихъ чужы диты не былы, шобъ вони не служылы, шобъ вони чужого дилечка не робылы. Вони будуть служыть, чуже дилечко робыть, ихъ будуть бытъ, да никому за ихъ оступыця...

№ 12. (*По батьку*). Татусеньку мый, голубоньку, татусеньку мый, соколоньку, татусеньку мый, соловейко!.. Прымайте мене до себе, прыгортайте... Нащо вы мене покынулы? Прымайте мене до себе, шобъ я чужого дила не робыла...

№ 13. (*По матери*). У саду соловейки будуть щебетаты, а я выду да буду своей матинки пытаты: колы мыни у гостиньки дожыдаты, чы къ Рязду, чы Великодню, чы одъ Мыколы, чы одъ небылы... Моя матинко, моя горувальныця, моя матинко, моя страдательныця, моя матинко, моя покровонько... Хто жъ мене буде порожаты, хто мене буде розважаты? Немае цвиту чырвоного, немае роду рыдного... Нада цвиту маковку, нема рыдывшого надъ матинку...

№ 14. (*Тоже*). Моя матинко, моя п'ятинко, моя покрывонько, моя зазуленько, моя вышенько и моя черешенько, и мое слово вирнее, мое слово правдынее, и моя жалобница, и моя порадница, и моя заступница... И колы жь мені тебе у гостеньки дождаты, колы для тебе столы застылаты? Чы на Великдень, чы на Роздво, чы на сятку недиленьку, чы на Мыколы, чы нѣколы? Соловечки будуть щебетаты, а зазуленьки куваты, а я буду йихъ пытаты: соловейки мойи братани, а зазуленька моя ненька, вы высоко летаете, вы далеко буваєте, чы вы не бачылы моеи матинки, чы не передавала вона свойимъ диточкамъ поклонна и вирного слова?... Да на шо жь ты, матинко, насъ покидаешъ, да кому насъ, матинко, уручаешъ? Да буде насъ, матинко, всюды—и по горахъ, и по долинахъ, и буде насъ, матинко, и по чужыхъ украиннахъ... Да кому жь ты насъ, матинко, уручаешъ, чы старшому брату, чы меньшому? Нашо ты насъ, матинко, породыла, да сыротами опредѣлыла?...

№ 15. (*По батьку*). Мый татусеньку, мый голубоньку, мый соловейчыку! И на шо ты насъ покидаешъ, и кому ты насъ, татусеньку уручаешъ: чы старшому брату, чы меньшому? А намъ же теперь, татусеньку, треба чужымъ людямъ годыты, а намъ треба чужее दिलечко роботы... Да мы шо зробылы, нещасны сыроты, да наше дило не въ дило; да мы шо скажемо, да наше слово не въ слово,—наше дило переробленое и слово переговореное. Татусенько нашъ, голубонько, устанъ же да порады насъ, якъ намъ жыты, якъ намъ горуваты, и колы для тебе столы застылаты, и колы тебе въ гостеньки дождаты: чы на Великдень, чы на Роздво, чы на сятку недиленьку, чы на Мыколы, чы одъ Мыколы да и нѣколы?...

№ 16. (*По дѣтямъ*). Моя дытыночко, моя родыночко, моя пташечко, и моя кошачечко, и моя роза повная, и моя роза червоная, и моя ягода повная, и мый цвѣточокъ, и моя крашаночко! Да якъ весна настае, да выду я у садочокъ, да и цвѣточки цвѣтуть, да и пташечки поють; и якъ люде ождають, якъ первый цвѣточокъ росцвѣтеца, и вси радуяца, и вси веселяца, и одно другого призывае и показуе, яки же це первый цвѣточокъ хороший! О такъ, моя донечко, дыждемъ мы праздныка Свитлого Воскресенія; якъ дождаемъ первой крашанки, одно другому показуемъ: чы гарна, чы гарна крашанка? Такъ ты была мени доню, а теперь позаросталы твои стежбы-дорыжжы, де ты ходыла; а теперь пойду я тыльки у зеленый садочокъ, да вырву я еленовый лысточокъ, да прыкрыю я своей донечки слѣдочокъ, щобъ и зозули не кувалы, щобъ и пташечки не леталы, щобъ моеи донечки слѣду не истопталы... Охъ, набудь я, набудь я марно все слова свойи трачу! да пойду саду край могылы да гирко заплачу ..

(Записано Алевт. Малинкою въ м. Монастырщина, Нѣжинск. у.).

в) Въ с. Березанкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, больному передъ смертью даютъ въ руки восковую свѣчу. Послѣ кончины кто-либо изъ семьи идетъ за бабами, а хозяинъ ѣдетъ въ городъ за необходимыми покупками; покупая нужное для похоронъ, обыкновенно не тор-

гуются, чтобы покойникамъ не пришлось торговаться между собой. Собираются бабы, грѣютъ воду, омывають покойника; затѣмъ одѣвають его: на мужчину надѣваютъ нижнее бѣлье, подпоясываютъ краснымъ или зеленымъ поясомъ, шею обвязываютъ маленькимъ ситцевымъ платочкомъ, на ноги надѣваютъ „панчохи“—шерстяные чулки; дѣвухкѣ надѣваютъ рубаху, непременно изъ покупного полотна, плахту, шелковую или шерстяную запаску, красный поясъ, корсетку, панчохи, черевки, монисто; волоса раздѣляютъ на двѣ части, перевязываютъ лентами и перебрашиваютъ черезъ плеча напередъ; поверхъ повязки возлагается „квитокъ“, т. е. вѣнчикъ; такъ же одѣвають и замужнюю женщину; не надѣваютъ на нее только лентъ, мониста и черевинковъ, волоса покрываютъ очипкомъ и завязываютъ голову платкомъ „перелепомъ“, т. е. такъ, чтобы конецъ платка изъ повязки закрывалъ очипокъ; на ребенка надѣвается ситцевая рубашка, поясокъ и цвѣтная шапочка.—Послѣ этого покойника кладутъ—взрослаго на ослонъ (скамью) или лавку, а дѣтя на столъ; подъ голову кладется подушка, а подъ покойника кусокъ холста—по росту. зажигають свѣчу, прикрѣпляютъ ее къ столу, въ руки умершему даютъ крестъ изъ восковой свѣчи и идутъ за чѣтцомъ и къ священнику заявить о смерти, взять вѣнчикъ и заплатить „за позвонне.“ Бабы бѣгутъ просить сосѣдей сдѣлать гробъ, копать яму. Тотъ, кого просятъ, не долженъ никогда отказывать, хотя бы и былъ очень занятъ своими дѣлами: отказъ считается величайшимъ грѣхомъ; объясняютъ, что покойники, считаясь они отказались отдать послѣдній долгъ, не будутъ на томъ свѣтѣ дѣлиться съ ними тѣмъ, чего послѣдніе не будутъ имѣть. Пока на дворѣ дѣлають гробъ, бабы готовятъ канунъ (разведенный въ водѣ медъ и булка). Моютъ у колодезя рядомъ, которымъ укрывался больной (къ этому вымытому ряду, говорятъ бабы, не пристанетъ уже никакое „дыхо“), подушку его выносятъ на чердакъ, одежду вѣшаютъ гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, а послѣ похоронъ она отдается нищимъ; присутствующіе закусывають, пробуютъ канунъ—съ пожеланіями покойнику царствія небеснаго, при чемъ утѣшаютъ родныхъ; женщины-родственницы плачутъ, голосятъ, бѣгаютъ по хатѣ, бросаются къ покойнику, обнимають его, цѣлуютъ... Особенно потрясающая бываетъ картина послѣ смерти матери, оставившей вучу дѣтей: старшія голосятъ, причитываютъ; меньшія, не понимая, въ чемъ дѣло, думая, что мать заснула, лезятъ возлѣ нея, стараются разбудить, тормозятъ ее за руки, за ноги.. Безпомощнымъ положеніемъ осиротѣвшихъ иные любители чужого добра пользуются: отправляются въ амбаръ, въ хлѣвъ, тащатъ себѣ подъ полу что попало, относятъ себѣ домой и снова возвращаются на промыселъ; иногда даже доски растащатъ, прежде чѣмъ соберутся рабочіе дѣлать изъ нихъ „труну“ (гробъ).—Хозяинъ, вернувшись изъ города, сдаетъ покупку женщинамъ, а самъ

идеть къ сосѣдямъ просить вести при похоронахъ „корогвы“, фонари, крестъ „мары“ (посилки), коливо. Если покойникъ остается на ночь въ домѣ, то вечеромъ собираются родственники, знакомые; имъ подается закуска; на ночь остаются только чтець псалтыри и нѣсколько бабъ; имъ ставится закуска, водка, свѣчки, чтобы онѣ не послули. На другой день идутъ за необходимыми при похоронахъ вещами въ церковь, за священникомъ; бабы вносятъ въ хату гробъ, ставятъ на ослонъ, на дно кладутъ сѣно, покрываютъ полотномъ, подъ голову дѣлаютъ подушку изъ намитки (особая кисея, изъ которой старыя бабы дѣлаютъ себѣ головной уборъ) и набиваютъ ее стружками. Отпѣвши заупокойную литію въ хатѣ, священникъ выходитъ во дворъ, а бабы кладутъ покойника во гробъ, прикрываютъ намиткой, оставляя открытой одну только голову; мужчинѣ по бокамъ кладутъ шапку и палку, подъ руку хустку съ мелкой монетой, чтобы было чѣмъ на томъ свѣтѣ „подушнѣ“ заплатить, закуску, водку, если покойный былъ пьяница, какой-либо инструментъ (смотря по роду занатій покойника); бабѣ кладутъ букетъ изъ маку; дѣвушку осыпаютъ цвѣтами; старикамъ на голову надѣвается колпакъ изъ бѣлой шерсти. Хозяева раздають платки рабочимъ, подъ евангеліе; священнику и причетникамъ—платки и свѣчи; на крышку гроба кладется „настойный“, кощовая скатерть. Когда гробъ выносятъ изъ хаты, то бабы бросаютъ вѣлѣдъ овесъ, ячмень, чтобы больше никто не умиралъ въ этой семьѣ. Жена, мать, дочь покойника голосять.

№ 17. (*Жена*). Дружно моя дорогая, куды ты убыраеся, на що жъ ты мене выдаешъ, неспособную да немощную? Диточки мои, гореваальнычки, послѣ тебе воны остануца, по крапывамъ, кусточкамъ роставуца, будутъ же воны тебе вспомянать, по-подъ тыномъ валяца и и отъ голоду крычать... Чоловиче, дружина моя, прымай же до себе мене и все семейство мое...

№ 18. (*Мать по дочери*). Донечку моя, фялочко моя, видкиль буду тебе вызырать, видкиль буду выглядать?.. Да чужыи дитки бѣгають, да гуляють; да чужы матерки глядять да радѣть, а я тоскую. досадую, своей дытны не важаю... Шо вже стезечки и дорыжечки позаростають, мою дытну люде позабувають... И прымай же мене до себе, прыгортай, я вже жъ тутъ намылась и нагоровалась...

№ 19. (*Дочь по матери*). Матюшко моя рыдна, оставяешъ дочку сыротыну... Кого жъ буду я пытаца, на кого буду я надѣца? Кто мыши буде помогать и у скрыню дбать?... Остаюся я дивчыкою молодою, нещасною сыротою... Зробылы тоби хаточку темную да невыдную, да не съ однимъ да оконечкомъ, да не съ однимъ да стульчыкомъ. Ой матюшко, моя зазуленько, кому ты мене покидаешъ, на кого ты оставяешъ? Кто буде мене выдаваты, хто буде мене выпровожаты, хто буде мене выслухаты, съ кимъ буду слово розмовляты?..

Покойника заносять въ церковь, гдѣ правится панихида, по-

томъ на кладбище. Послѣ похоронъ коливо и паляницы бабы раздають дѣтямъ; принимавшіе участіе въ похоронахъ приглашаются на обѣдъ поминать покойника; приглашаются и нищіе, которымъ отдается одежда умершаго. Послѣ обѣда бабы идутъ въ садъ, пьютъ тамъ, закусывають; моютъ затѣмъ посуду, и воду выливають туда, гдѣ не ходятъ люди и нѣтъ растений, чтобы ничто не засохло „одъ мертвой воды“. Стружки и трески (щепки) отъ гроба бросаютъ въ рѣку или сожигаютъ и потомъ уже пепель высыпаютъ въ воду, чтобы покойнику на томъ свѣтѣ было такъ легко жить, какъ пеплу плыть по водѣ. Вечеромъ сходятся бабы почевать; имъ даютъ закуску, водку. Если покойникъ былъ взрослый, то приглашаютъ причетника почитать псалтирь.

(Записано Ал. Вербицкою).

3.

(Борзенскій уѣздъ, Черниговской губ.).

№ 20. (По батьку). Мій батыньку, мій голубоньку, мій соловеечку! Да куды жъ ты поплывешъ и поплывешъ, да на яку дорыженьку, да на яку сторыньку?.. Да колы жъ двory вымитать, да столы застилать, да колы жъ васъ у гости дожыдать?.. А якъ же намъ сыротама оставаца? Кто насъ буде зберегать, да хто намъ буде прыютъ давать? Мы жъ маленьки да неспособны дла робыть и чужымъ батькамъ годыть,—а чужому батьку смилъко не робы, дакъ не втодышь... Засуджены и огуджены...

Воду, которою омывають покойника, выливають въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ; солону палать; щепки и стружки отъ гроба часть выбрасываютъ на улицу, часть палать. Покойнику подъ руку кладуть подорожній билетъ (?), сбоку—въ платкѣ ладанъ и деньги, чтобы на томъ свѣтѣ умершій могъ купить себѣ мѣсто.

(Записалъ И. Локоть въ г. Борзвѣ Черниг. губ.).

4.

(Кролевецкій уѣздъ, Черниговской губ.).

№ 21. (Плачь по умершему ребенку).

Дытятко мое, любе та мые!

Буда жъ ты убываешься?..

Видкиля тебе вызыраты, видкиля тебе выглядаты?

Чы ты зъ церкви итынешъ,

Чы зъ дороги йхатынешъ?...

Чы тебе соловейки одщобетали,
 Чы тебе зозуленьки одковали?
 Яка твоя дорыженька смутна да невесела!
 Яка твоя хаточка темна да невидная,
 Що не дверечокъ, не оконечка, не праведнаго сонечка...
 Якъ яблочко одъ яблоньки одкотылося,
 Такъ ты одъ мене, мое дытятчко, одрознылося.
 И видкиля ты итymesъ.
 И яку висточку нестыymesъ, моя донечко (мій сыночку)!
 Моя донечко, моя нагидочко,
 (Мій сыночокъ, мій волосочокъ!)
 На що жъ ты мене кидашъ?
 Хто жъ тебе буде доглядаты тамечекъ?
 И колы жъ ты до мене у гости прыдешъ?
 Колы жъ тебе дожыдаты, колы жъ тебе сподиваты?
 Прымай мене до себе,
 Прыгортай мене до себе!
 Обырай мыни мистечко коло себе!
 Де тоби мистечко нашлося гарне,
 Що ты мене покинуло?
 И сердце мое одырвалося,
 Дытятко мое и голубятко мое!
 Колы я тебе побачу?
 Чы ты зозулею прылетышь, чы соловейкомъ?
 Чы ты намъ перекажешъ, чы нысьмо прышлешъ,
 Щобъ я почувала де ты будешъ,
 Мое соколятко, мое голубятко!

№ 22. (По мужу).

Дружно моя! куды жъ ты убываешъ?
 На що ты мене кидашъ изъ дрыбненькымы диточкамы!
 Хто мыи буде замышляты, хто мыи буде порядны даваты,
 Що у йихъ батька немає!
 Сырыточки мойи нещасныи,
 Буды вы не прыгорнетесь,—
 Усе до батька чужого...
 Дружно моя вьирная,
 Хозяинъ мый любый, мый,
 Буды жъ ты убываешъ
 И кидашъ мене зъ малымы дитьмы?
 Бого жъ мыни пытацьця,
 До кого жъ мыни горвуцьця?
 Де жъ мыни йимъ найты батька рыдного?
 Усе не рыдный, усе не вьирный.
 Сырытки мойи нещасныи...

Дружно моя вѣрная!
 Промовъ мнѣ хоть словечко,
 Якъ мнѣ на свѣти жыты?
 А дружнонько жъ моя, дружнонько!
 На що жъ ты одъ насъ выишжаешъ?
 На що тобі мойи сыночки ворота одчыняють?
 У яку ты дороженьку выишжаешъ?
 Чы ты на ярмарокъ, чы на заробытки?..
 Да скажи жъ мнѣ хоть словечко!
 Коли ты до насъ прыбудешъ
 И порядокъ дасы,
 Якъ жыть, якъ горовать изъ несчастными сыротами!
 Чы ты прыдешъ насъ самъ одвидать,
 Чы кому перекажешъ,
 Чы письмо прышлешъ?..
 Хозяинъ мый мый,
 Хозяинъ мый любый!
 Чого жъ ты не хочешъ у сій хати жыть?
 Якой ты забавашъ новойи да темнойи,
 Невеселойи да невыднойи;
 Вона й безъ выконъ,
 Вона й безъ дверей,
 И смутна й невесела!
 Дружнонько моя, солосечку мый!
 Прымай мене до себе,
 Забырай мене до себе!
 Не хочу я безъ тебе жыты,
 На смѣ свѣти гороваты.
 На кого жъ се ты розгнывався:
 Чы на дружночку свою,
 Чы на матюночку, чы на диточокъ?
 Ой, куды жъ ты убяресся у далекую дорыженьку,
 Хозяину мый, соколоньку мый!..

(Записано г-жею Волошинскою въ с. Алтыновѣ Бродовецкаго уѣз.).

5.

(*Мариупольскій уѣз. Херсон. губ.*)

№ 23. (*По сѣмѣ*). Ой мый сыночку, ой мый голубчыгъ! на що ты
 на насъ розгнывався и покынувъ насъ? Яка въ тебе хата смутна и не-
 весела: ни сонце ны гріе, ни витырь ны віе и дощъ ны промоче...
 Витыгъ ны тебе будешъ выглядать и коли мы тебе побачемъ? И хто
 намъ буде въ работи помогать? Мы тебе ни былы, ни лаялы, а ты насъ
 покынувъ...

№ 24. (*По сыну*). Ой мій сыночку, ой мій голубчыкъ! На що ты насъ покынувъ, на що ты насъ насмутьвъ, на що ты насъ посмыротывъ? Горько безъ тебе у святи жыть... Та куды ты убрався у хаточку невеселу, у смутную? Чы тыби тисно було съ нами жыть? Туды витыръ ны завіе и ясное сонце ны загіе... Встань, моя ненько, край дороженьки и роспытай ёго про наше жытья горькое...

№ 25. (*Дочь по матери*). Ой моя ненько, моя ридненько, та на що ты насъ посмыротыла? И горько бизъ тебе у святи жыть... Прылыты, ненько моя, сызою голубочкою; я роскажу тоби свое горе, — горько бизъ ненькы жыть. Якъ бы жыли ненька, и журбы у мене бз ны було... Та куды ны пидышь, — чужи матыри сыдять, а моей ненькы нима... Ныхай съ святыми спочыва и насъ гришныхъ дожыда.

№ 26. (*Сестра по сестрѣ*). Ой моя сыстрыча, ой моя ридненька, и чога ты отъ насъ скоро убралась? Яка у тебе хаточка смутна и невесела, — туды витыръ ны завіе и ясне сонечко ны загіе... Витыля мы тебе будымъ выглядать, чы зъ гаю, чы зъ далекого краю, чы зъ долины, чы зъ высокои могылы?.. Мойи братики, мойи ридненьки, вставайты вы край дороженьки и состричайты своего гостя дорогого, и роспытайты про насъ, якъ намъ горько у святи жыть. Жалійты ййи, такъ якъ мы жалылы, и прыгортайты, такъ якъ мы прыгорталы...

№ 27. (*По матери*). Моя ненько, та моя ридненько, та чога вы на насъ розгивалысь? На що вы насъ покыдае?.. Та якъ у васъ очи склынылыся, губы стулылыся... Ой моя ненька, та встань, хоть промовь словечко до свойихъ дитокъ, та скажы, якъ намъ распоряджаться... Та видкля васъ выглядать и колы дожыда?.. Та яка у васъ хата смутна и невесела, безъ виковъ и безъ дверей, та ни сонце не загіе, ни витеръ не завіе... Та куда не пиду, та чужи неньки сыдять, а васъ нема та й не буде...

№ 28. (*Дочь по отцѣ*). Мій таточку, мій ридненькій, на що вы насъ бросылы?.. Кто нами буде замышлять и кто насъ буде годувать и зодягать?.. Видкля же мы васъ, таточку, будымъ выглядать — чы зъ долины, чы зъ высокои могылы, чы зъ зеленого гаю, чы зъ далекого краю?.. Яка у васъ, таточку, хата смутна и невесела — бизъ виковъ, бизъ дверей; туды ни сонце не гре, ни витеръ не віе, тамъ ни соловыйи не поють и зозули не кують... И позаростають стыжки и дорыжки, де вы ходылы, мій таточку, мій ридненькій... На що вы насъ покынулы, — мы не вмійимъ ни дила робыть, ни до людей говорыть...

№ 29. (*Сестра по сестрѣ*). Ой наша сестрыця, наша ридненька! За що ты на насъ разгивалась и на що ты насъ покынула, — чы мы тебе ны любылы, чы у насъ тоби плохо жыть було, чы мы тебе ны годувалы, чы мы тебе не одягалы?.. У тебе и хата темна — безъ виковъ, безъ дверей... Та хто тебе тамъ прыласкае, и хто тебе нагодуе, та хто тебе обуе и одине?

№ 30. (*Жена по мужѣ*). Ой мій мужынёкъ, мій ридненькій, та на що ты мене саму покынувъ одну? Чы я тебе ны любыла, чы у насъ тоби жыть ны понаравылось, чы мы тебе ны годувалы и ны одя-

галам?.. Та колы ты до насъ прыйдышь? Видкль же мы будемъ тебе выгядать,—чы изъ поля, чы изъ роздоля?.. Та хотъ бы ты до насъ заговорывъ, та хотъ бы ты до насъ прыйшовъ ..

№ 31. (*Плещинница по дядю*). Ой мій дядя, мій голубчыкъ, та на що ты насъ покынувъ? Чы мы тебе ны доглядали, чы мы тебе ны годували, чы мы тоби пыть ны давали?... Та хотъ бы ты устави, на насъ подывывеъ, та хотъ бы ты до насъ словомъ заговорывъ, та хотъ бы ты до насъ уста роскрывъ, та хотъ бы ты сказаъ, куда идешъ, та колы ты до насъ прыйдешъ... Та виткль же мы тебе будемъ выгядать?.. Та яку жъ ты, дядьку, соби хату выбравъ — смутну, нывеселу, та яку жъ тисну, ныпросторну; та тамъ пташки ны поють, ны зузули ны кууть; та тамъ же ты ны вгядышь ны сонця красного, ны неба ясного...

№ 32. (*Мужъ по жентъ*). Ой моя голубочко, ой моя сывесынька, моя рыднесынька! Якъ мы съ тобою втишались, а ты насъ покынула и сыби хату найшла смутну та нывеселу; туда ни сонце ны загре, ни витерь ны задуе, ни дощъ не пройдетъ... Ой моя голубочка, и очыци слышылись и губы стулылись... Будю, будю, та ны добудюсь! Хотъ бы же ты голову подняла подывыця, сколько у тебе дружокъ и бояръ; пойиздъ дорогъй я тыбе хотъ теперь справлю... Ой моя голубочка сывесынька, я жъ съ тобою ны наговорывся, тай ны надывывся, покы ты свою головочку ны положила... Ой моя голубочко, ой моя рыднесынька, та видкль тыбе выгядать,—чы зъ долины, чы зъ высокоиы могылы?.. Та вже жъ позаросталы дорожки, де ты й ходыла,—тыхъ дорожокъ никоу протоптать...

№ 33. (*Мать по дочери*). Ой моя дочечка, ой моя рыдненька, та чого ты на насъ разгнивалась, чого ты отцуралась, моя дочечка... Та якъ ты насъ смутыла, та якъ посыротыла... Ой моя дочечка, моя рыдненька, та яка у тебе хата невеселая,—туда ни дощъ не пройде, и витерь не провие и сонце не прыгре... Ой моя дочечка, ой моя голубочка, та чого ты насъ та покынула? А мы жъ тебе и не ляялы, а ты насъ покынула.. Ой моя дочечка, ой моя голубочка, та видкль тебе выгядать, та видкль тебе пытать?... та никто не скаже, никто не звыстыть... Ой моя донечко, чого ты одцуралась? Та чы я васъ, мойи дитки, та обижая? Та лучче бъ вы маленькымы булы померлы, а то я васъ годувала до якого время, а вы тоди мрыте...

III.

Новогреческія похоронныя причитанія и представленія о загробной жизни.

Нижеслѣдующія причитанія представляютъ собственно смѣсъ новогреческихъ и турецкихъ. Записаны они Антономъ Михайловымъ Иммерели въ с. Игнатьевкѣ, Мариупольскаго у., а переведены мариупольскимъ привилегированнымъ грекомъ Михайломъ

Степ. Печохчи. Причитаніямъ предпосылается нѣсколько замѣчаній о повѣрїяхъ грековъ этой мѣстности, относящихся къ умершимъ и къ загробной жизни.

Умершимъ кладутъ въ гробъ деньги, яблоки, пряники; яблоками и пряниками питается умершій на томъ свѣтѣ. Умершій, впрочемъ, можетъ насытиться однимъ запахомъ яблокъ; достаточно положить на могилу яблоко, и онъ будетъ сытъ. Деньги необходимы умершему при его странствованїяхъ для разныхъ расходовъ; часть этихъ денегъ умершіе предъявляютъ на судѣ Божиемъ, какъ доказательство, что они пользовались среди живыхъ людей извѣстнымъ почетомъ. Три раза въ годъ греки всѣмъ селомъ поминаютъ родичей: въ день Проводъ, Троицынъ день и Воздвиженье. Кромѣ этихъ общихъ поминокъ, каждое семейство устраиваетъ частнымъ образомъ поминки по своимъ родственникамъ. На общихъ поминкахъ на могилы возливается красное вино; прежде это возліаніе дѣлалъ священникъ, теперь сами поминающіе. Души умершихъ ко дню поминокъ собираются въ одно мѣсто и подъ землею „нюхаютъ“, втягиваютъ въ себя запахъ возливаемого вина, и этимъ подкрѣпляютъ себя до слѣдующихъ поминокъ. Если бы живые почему бы то ни было не устроили возліанія, то умершіе стали бы отзываться къ себѣ живыхъ; чтобы прекратить смертность, нужно совершить возліаніе въ могилы новыхъ „отозванныхъ“ мертвецовъ.

Въ присутствїи умирающихъ не слѣдуетъ говорить, что они близки къ смерти, потому что въ противномъ случаѣ тѣло умирающаго не хочетъ выпустить души, а душа не хочетъ оставаться въ тѣлѣ, вслѣдствіе чего умирающій испытываетъ мученїя; для прекращенїя этой борьбы нужно умирающему дать іорданской воды, которую паломники (аджи) привозятъ изъ Іордана; послѣ этого душа примиряется съ тѣломъ, и одно изъ началъ—матерія или духъ—беретъ перевѣсъ надъ другимъ; если перевѣсъ за духомъ, то человекъ умираетъ, если за тѣломъ—выздоровливается. Крикъ птицы считается предвѣстникомъ смерти; примѣты о смерти вообще такія же, какъ и у русскихъ.

Было бы, конечно, слишкомъ смѣло по ничтожнымъ матеріаламъ, заключающимся въ сообщаемыхъ ниже текстахъ, дѣлать окончательные выводы относительно возрѣвїи на загробную жизнь жителей той мѣстности, гдѣ записаны помѣщаемыя ниже причитанія. Для этого нужно не такое количество матеріала и при томъ не однихъ только причитаній. Только путемъ строгаго сравненія многочисленнаго и разнороднаго матеріала можно прїйти къ болѣе или менѣе правильнымъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе и при ограниченномъ матеріалѣ не мѣшаетъ попытаться отмѣтить, по крайней мѣрѣ, тѣ черты, по которымъ можно судить о возрѣвїяхъ на загробную жизнь. Подобныя замѣтки облегчатъ

трудъ будущаго изслѣдователя дѣлать выводы по достаточному уже количеству матеріала.

Лучшимъ матеріаломъ для знакомства со взглядами на загробную жизнь служить, безъ сомнѣнія, причитанія и погребальные обряды. Это и понятно: простому человѣку, занятому добываніемъ насущнаго хлѣба, некогда задаваться вопросами о загробномъ мірѣ; только смерть любимаго существа, оторвавъ его отъ повседневныхъ занятій, заставляеть невольно задуматься о томъ, что такое эта смерть, куда дѣвалось любимое существо, уничтожилось-ли оно окончательно или продолжаетъ существовать, гдѣ именно и въ какомъ видѣ и т. п. Отвѣты на подобные вопросы у трупа умершаго и высказываются въ причитаніяхъ. Изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду и погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ. Въ нихъ на дѣлѣ исполняется то, что въ причитаніяхъ высказывается только на словахъ.

Что такое смерть, въ видѣ чего она является,—на эти вопросы не находимъ отвѣта въ нашихъ причитаніяхъ. Во всякомъ случаѣ она посылается Богомъ: „когда отъ Бога придетъ мнѣ смерть..“ (см. прич. № 5). Тѣмъ не менѣе, смерть не считается благомъ: „это несчастье твое“ (№ 5); отъ нея стараются отбиться (№ 3), потому что мучительно отдавать душу (№ 3); тѣло всѣми силами удерживаетъ душу, какъ сказано выше; но всѣ усилія напрасны: „сильно отбивалась ты отъ смерти... но не избавилась“ (№ 3).

Жилищемъ умершаго человѣка становится гробъ: „ты сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей...“ (№ 2, № 3). Когда мертваго опустятъ въ землю, душа его также уходитъ подъ землю: „ты пошелъ въ черныя земли“ (№ 1); души умершихъ *подъ землей* нюхаютъ приносимое имъ возліаніе.

Дорога, по которой ушелъ умершій, безвозвратная: идущій въ загробный міръ назадъ уже не возвращается (№№ 1, 3); дорога эта покрыта лѣсами, скалами (№ 4); душа умершаго сама врядъ ли сможетъ и найти ее; эту дорогу показываютъ души прежде умершихъ (№ 4); во всякомъ случаѣ, душѣ приходится преодолѣть много препятствій, прежде чѣмъ она достигнетъ того міра; для преодоленія ихъ душѣ необходимы даже деньги на расходы; въ концѣ концовъ душа попадаетъ въ рай (№ 4).

Душа послѣ разлуки съ тѣломъ не уничтожается; она не матеріальна, какъ тѣло; тѣмъ не менѣе, она все-таки нуждается въ пищѣ, хотя и не грубой: душа довольствуется однимъ запахомъ вина и плодовъ.

Связь умершихъ и живыхъ людей не прекращается: живые люди въ извѣстное время должны устраивать поминки, дѣлать возліаніе въ честь умершимъ. Въ свою очередь души раньше умершихъ людей съ радостью встрѣчаютъ души недавно умершихъ (№ 4), показываютъ имъ дорогу къ раю; быв-

шіе знакомые на семь свѣтъ и на томъ узнають другъ друга: „тогда братъ брата узнаеть“ (№ 5). Новопреставившіеся разсказываютъ душамъ раньше умершихъ о земныхъ новостяхъ, передають имъ поклоны отъ ихъ живыхъ родственниковъ и знакомыхъ (№ 5).

Отдѣльныя черты вѣровавій будутъ болѣе ясны изъ самыхъ причитаній. Кромѣ того, интересно обратить вниманіе на нѣкоторыя черты сходства новогреческихъ причитаній съ малорусскими. Помимо общности чувствъ и воззрѣній, обусловливающихъ сходство въ ихъ выраженіи, многое, вѣроятно, придется объяснить прямымъ заимствованіемъ.

№ 1. (*Жена по мужъ*). Вай, стванозум холуму ханатыны хырдын кирдин хара топрахлара бир кесек чепчелерин холуну ханатыны хырдын. Вай, стванозум сен бу балалары мана брахып киттин мен сени кирик воз хулах оламам на сынки баба окюю зяде немутлу эвлда баба кирик сайса. Вай, стванозум эвими сѣндюрюп киттин бу юлюмнер стванозум атештен кѣлмек¹⁾ бу юлюмнер сана ярашмаз бу юлар яныш онда китен хайтмаз.

№ 2. (*Мать по сыну*). Вай, балачигым он сениз яшина кетирдым бу сыралары имтетмедим мен сени дѣкмедим биркун харгамадым сен мени бек кустар брахып киттин балам бабанин ультери эдин бабанын холуну ханатыны хырдын белини бюктюн. Вай, балам мен сени эки йлдан дана кіев этечектим вай кіевлар беле янгыз олмаз олар чѣт олар балам бу долулар яныш долулар балам союн сопун ханатыны хырдын балам. Вай, балам бизи некустар кордун балам озю башына мильгѣр

Ой мужъ мой (собственно: избранникъ вѣнца моего), ты сломалъ крыло мое, вошелъ въ черныя земли, цыплятамъ (дѣтямъ) своимъ и потомству ихъ также сломалъ крылья! О мужъ мой, ты ушелъ, оставивъ мнѣ этихъ дѣтей. Я, какъ ты, призрѣть ихъ не смогу, такъ какъ отцовское вліяніе (владѣніе) шире. Пожалуй, счастливъ былъ бы ребенокъ, который, какъ отца, почиталъ бы меня. Мужъ мой! ты уходишь, погасивъ свѣтъ дома моего; мужъ мой! эта смерть, какъ отъ огня рубаха¹⁾; эта смерть тебѣ не подѣ стать (тебѣ не слѣдовало бы умирать); эта дорога безвозвратная: туда идущій не возвращается.

О дитя мое, не имѣющее 18 лѣтъ, я вскормила тебя, а этого (смерти) встрѣтить не думала! Я тебя ни била, ни въ одинъ день не проклинала. Ты, оставивъ меня сирой, ушелъ, дитя мое? Ты отца любила, дитя мое? Ты отца любила, въ отца потомствѣ (своею смертию) крыло сломалъ, отцу спину согнулъ! Ахъ дитя мое, я тебя черезъ 2 года намѣревалась женихомъ сдѣлать. Женихи, какъ ты, одинокими не бываютъ: они бываютъ парными. Эта радость (т. е. ожидаемаго сватовства) ошибочная:

¹⁾ „атештен кѣлмек“ — ввущеніе опасенія къ предмету, котораго слѣдуетъ бояться, какъ огня.

яптыю балам пенчерезит хапусуз балам.

№ 3. (*Дочь по матери*). Вай аначыгым бизи ким бакачах ким коз хулах олачах ананын сырасы башкадыр аначыгым бабалар аналар кгибик коз хулах оламазлар янныш ишлер туттун аначыгым онда китен хайтмаз аначыгым. Вай, аначыгым нехйндыр джан вер мек чапхын чапхын чапинедин аначыгым кгенеде хутламадын кгенди башына мюльк-зер яптын аначыгым союндан сопундан айрылдын аначыгым стванозунун холуну ханатыны хырдын бойнуну буттун аначыгым бизи некустар кёрдун олар севиич куннер бизе хара куннер. Бабан анан чыкандырлар окюнб холундан ханатындан туткандырлар аначыгым.

№ 4. (*Мать по дочери*). Вай, меним хызым мен бирезене гарип халдым киниме архаланайм халдым мерда гарип янгыз бирдене харт бабан вар хырдын ханатымы бюктюн белимизи яштан харардын ялан дуньянын ферагы арам олдусана балам сен олачахтын иоч ийдан кеглин ахменим ал дуваклы хызым он пармагы хыналы хызым беле кеглин олмаз хызым сыртыннен стефана вармазлар хызым чют варырлар хызым стефана энди айрылдых сеч олдух бизден айрылдын ченетен айрылма хызым энде мана хара куннер хызым хырх кун хырх кече ясыны пеллерим хызым энди мен нас даянырыле хызым даглара ташлара китерим хызым менде бир ер

ты родственникамъ и ближнимъ крылья сломалъ, дитя мое! Дитя мое, неужели ты насъ такими плохими нашелъ, что сдѣлалъ себѣ домъ безъ оконъ и дверей?

Охъ мать моя, кто насъ станетъ смотрѣть, кто насъ призрѣть? У матери порядокъ другой,—отцы призрѣть, присмотрѣть за нами не могутъ такъ, какъ матери. Ты неправильно повела дѣла, мать моя: туда идущій не возвращается. Охъ мать моя, насколько мучительно отдавать душу! Сильно, сильно отбивалась ты отъ смерти, мать моя, а все-таки не избавилась. Сама себѣ домъ сдѣлала, отъ родственниковъ и ближнихъ отдѣлилась, избранному своему (т. е. мужу) крыло сломала, шею свернула. Ты видѣла насъ настолько плохими, что радостные (для другихъ людей) дни для насъ мрачны. Бѣ отцу и матери идешь. Отецъ и мать навѣрное вышли встрѣтить, радуясь, подъ руки, подъ мышки навѣрное взяли тебя, мать моя.

Охъ дочь моя, я одна бѣдная осталась. Бѣ кому я прильну? Я осталась безпріютной нищей сама одна. Есть еще старикъ дѣдъ; сломала ты крылья намъ, свихнула спины намъ. Смолоду положила ты все (здоровье) твое; фальшивый миръ сей не принесъ тебѣ, дитя мое, ничего хорошаго. Ты должна была черезъ три года быть невѣстой. У тебя на рукахъ 10 изящныхъ пальцевъ. Такихъ (какъ ты) невѣстъ не бываетъ, дочь моя. Спешей подъ вѣнецъ не идуть,—попарно идуть подъ вѣнецъ, дочь моя! Уже мы разстались, сдѣлавшись чужими другъ другу; отъ насъ отдѣлилась,—такъ не отдѣляйся отъ рая! Уже для меня черные дни: сорокъ дней

гарибѣи хызым китерим ардында
хыдырма хызым одунынын ѳлуну
оси чыхын костер хызым.

№ 5. (*Сестра по братъ*). Вай меним хардашым сен харт дѳкульдин хардашым нѳчин кельди бузулуннар башына хардашым ѳлчулар ѳлавычгар кибик ѳлун хардашым ѳлчум дѳкил бу зулумдыр сана хардашым халды бир кесек балам хардашым харарды мѳлькюн хара тутунер чикти очагындан хардашым бирдене харт анан халды хардашым онун атири олайды чомадым хардашым онунда махул кормесен хардашым стванозунун атири олайды хардашым бир ябан ерде чычан варды хардашым ода кормеди ѳлчуну хардашым секиз ѳйдан берн бекледим энде мен варырым сана хардашым кенды амгымынан варамам хардашым менимде вар бгер экидене чипчелерим хардашым алахтан кесе менде бахмогли олгарын сѳзюне хардашым мен овахит сана селам кютюррюм кенди чипчелеринден хардашым о вахитѳ хардаш хардашы танырых.

Примѳчаніе. У мѳстныхъ поселенъ въ большомъ употребленіи сравненіе потери родственниковъ съ отсѳченіемъ крыла птицы, поэтому часто попадають выраженія: „ты отсѳкъ, сломалъ крыло“. Затѳмъ, сынъ какъ бы подпираетъ отца, и потому объ отцѳ, ливившемся сына, говорятъ, что „онъ падаетъ“, „согнулъ спину“, „сломалъ шею“.

и сорокъ ночей стану носить трауръ. Какъ ужъ я вытерплю, какъ перенесу теперь, дочь моя? Пойду я въ лѳса и скалы, одинокая, бѳдная женщина, пойду за тобою, дитя мое, стану искать тебя. Ты выйдѳшь навстрѳчу и покажѳшь мнѳ дорогу того міра, дочь моя!

Охъ, братецъ мой, ты не старъ. Затѳмъ пришлѳ эти несчастія на твою голову? Не какъ путешествующимъ дорогѳ: — это не твоя дорога, — это несчастье твое. У тебя осталось много дѳтей, почернѳло имущество твое, черныи дымъ вышелъ изъ (неразобр. слово), братъ мой! Одна старая мать осталась, изъ уваженія къ ней ты жилъ бы; если не матери, то женѳ бы ты уважилъ. Въ чужой, далекой сторонѳ была сестра твоя, и та не видѳла смерти твоей. Сколько ужъ лѳтъ я ожидала, и къ тебѳ своими ногами не дойду, и у меня есть два цыплѳнка (дѳти). Когда отъ Бога придетъ мнѳ смерть, и я не посмотрю на ихъ (дѳтей) просьбу. Тогда я понесу тебѳ покловъ (извѳстіе) отъ твоихъ дѳтей. Тогда братъ брата узнаетъ, братъ мой!

Сообщилъ А. Н. Малинка.

О НАРОДНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ВРАЧЕВАНІЯ.

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОВѢРЬЯМИ.

Если изученіе народныхъ обычаевъ важно въ научномъ отношеніи, то болѣе важно изученіе народныхъ средствъ врачеванія еще въ практическомъ отношеніи. Первое, представляя собою интересъ болѣе для людей ученыхъ, удовлетворяетъ потребностямъ только любознательности, а второе, кромѣ того, ознакомляетъ съ неизвѣстными еще медицинѣ домашними средствами врачеванія, большая часть которыхъ иногда, по испытаніи, оказывается вѣрнѣйшими и простѣйшими средствами противъ той или другой болѣзни, и такимъ образомъ средства эти вносятъ собою цѣнный вкладъ во врачебную науку.

Хотя практической умъ простолюдина и не любитъ пускаться въ различныя отрасли науки, ненужныя совершенно, по мнѣнію его, для простолюдина, но въ то же время иной въ трудныхъ случаяхъ жизни старается изыскивать сподручныя ему средства, безъ которыхъ ему или очень трудно, или совершенно нельзя обойтись, и при этомъ онъ случайно наталкивается на такія вещи, которыя насколько бы ни были онѣ паразитичны по своей простотѣ, настолько же оказываются вѣрными и цѣлесообразными средствами, которыхъ онъ ищетъ, и они получаютъ уже въ короткое время общую извѣстность, дѣлаясь въ то же время достояніемъ народа.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить о домашнихъ средствахъ врачеванія, употребляемыхъ народомъ въ Вятской губерніи, и самая статья наша будетъ представлять собою матеріалъ, собранный въ восточной ея окраинѣ, во время лѣтнихъ экскурсій, совершенныхъ съ этнографическою цѣлью. Хотя авторъ при сбораніи изложенныхъ здѣсь свѣдѣній и ограничивался небольшимъ райономъ, но собранный имъ матеріалъ, даетъ уже удовлетворительное понятіе о народной медицинѣ вообще и въ особенности о томъ, какое возрѣніе имѣетъ народъ на растенія и какъ пользуется ими. Конечно, статья наша составляетъ только ничтожную часть того, что могла бы дать цѣлая Вятская губернія, если бы собирать свѣдѣнія по этому предмету путемъ разспросовъ жителей на частныхъ бесѣдахъ, не торопясь. Если бы, повторяемъ, собирать матеріалы по народной медицинѣ во всей губерніи, то, несомнѣнно, со-

ставился бы не одинъ томъ своеобразныхъ народныхъ рецептовъ, изъ коихъ извѣстна врачебной наукѣ только малая доля, между тѣмъ большая часть ихъ—средства испытанныя; въ этомъ насъ должно убѣдить и то, что въ одной извѣстной намъ деревнѣ изъ 50 больныхъ обращались къ земскимъ врачамъ и фельдшерамъ только около 10 человекъ, остальные же вылѣчились домашними средствами. Изъ этого ясно, что народъ знаетъ лѣкарственные растенія и другія средства врачеванія и умѣетъ пользоваться ими, особенно тамъ, гдѣ дальнее разстояніе не позволяетъ обращаться за лѣкарствами въ аптеки. Бываютъ, конечно, случаи, что иной пользуется извѣстными растеніями неправильно, а иной вмѣсто лѣкарственной травы, описанной ему въ короткихъ словахъ знахаремъ нетолково, принимаетъ ядовитую, послѣдствіемъ чего бываетъ не только вредъ для здоровья, но даже смерть.

Сколько ни лѣчится народъ извѣстными травами или симпатическими средствами, сколько ни знаетъ лѣкарственныхъ растеній, но почему-то считаетъ нужнымъ все это скрывать. Вотъ поэтому и трудно добывать матеріалы о домашнихъ средствахъ лѣченія народа, хотя это, повидимому, и не стоило бы назвать трудомъ. Но какъ бы то ни было, а посвятившій себя дѣлу изученія народа все таки находитъ средство или возможность добыть нужныя ему свѣдѣнія, хотя бы это стоило ему и имени порядочнаго человека. Говоримъ—имени „порядочнаго“ человека потому, что собирателя подобныхъ матеріаловъ необходимость заставляетъ иногда посѣщать трущобныя мѣста, сталкиваться съ такъ называемыми „непорядочными“ людьми и вести съ ними бесѣду, а подчасъ принять и участіе въ собутыльничествѣ съ ними, и „порядочный“ человекъ, видя собирателя матеріаловъ въ несоответствующемъ его званію мѣстѣ, въ обществѣ „непорядочныхъ“, клеймитъ его нерѣдко именемъ безнравственнаго кутилы. Но что же дѣлать! Безъ худа, скажемъ мы, нѣтъ добра, равно какъ нѣтъ и худа безъ добра.

Лѣченіе домашними средствами совершается преимущественно съ помощью травъ, нарваныхъ между началомъ восхода ихъ и 24 іюня, т. е. Ивановымъ днемъ, послѣ котораго трава, по народному мнѣнію, лишается дѣлительной силы, а лучшимъ временемъ для сбора лѣкарственныхъ растеній (исключая нѣкоторыхъ изъ нихъ) считается мѣсяцъ *май*. По укоренившемуся въ народѣ повѣрью, ночь на Ивана-Купалу въ отношеніи всѣхъ вообще растеній является ночью таинственной: въ эту ночь, по словамъ суевѣрныхъ, растенія *говорятъ* между собою, какъ человекоподобныя существа, и цвѣтутъ въ продолженіе трехъ минутъ, давая по три цвѣтка, таинственныя травы: *спрыкъ* ¹⁾, *папоротникъ* и проч., и цвѣты этихъ травъ беретъ нечистая сила, чтобы быть

¹⁾ Разрывъ—трава.

для человѣка невидимой. Объ этой ночи въ народѣ сложились цѣлыя фабулы интересныхъ сказаній, изъ коихъ одно, признаваемое народомъ основаннымъ на дѣйствительномъ фактѣ, приводимъ здѣсь въ сокращенномъ, по возможности, видѣ.

По рассказамъ извѣстнаго намъ мельника Андрея Чиркова, жена Федора Васильева, однажды, при наступленіи Ивановской ночи, сидѣла подъ березой во 100 саженьяхъ отъ людскихъ жилищъ съ двумя малолѣтними сыновьями, изъ коихъ одинъ былъ еще грудной. Ночь наступала тихая, вполне могущая назваться таинственной,—такая ночь, какая можетъ выпасть только на долю Ивана-Купалы. Долго ли сидѣла женщина подъ березой, рассказъ умалчиваетъ, только говоритъ, что во время созерцанія женщиной окружающаго ее, когда тѣнь чарующей ночи сгущалась съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе, услышала она вдругъ человѣчскій голосъ, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла „пойдемъ бабушку хоронить: она умерла“.—„Нельзя мнѣ итти: у меня на колѣняхъ сидитъ рабъ“,—отвѣчаетъ береза таинственному голосу. Это,—заключила женщина,—былъ разговоръ двухъ березъ: приходила къ пожилой березѣ молодая звѣтъ на похороны старой, которая, вѣроятно отъ времени, упала, но березѣ, подъ которой сидѣла женщина, итти быдо нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ.

Считая ночь на Ивановъ день ночью таинственной, временемъ самымъ удобнымъ для добытія таинственныхъ травъ, въ эту ночь запасаются волшебными и другими необыкновенными травами колдуны и знахари, и нарванныя травы держатъ или въ трубѣ, какъ и черную книгу, или подъ печкой, или же подъ порогомъ и въ прочихъ укромныхъ мѣстахъ, въ которыхъ только и можно хранить ихъ.

Собираниемъ лѣкарственныхъ травъ занимаются преимущественно знахари и знахарки, особенно послѣднія, и самыя травы рвутъ съ различными словами или заговорами, какъ на примѣръ: „рву я рабъ (имя рекъ) или раба отъ травки цвѣточки, отъ земли коренья; на что они полезны, на то ихъ и рву“.

По мнѣнію знахарей и знахарокъ, каждая ничтожная травка имѣеть чудесную силу врачевства, но не каждая травка, полезная для мужчины, въ то же время полезна для женщины; въ медицинскомъ отношеніи травку отъ травки слѣдуетъ различать такъ, какъ различаются человѣкъ отъ человѣка, именно: для женатаго мужчины и замужней женщины существуютъ особыя травы, такъ равно и для холостого и дѣвицы травы особыя. Кто не можетъ въ этомъ отношеніи различать травку отъ травки, тотъ не долженъ предлагать большому и составленнаго лѣкарства, хотя извѣстная трава и считается лѣкарственной во многихъ болѣзняхъ. Одну траву, говорятъ, нельзя сорвать голой рукой, къ другой нельзя прикоснуться простой рукой, а иную нельзя

сорвать никому, кромѣ самого больного, и проч. Больной, принямая лѣкарство, долженъ поститься и, если будетъ чувствовать облегченіе, не долженъ объ этомъ говорить никому, въ противномъ случаѣ пользы-де отъ лѣченія не будетъ. По разсказу, услышанному нами отъ знакомаго, въ одной изъ деревень Воткинскаго округа былъ такой поразительный случай. Молодой человѣкъ, получившій чахотку, былъ уже недалекъ отъ смерти. Онъ до того исхудалъ, что остались на немъ кости да кожа. Дотянуль онъ кое-какъ до лѣта и вышелъ однажды подъ вечеръ за деревню съ палкой въ рукѣ, какъ дряхлый старикъ, и побрелъ по дорогѣ, надѣясь, можетъ быть, получить облегченіе. Отшедши отъ деревни примѣрно на 50 саж., онъ встрѣтился случайно съ мужикомъ изъ сосѣдней деревни. „Ты, я вижу, очень хвораетъ?“ обратился къ больному встрѣтившійся мужикъ, — „Развѣ не видишь? зачѣмъ спрашиваешь?“ отвѣчаетъ больной съ грубостью (чахоточные вообще раздражительны). — „Не горячись“, продолжалъ мужикъ: „можетъ быть я помогу тебѣ“. — „Поможешь ты! Лечилъ докторъ, и онъ не помогъ, ты ли поможешь?“ — „Какъ знаешь? можетъ быть и помогу, иди-ка за мной“. Больной однако не соглашался итти, но убѣдительная просьба сосеѣдника наконецъ заставила его согласиться. Сошелъ мужикъ съ дороги и повелъ больного въ болотистое мѣсто. Остановился онъ тамъ у одной травки вышиной около двухъ четвертей и говоритъ больному: „сорви эту травку и съѣшь“. Больной проситъ мужика, чтобы травку сорвалъ онъ самъ и далъ ему, но мужикъ не срываетъ, говоря, что сорвать травку долженъ самъ больной. Сорвалъ больной травку, и говоритъ ему мужикъ: „иди домой и ѣшь эту травку, да смотри, въ теченіе трехъ сутокъ ничего кромѣ этой травы не ѣшь. Если тебя одолѣетъ сонъ—спи, а не съѣшь вдругъ всю травку—ѣшь потомъ, да если будешь чувствовать облегченіе, никому объ этомъ не говори“.

Поблагодарилъ больной мужика и побрелъ домой. Пришедши домой, съѣлъ онъ кое-какъ половину травки и задремалъ; легъ на кровать и уснулъ. Проспалъ онъ почти до утра и сталъ чувствовать облегченіе. Съѣлъ остальную часть и опять уснулъ. На другой день сходилъ за травкой самъ и опять съѣлъ ее. Такъ провелъ онъ три дня, не касаясь, кромѣ травы, никакой пищи и никому про свое лѣченіе не говоря. Черезъ три дня у него появился аппетитъ, какъ у совершенно здороваго человѣка, и онъ, поѣвши, опять уснулъ. Сходилъ за травой еще и съѣлъ всю принесенную. Наконецъ онъ выздоровѣлъ совершенно.

Приписывая травамъ чудесную силу врачевства, говорятъ, что красивыя травы съ цвѣтами созданы для красоты, чтобы ими перстрѣли поля и луга, а простыя назначены на кормъ скоту и для врачеванія больныхъ. Вообще, говоря о растеніяхъ, должно сказать, что народъ въ растительномъ царствѣ видитъ сходство съ

царствомъ животныхъ, гдѣ каждое отдѣльно взятое по родамъ существо имѣетъ свое назначеніе.

Травы раздѣляются на а) *магическія*, б) *амулеты*, в) *лѣкарственные*, г) *ядовитыя*, д) *возбуждающія похоть*, е) *привораживающія*, и проч.

Изъ магическихъ особенно замѣчательны:

Спрыкъ. Траву эту узнаютъ только самые искусные знахари, и то счастливые, по покрывшимъ ее блесткамъ на утренней зарѣ до восхода солнца и по другимъ признакамъ. Говорятъ, что если эта трава во время сѣнокоса случайно попадетъ подъ косу, коса непременно разлетится на нѣсколько частей или покрайней мѣрѣ переломится пополамъ. Трава спрыкъ имѣетъ ту силу, что отъ одного прикосновенія ея къ замкамъ и желѣзнымъ запорамъ таковыя разрываются, отчего, вѣроятно, и получила она въ другихъ мѣстахъ названіе разрывъ-травы. Найти эту траву можно слѣдующимъ образомъ. Когда коса безъ всякой причины на ровномъ мѣстѣ разлетится или, звякнувши, переломится, тогда всю подкошенную траву надо собрать и бросить въ рѣку. Изъ кучи травы мгновенно выдѣлится спрыкъ и поплыветъ вверхъ по теченію рѣки, тогда какъ обыкновенная трава будетъ плыть внизъ по теченію рѣки. Можно ее найти еще такъ. Нужно искать гнѣздо дятла въ дуплѣ; если найдешь, заткни лазейку дятла или отверстіе въ дуплѣ желѣзнымъ прутомъ или чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ, и затѣмъ надо постлать подъ дупло, къ корню дерева, чистую скатерть (само собой разумѣется, все это нужно дѣлать въ то время, когда дятель не будетъ въ дуплѣ, гдѣ гнѣздо его). Дятлу, прилетѣвшему къ гнѣзду, нельзя будетъ пролѣзть въ дупло; тогда онъ улетитъ искать траву спрыкъ; найдеть ее и принесетъ во рту. Коснется желѣза травой, и оно (желѣзо) упадетъ на землю, и дятель траву выпуститъ изо рта, и она упадетъ на скатерть. Трава спрыкъ лишится силы, если бросишь ее въ отхожее мѣсто. Цвѣты этой травы, какъ мы замѣтили уже выше, имѣютъ еще силу дѣлать человека невидимымъ, подобно духу.

Папоротникъ. Цвѣтамъ, означенной травы приписывается почти такая же сила, какая приписывается цвѣтамъ предыдущей травы. Чтобы добыть цвѣты названной травы, нужно итти въ ночь на Ивановъ день въ самое глухое мѣсто, въ лѣсъ, чтобы до этого мѣста не доходилъ звукъ пѣнія пѣтуховъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ растетъ папоротникъ, нужно обвести вокругъ себя черту взятымъ съ собой желѣзнымъ орудіемъ, на примѣръ, ножомъ, топоромъ, заключающимъ въ себѣ укладъ, и постлать на землю, подъ листья папоротника, чистую скатерть; затѣмъ самому нужно лечь на спину и въ такомъ положеніи смотрѣть въ небо и считать звѣзды. Около полуночи къ чертѣ будутъ подходить въ образѣ разныхъ животныхъ бѣсы и угрожать смертію, чтобы лежащій вышелъ изъ кружка и лишился цвѣтовъ папоротника; но лежащій не долженъ

даже и шевелиться, а только считать звѣзды. Въ самую полночь папоротникъ расцвѣтетъ и уронитъ на скатерть три серебряныхъ цвѣтка (по словамъ нѣкоторыхъ, одинъ цвѣтокъ). Тутъ лежащій будетъ испытывать неслыханныя, страшныя видѣнія и голоса нечистой силы, но онъ долженъ терпѣть и не предаваться страху; страшиться же ему не для чего: нечистая сила не перейдетъ за черту, а при первомъ пѣніи пѣтуховъ она вся исчезнетъ, и, слѣдовательно, цвѣты добыты

Араратъ. Травя эта, кромѣ магической силы, служитъ еще, такъ сказать, ключемъ къ отысканію чудесныхъ травъ. Она, по словамъ одного рассказчика, имѣетъ вышину 12 верш. и толщиною съ палецъ; цвѣты на ней голубые и желтые, подлѣ самыхъ листочковъ; корень ея какъ рѣдка. Можно добыть ее только въ Ивановъ день, между заутреней и обѣдней, слѣдующимъ образомъ. Увидѣвши ее, вырѣжи ножомъ противъ солнца кружокъ земли, въ которомъ заключается ея корень. Если поднимешь траву съ кружкомъ земли—бери, если же сорвешь траву—не бери: пользы отъ нея не будетъ. Траву находятъ тамъ, гдѣ сошлась Москва съ Окой.

Амулетами считаются слѣдующія травы и ихъ корни:

а) *Христовъ посохъ.* О травѣ этой мы слышали такое сказаніе. Когда произошла война между небесными силами и злыми духами съ Акеломъ ¹⁾ во главѣ, злые духи взяли въ адъ и пчелъ, гдѣ онѣ и находились до сошествія Спасителя въ адъ. Спаситель, выдернувши траву Христовъ посохъ (*Tritillaria imperialis*), сошелъ съ ней въ адъ, посадилъ въ лукообразный корень этого растенія пчелиную матку и вывелъ ее изъ ада съ пчелами вмѣстѣ съ праведными духами и отдалъ матку съ пчелами людямъ.

б) *Петровъ крестъ* (*Lathraea squamaria*). Народное сказаніе объ этой травѣ повѣствуетъ, что св. апостолъ Петръ, занимаясь рыбацествомъ, привязывалъ траву къ сѣтямъ и ловилъ рыбы много, поэтому привязываютъ ее нѣкоторые рыбаки къ сѣтямъ.

в) *Плахунъ* (*Lythrum Salicaria Epilobium*). Чтобы ознакомить со сказаніемъ объ этой травѣ, мы приведемъ здѣсь извѣстный намъ вариантъ пѣсни о Голубиной книгѣ, въ которой между прочимъ воспѣвается эта трава.

Среди свѣту бѣлаго, міру хри-	Кому честь—не прочесть ее,
стіанского,	Кому держать—не сдержатъ ее.
Что во градъ было во Кіевѣ,	Бы той книгѣ Голубиной
Выпадала книга Голубиная	Собиралися съзжались
Ни малая ни великая—	Сорокъ царей со царицами,
Въ длину сорокъ локоть,	Сорокъ князей со князичами,
Поперечины двадцать локоть.	Сорокъ пѣповъ со діакономъ.

¹⁾ Князь тьмы, начальникъ демоновъ.

Какъ сговорить Володимиръ царь:
„Ты скажи намъ, Давидъ Евсее-
вичъ,

Ты скажи намъ, премудрый царь,
Скажи ты намъ, отчего свѣтъ
зачался?

Скажи ты намъ, отчего солнце
красное?

Скажи ты намъ, отчего свѣтель
мѣсяць?

Скажи ты намъ отчего часты
звѣзды?“

Имъ отверзелъ премудрый царь:

„Я расскажу по памяти, какъ по
грамотѣ.

Бѣлый свѣтъ зачался отъ Свята
Духа,

Солнце красное отъ лица Божія,
Свѣтель мѣсяць отъ груди Божіи,
Часты звѣзды то—отъ ризъ Божіи.“

Какъ сговорить Володимиръ царь:
„Гой еси, премудрый царь Давидъ
Евсеевичъ!

Скажи ты намъ, отчего цари
пошли?

Скажи ты намъ, отчего короліи
пошли?

Скажи ты намъ, отчего князья по-
шли?

Скажи, отчего бояре пошли?

Скажи, отчего попы пошли?

Скажи, отчего христіане?

Скажи, отчего тати пошли?

Скажи, отчего разбойники?
Скажи, отчего нищета пошла?“

Что отверзелъ имъ премудрый
царь:
„Еще расскажу по памяти, какъ
по грамотѣ.

Цари пошли отъ солнышка,
Бороли пошли отъ мѣсяца,

Князья пошли отъ утренней,
Бояре отъ вечерней зари;

Попы пошли отъ четьи Божіи,
Христіане—отъ частыхъ звѣздъ,
Тати пошли отъ туга лука,

Разбойники—отъ темной ночи,
Нищета пошла отъ самого Христа“.

Какъ сговорить Володимиръ царь:
„Гой еси, премудрый царь Давидъ
Евсеевичъ!

Скажи ты намъ, какой царь всѣмъ
царямъ отецъ?

Скажи ты намъ, какой градъ всѣмъ
градамъ отецъ?

Скажи ты, кое море всѣмъ морямъ
отець?

Скажи ты, кая рѣка всѣмъ рѣкамъ
отець?

Скажи ты, кая гора всѣмъ горамъ
отець?

Скажи ты, кой звѣрь всѣмъ звѣ-
рямъ отецъ?

Скажи ты, кая рыба всѣмъ рыбамъ
отець?

Кая птица всѣмъ птицамъ отецъ?
Кая трава всѣмъ травамъ отецъ?“

Что отверзелъ имъ премудрый
царь:

„Я расскажу по памяти, какъ по
грамотѣ.

Нашъ Бѣлый Царь всѣмъ царямъ
отець:

У него вѣра крещеная, правосла-
вая, богомольная;

Оттого нашъ царь всѣмъ царямъ
отець.

Русалимъ-градъ всѣмъ градамъ отецъ:
Стоитъ онъ средь свѣту бѣлого,

Что не пупъ земли-то въ Руса-
лимѣ градъ;

Оттого Русалимъ-градъ всѣмъ гра-
дамъ отецъ.

Біанъ-море всѣмъ морямъ отецъ:
Изъ него вышла церковь Касан-
дрійская,

А за нею папы Римскаго;
Оттого кіанъ-море всѣмъ морямъ
отець.

Врданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ отецъ:
На ней крестился Самъ Исусъ
Христосъ

Со Ангелы и Архангелы, Со двѣнадцатью Апостолами; Оттого Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ отець.	Строфиль-птица всѣмъ птицамъ отець: Живеть онъ въ синемъ морѣ, Дѣтей водить подь камнемъ онъ.
Ѳагоръ-гора всѣмъ горами отецъ: На ней преобразился Самъ Исусъ Христось;	Богда Строфиль вострепхнется, Тогда море поколыхнется, Тогда зальетъ весь невѣрный міръ; Оттого Строфиль-птица всѣмъ пти- цамъ отецъ.
Оттого Ѳагоръ-гора всѣмъ горами отець.	<i>Плакунъ</i> - трава всѣмъ травамъ отець:
Бипарисъ - древо всѣмъ древамъ отець:	Богда Христось на распятіи былъ, Тогда Дѣва, Мать Пречистая, Она плакала, сильно рыдала, На сыру-землю слезы роняла, Отъ той слезы отъ Пречистенской Выростала-то Плакунъ-трава; Оттого Плакунъ-трава всѣмъ тра- вамъ отецъ.
На немъ распялся Самъ Исусъ Христось	Кривда правду одолѣтъ хоча, Кривда пошла по свѣту, Правда пошла на небо. Старымъ людямъ на покоенье, Младымъ людямъ на наученье. И славенъ Богъ, и прославенъ Богъ, Велико Имя въ дѣлахъ Его.
Промежду двухъ разбойниковъ; Оттого кипарисъ-древу всѣмъ дре- вамъ отецъ.	
Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ: Живеть онъ подь старымъ дубомъ, Питається онъ Святымъ Духомъ; Оттого Ендарь-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отець.	
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ отецъ: На немъ лежитъ вся сыра земля Свята русская православная; Потому китъ-рыба всѣмъ рыбамъ отець.	

Къ амулетамъ причисляются еще травы: *одоленъ, царевы очи, сивулистъ...*

Привораживающими травами служатъ *хоровалецъ, тырецъ*. Объ нихъ рѣчь ниже слѣдуетъ.

Нѣкоторые изъ знахарей, занимающихся собираніемъ травъ, имѣютъ и описанія травъ или травники и даже самыя травы въ засушенномъ видѣ, въ родѣ гербарія; при такихъ описаніяхъ есть и таинственные знаки, извѣстные только имъ. Описанія такія переходятъ отъ знахарей къ ихъ дѣтямъ отъ дѣтей ко внукамъ и т. д. по нисходящей линіи, какъ наслѣдство, и ими нѣкоторые потомки дорожатъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ образованныхъ семействахъ дорожатъ фамильными цѣнностями.

Однажды, перебирая у одного грамотѣя различныя книжки лубочного изданія, хранящіяся въ ящикѣ, увидѣлъ я, между прочимъ, остатки старинной рукописи съ пострадавшими отъ времени листами, у которыхъ края и углы оказались очень обтрепанными, вслѣдствіе чего, естественно, и слова могли сохраниться не всѣ. Тетрадь эта, несомнѣнно, есть отрывокъ отъ объемистой рукописи, заключавшей въ себѣ описанія различныхъ

травъ. Я выпросилъ на время эту тетрадку и привожу здѣсь ея содержаніе, прибавляя отъ себя только необходимыя знаки препинанія, которыхъ въ рукописи нѣтъ. Неразобравныя слова въ рукописи означены нами точками.

Трава есть *Гонецъ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ, что ланы листы на ней крещатые, собою въ локоть; ягоды на ней черныя, вишневыя на верху; корень чернъ. Та трава—отъ грыжи нутренныя и отъ поръзу. Давать пить въ молокѣ или въ винѣ.

Трава есть *Золотуха*. Растетъ на борахъ, раменскихъ мѣстахъ, при осинникахъ, кустиками въ пядь; на одномъ корени живетъ вол..... сама будто зл..... перевата (?); цвѣтъ бы..... Добра та трава отъ порчи. Давать въ меду. Въ которомъ человекъ одна (?)¹⁾, то заправить ею и помочь, и отъ волосатика и отъ ныря.

Трава есть *Насоръ*. Растетъ на раменскихъ мѣстахъ и земляхъ, при орѣшникахъ, ростомъ въ локоть; цвѣтъ красенъ, листочки стрѣлки, зеленѣется; на верху стручки, а въ стручкахъ сѣмячко, а корень бѣлъ. Добра та трава отъ сонныя грезы и отъ всякія скорби нутренныя; сѣмячко добро: у кого бѣльмо на глазу, стираетъ съ медомъ.

Трава есть *Одолень*²⁾. Растетъ она въ стрѣлу и выше; вѣтъ красенъ или желтъ, а корень, что бумага хлопчатая, и та трава вельми добра, а корень—отъ порчи; давать корень въ укусѣ утопивши... Поможетъ; да и къ конскому сидѣнью добра, а надо держать при себѣ или коню въ гриву вязать, а цвѣтъ ея носить съ воскомъ въ чистотѣ и будетъ человекъ вездѣ въ чести у всякой власти и одолѣетъ враговъ; потому и зовутъ ее Одолень; а рвать не просто, приговаривать въ сѣвѣ серебро или злато.

Трава есть *Хоровлецъ*. Растетъ на боровыхъ мѣстахъ, собою съ ножъ; цвѣтъ на ней бѣлъ, а корень красенъ, и та трава вельми добра давати женамъ: душа горитъ, и ту траву вельми угодно..... мѣ.

М Цѣ У М.

Трава есть *Пузлецъ* именемъ. Растетъ на старыхъ мѣстахъ по мѣжамъ, при пашняхъ; цвѣтъ на ней бѣлъ, собою бѣла же. Угодна она давати въ молокѣ маковомъ съ медомъ—и помочь; утерши присыпать сѣченымъ и колотымъ людямъ: вельми добра; или загноится рана, сложити съ папушникомъ, сотри съ масломъ, то скоро заживетъ; а присыпешъ многожды, не застуживать, но въ теплѣ держать... Поможетъ.

Трава есть *Ерща*. Растетъ при каменномъ (мѣстѣ) у воды, сама синя, а цвѣтъ на ней что ма..... твердой и жестка. Давать ту траву пить съ виномъ. Тотъ человекъ добръ будетъ и легокъ, и сидѣлецъ къ конскому сидѣнью, и къ бою, и при томъ и тѣломъ легокъ, и того синѣе ни которая не родится.

¹⁾ Вѣроятно *дма*—болѣзнь, известная по стариннымъ лечебникамъ, но не вполне опредѣленная (болѣзнь матки, „золотника“?). *Ред.*

²⁾ Вѣроятно *Euphorbia pilosa* или *Nymphaea alba*. *Лет.*

Трава есть *Поибельна* слыветь. Растеть на бору, цвѣтъ лазоревъ, а расетъ она на мартѣ мѣсяцѣ и отцвѣтаеть. Та трава отъ дѣтей: захощеши дѣтей, то дай тоежь травы на другой годъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 5 день тоежь травы, а не иной, и дѣти будутъ опять.

Трава есть именуется *Царь* ¹⁾..... Растеть въ илу, красна собою, листочки красны, и цвѣтъ красенъ, на верху дыхленко (?) мало, и та трава вельми добра—держати въ дому: и житю, и скоту и человекѣку вельми полезна; на судѣ придеши—собою побѣдиши врага, кривыхъ судей, не осудятъ тебя; въ пирь или на какое дѣло иди—возьми съ собою: добро тебѣ будетъ; да ею же окуривать. Которому человекѣку иди въ пирь, возьми съ собою, и отъ всякаго человекѣка честь узриши; а кто захощеть жениться, держи при себѣ, то ласково жить будешь, и которому человекѣку ѣздитъ, держи при себѣ, и кто захощеть въ славѣ быти отъ вельможъ и вездѣ честенъ, держи при себѣ; а расетъ на болотахъ, гдѣ влюква родится.

Трава есть *Бакланъ*. Растеть при рѣкахъ и въ озерахъ, а цвѣтъ на ней желтъ, собою высокъ, сколько вода велика, листь кругомъ, а корень великъ, бѣлъ. Добра та трава давать конямъ и коровамъ ясти; который человекѣкъ трупомъ (?) и забываетъ, то пить и хлебать, и паритья ею и травою обладывать, потъ вельми поидеть, и скорбь изъ человекѣка всю выгонитъ.

Трава есть *Самотока*, вельми добра. Растеть на старыхъ мѣстахъ, ростомъ въ пядь, цвѣтъ на ней синь, что шапка, вельми добра..... и та трава пить въ молоко, въ уксусъ, у котораго человекѣка чемеръ... Помилуетъ, а пить на исходѣ; или сердце щепегитъ, или грудь ломитъ, то пить въ уксусъ, то поможетъ Богъ.

Трава есть *Медвѣжье ухо* ²⁾. Растеть на добрыхъ земляхъ, на старыхъ путяхъ, по огородамъ, раменскимъ мѣстамъ; растеть въ стрѣлу и выше, листомъ мохната, цвѣтъ желтъ. Вельми добра та трава конямъ: вовсе не будетъ ячеръ.

Трава есть *Багуль*. Растеть на борахъ и по болотамъ, кустиками; вся зелена, а цвѣтъ на ней желтъ, и та трава добра отъ таракановъ, топи избу съ цвѣтомъ калиновымъ, да съ корою черемуховою и въ той избѣ таракановъ не будетъ, а топить двои сутки, и они все подохнутъ и не будетъ той гадины, а станешь топить, въ ту пору въ избу не ходи и никого не пускай, покажеть тотъ не выйдетъ духъ; если кто подойдетъ—умреть, а класть огонь въ подполье подъ печь.

Трава есть *Перемька* именовъ. Растеть по изгородамъ и по старымъ сильнымъ землямъ; растеть что елочка, листочки что азычки, долгоньки, маленьки, гладеньки; цвѣтъ на ней желтъ съ пятнышками. Добра та трава парить, очи у кого прѣютъ или слезы текутъ, или которая рана долго не заживаетъ, сотри съ папушникомъ и приложи съ масломъ или съ мукою оржаню. Поможетъ Богъ въ томъ же мѣсяцѣ.

¹⁾ Не *Aconitum Lycoctonum* ли?

²⁾ *Медвѣжье ухо*—*Verbascum Thapsus*.

Трава есть *Полевая ямль*. Растетъ по огородамъ, по сухимъ мѣстамъ, собою въ локоть или въ стрѣлу, на верху кисточка бѣловата, духъ мятвенъ, а корень что перецъ, и та трава давать пить, у которыя жены груди болятъ или зубы, и тотъ корень въ зубахъ держать.

Трава есть *Смыкъ*. Растетъ бѣла, а иная желта, что пестики или что свѣщатой воскъ, ростомъ таковая же, а пригодна она къ тому, который человекъ не слышитъ; утерши въ винѣ, въ ухо пустить, то станетъ слышать; да она же жельямъ (?) ¹⁾ добра парить и хлебать. Поможетъ Богъ.

Трава есть *Юнецъ*. Растетъ при рѣкахъ и болотахъ, на старыхъ мѣстахъ раменскихъ и на старыхъ о....., ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, корень красенъ. Добра она, у котораго человекъ волосъ растеть, пускай тотъ корень съ солью и поможетъ. У котораго человекъ волосатикъ или нырокъ, хлебай и прикладывай къ ранѣ съ овечьимъ саломъ. Поможетъ.

Трава есть *Пырецъ*. Растетъ при водѣ, цвѣтъ синь, а сама мягка, корень бѣлъ, и та трава добра держати и въ гнѣздо утичье или гусиное, или свиное или овечье (положить), то поведетъ скотъ, а всего лучше держать рыболовамъ ту траву при себѣ, то побѣдитъ рыбы много; та же трава вельми добра, у котораго человекъ ²⁾; хлебай и поможетъ.

Есть трава *Ерохо*. Растетъ малинъе, свѣтлинъека или желта, что булавочка, съ хохолкомъ, цвѣтъ на ней а сама въ иглы; гдѣ она, тутъ много (е?) съищешь кустиками. Добра та трава хлебать съ квасомъ. Поможетъ Богъ. Добро держать мельникамъ въ мельницѣ. *М П С.*

Трава есть *Синій воронъ*. Растетъ въ локоть подлѣ лѣсовъ, гладка; цвѣтъ желтъ, и та трава угодна въ грыжѣ, которое мѣсто грызеть..... что орѣшикъ жестенекъ; угодна имать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и тонить въ молокѣ, или съ медомъ съ перцемъ давать пить, у котораго урчить и болить во чревѣ, или въ коемъ человекѣ порча или переполохъ ходитъ или пуцъ грызеть. Поможетъ Богъ, а запасать въ годъ.

Трава есть *Ефимъ*, и та трава въ человекъ, вся желта, и цвѣтъ желтъ, а растеть на низкихъ поляхъ, дикихъ лѣсахъ; она что волокно тянется, и та трава вельми угодна давать, который человекъ или не растеть, или горбать, или горбъ растеть; давать пить съ травкою Плакуномъ по 9 въ три мѣца станетъ говорить, да она же добра отъ пожогу; парся и хлебай. Поможетъ Богъ, только если не смертна.

Трава есть *Любистъ* ³⁾. Растетъ при валеникахъ и при красныхъ разныхъ травахъ, при старыхъ при великихъ рѣкахъ или при раменскихъ мѣстахъ, собою ростомъ въ локоть; цвѣты рудо-желты или посреди цвѣту кисточка, вышелъ корень что лодыжка барановая. Добръ тотъ корень носить при себѣ: люди любятъ, покоряются предъ тобою и

¹⁾ Не желвакъ ли? *Аст.* Вѣроятно железа. *Ред.*

²⁾ Нескромное выраженіе. *Аст.*

³⁾ Должно полагать *Levisticum ligusticum.* *Аст.*

зла на тебя не мыслить; а цвѣтъ ея добръ умываться работою; снимаютъ тѣмъ... Поможетъ.

Трава есть *Скорпія*. Растетъ пестро, и листь пестръ и корень пестръ, подлѣ муравейниковъ или на шмеляхъ старыхъ. Добра та трава, у кого руки или ноги судорога держать; возьми да парся; да она же добра, кто змію или уша найдетъ; кинь на то мѣсто и онъ отнюдь прочь не отойдетъ, хоть умереть.... будто сонная, а не ужалить, хошь за пазуху положи.

Трава есть *Кона*. Растетъ малинька, кисточки на верху, налиистой (?) корень, что дуга, наконецъ крючикъ, и та трава велики добра держати торговымъ людямъ; ино станеть что торговать, положи въ правую пазуху, то возьмешь на свою цѣну; что захочешь продать, положи въ лѣвую пазуху въ лавку.....

Есть трава *Сивулисть*; листьемъ мала, по землѣ стелется, а цвѣту нѣтъ. Добра та трава отъ пакостей вѣдьмъ. Кто носитъ при себѣ, мужъ и жена другъ друга любить, а корень ея носить женамъ: безъ болѣзни дитя мечеть.

Трава есть *Кумъ* (Бумъ-трава); стебліе тонко, цвѣтъ огонь. Пригожа та трава въ недузѣхъ, а кто носитъ при себѣ на шеѣ, зазнобы, омороци, лихихъ колдуновъ избавится, а копать надо при зарѣ утренней, чтобы роса была.

Какъ видно, въ числѣ описанныхъ травъ заключаются и цѣлительныя, и амулеты и проч. О такихъ растеніяхъ слыхаль всякій деревенскій житель, но умѣютъ распознавать ихъ очень немногіе. Кто знаетъ ихъ, не знакомитъ съ ними даромъ, исключая тѣхъ, которые сами по себѣ считаются нечудесными, и такимъ образомъ травы эти остаются въ области таинственныхъ. Употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ связано тѣсно съ заговорами или таинственными словами, которыя извѣстны только самимъ знахарямъ, умѣющимъ различать травы, на это указываютъ и буквы въ родѣ помѣщенныхъ подъ описаніями травъ Хоровлецъ и Ерохо, значеніе которыхъ ясно только самимъ знахарямъ и грамотѣямъ, описывающимъ травы. Что же касается обыкновенныхъ лѣкарственныхъ травъ, употребляемыхъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, то ихъ знаетъ едва ли не каждый деревенскій житель, особенно женщины, и если, по испытаніи, онѣ оказываются полезными противъ извѣстной болѣзни, совѣтуютъ употреблять ихъ въ лѣкарство, и такимъ образомъ онѣ получаютъ общую извѣстность.

Далѣе, перейдемъ къ описанію народныхъ средствъ противъ болѣзней или въ предотвращеніе ихъ. Въ числѣ указанныхъ ниже рецептовъ будутъ заключаться и такъ называемыя симпатическія средства, принятія простонародіемъ и употребляемыя болѣе знахарями въ деревняхъ. Къ такимъ средствамъ лѣченія прибѣгаютъ

иногда, болѣе, чѣмъ къ лѣченіямъ извѣстными травами и, въ случаѣ благополучнаго исхода, имъ дается предпочтеніе.

Въ *лихорадку* употребляется настой травъ: 1, полыни; 2, троелистки; 3, корень черныбыльника. Пережигается въ печи, на сковородѣ или на горячихъ угольяхъ, поваренная соль; въ послѣднемъ случаѣ соль завязывается въ тряпку. Если лихорадкой страдаетъ взрослый, пережженной соли берется столовая ложка или больше, смотря по тому, сколько можетъ принять больной; эта соль распускается въ стаканѣ кипяченой воды и выпивается утромъ натощакъ. Дѣтямъ приемъ уменьшается до половины чайной ложки.

Настаивается водка съ чеснокомъ и принимается понемногу послѣ припадка.

Берутъ щепотки двѣ бузиннаго цвѣту и, всыпавши въ стаканъ съ кипяткомъ воды, настаиваютъ около получаса времени; потомъ, процѣдивши это, сыплотъ въ настойку чайную ложку напатырю. Лѣкарство это дается черезъ каждые два часа: взрослымъ по столовой ложкѣ, а дѣтямъ—по чайной, до выздоровленія.

Настаиваютъ въ винѣ (виноградномъ) свѣжій натертый хрѣнъ и поятъ этимъ виномъ больного, по окончаніи лихорадочнаго приступа, по рюмкѣ, около пяти разъ въ день. Отъ перемежающейся лихорадки составляется порошокъ изъ живыхъ раковъ слѣдующимъ образомъ. Въ чашку наливаютъ простое хлѣбное вино и кладутъ туда живыхъ раковъ; затѣмъ чашку закрываютъ и оставляютъ такъ до тѣхъ поръ, пока раки не замрутъ; послѣ этого раковъ вынимаютъ и кладутъ сырыми въ печь, въ которой долженъ быть жаръ легкій. Когда раки высохнутъ, обращаютъ ихъ въ мелкій порошокъ, просѣиваютъ и, всыпавши въ стеклянку, закупориваютъ крѣпко и держатъ до употребленія. Предъ лихорадочнымъ приступомъ даютъ этого порошка чайную ложку въ рюмкѣ водки такъ, чтобы изъ рюмки былъ выпить весь остатокъ. Дѣтямъ приемы уменьшаются. Послѣ принятія такого лѣкарства больной, одѣвшись теплѣе, ходитъ по комнатѣ (зимой) или на дворѣ (лѣтомъ) до тѣхъ поръ, пока не устанетъ и не ослабѣетъ, или не получить сильный потъ, послѣ чего онъ ложится въ постель. Если случится второй припадокъ, приемъ лѣкарства повторяется.

Принимаютъ также обращенную въ порошокъ паутину.

Симпатическимъ средствомъ лѣченія отъ *лихорадки* считается слѣдующее. Кто страдаетъ этой болѣзью, долженъ обмарать лицо сажей или какой-нибудь нечистой, чтобы вызвало это лицо отвращеніе; затѣмъ должно спуститься въ рѣпную яму и лежать въ ней не шевелясь. Придетъ болѣзнь—лихорадка въ человѣческомъ образѣ и будетъ различными угрозами выживать изъ ямы; но лежащій въ ней не долженъ и шевелиться. Наконецъ, лихорадка плюнетъ на лежащаго и скажетъ: „не приду къ тебѣ

больше вѣвки: ты весь опачканъ, обмазанъ, безобразенъ.“ Сказавши это, лихорадка уйдетъ.

Лихорадка, по русскому повѣрью, ходитъ, какъ мы уже говорили, въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ женщины. Ее называютъ: Мавридой, Сициней, Листовіей, Желтой, Синей, Медвѣдной, Змѣей огненной и другими именами, которыхъ насчитываютъ двѣнадцать.

Отъ *цымги*. Совѣтуютъ натирать десны нюхательнымъ табакомъ и табачнымъ дегтемъ.

Даютъ пить больному черезъ два часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей, примачивая въ то же время десны и скулы; а для предохраненія отъ болѣзни принимаютъ внутрь хрѣнъ, настоянный въ пивѣ или въ винѣ, и полощутъ во рту.

Пьютъ кислое питье, напримѣръ, квасъ и ѣдятъ капусту.

Отъ *бѣльма на глазу*. Впускаютъ въ больной глазъ: 1, маковое масло; 2, жидкую пихтовую сѣру, вынутую изъ коры—ту сѣру, которая еще не подвергалась вліянію воздуха; 3, порошокъ ревеня; 4, масло съ серебра и 5, настой дождевыхъ (красныхъ) червей.¹⁾

Масло съ серебра добывается слѣдующимъ образомъ. На большую серебряную монету кладутъ колечко изъ свѣга; потомъ зажигаютъ лучину и держатъ ея зажженный конецъ надъ центромъ, ограниченнымъ свѣжнымъ колечкомъ, отчего на серебрѣ получается вещество, называемое масломъ.

Набравши дождевыхъ червей меньше половины чайной чашки, кладутъ туда кусокъ сахару и наливаютъ воды; затѣмъ чашку закрываютъ сукномъ. Черезъ нѣсколько времени, когда черви превратятся въ жидкость, ее процѣживаютъ сквозь чистыя тряпки и пропускную бумагу. Эту жидкость впускаютъ въ глазъ, на которомъ образовалось бѣльмо.

Второе средство, въ которое входятъ земляные черви, слѣдующее. Набравши этихъ пресмыкающихся въ чашку или стеклянную банку, докладываютъ банку бѣлымъ медомъ и ставятъ ее на солнцѣ на 12 дней; послѣ этого массу процѣживаютъ и впускаютъ въ больной глазъ раза два или три въ день.

Вынимаютъ изъ живого налима, распоровши ему животъ, печень; разрѣзываютъ этотъ органъ на части и кладутъ въ длинную стеклянку; затѣмъ наливаютъ туда до половины воды и вѣшаютъ на 7 дней на солнцѣ. черезъ 7 дней наверху отдѣлится жиръ, и, сливши его, впускать по каплѣ или по двѣ въ глазъ съ бѣлмомъ.

Отъ *кашля*. Разводятъ въ двухъ стаканахъ воды щепоть ржаной муки и даютъ отстояться; потомъ, когда мука оседетъ на

¹⁾Lumbrin terrestres

дно, сливаютъ воду и дѣлятъ осадокъ на двѣ половины. Одну половину выпиваютъ утромъ, другую—вечеромъ.

Кипятятъ воду съ сахаромъ въ закрытомъ чайникѣ и пьютъ. Такую воду пьютъ и въ грудныхъ болѣзняхъ.

Втираютъ въ тѣло маковое масло, которое, вызывая обильную испарину, прекращаетъ кашель.

Натирать на ночь подошвы толченымъ чеснокомъ.

Вдѣять икру королевскихъ соленыхъ сельдей и, ложась спать, кладутъ на грудь синюю сахарную бумагу, проткнутую въ нѣсколькихъ мѣстахъ иголкой и намазанную свинымъ или другимъ саломъ, а бумагу привязывать ко груди бинтами.

Отъ *икоты*. Берутъ въ началѣ икоты въ ротъ кусокъ сахара и держатъ таковой во рту, высасывая и проглатывая жидкость.

Выпиваютъ глотковъ 12 воды, а равно и нѣсколько капель укуса съ водою.

Приводятъ подверженнаго икотѣ какимъ-нибудь обманомъ вдругъ въ испугъ или стыдъ; лучше всего, говорить, завести на него ложное обвиненіе.

Отъ *рвоты и боли въ животѣ* ставятъ на животъ горшокъ, положивши въ него пучекъ зажженной кудели, подобно тому, какъ ставятъ кровососныя банки.

Пьютъ холодный чай изъ перечной мяты или же деревянное масло, которое принимается ложками.

Вдѣять на тощакъ по три столовыхъ ложки кислой капусты.

Дѣтямъ, кричащимъ безпрестанно, извергающимъ изо-рта створоженное молоко и марающимъ зелено, даютъ чай изъ буковицы пополамъ съ молокомъ, прибавляя къ нему по $\frac{1}{2}$ чайной ложки чистаго мѣлу.

Отъ *грыжи*. Поятъ водою, въ которой распущено бумажное масло (на полштофъ примѣрно 5 капель). Въ пупочныхъ грыжахъ дѣтей, сверхъ употребленія внутрь означеннаго лѣкарства, мажутъ однажды пупокъ бумажнымъ масломъ.

Поятъ дѣтей, а равно и взрослыхъ, конопляной смолкой въ холодной водѣ или молокѣ грудномъ, или же коровьемъ, по 5 капель въ день. Конопляная смолка добывается такъ. Берутъ два горшка, изъ коихъ одинъ долженъ быть меньше. На днѣ большаго горшка просверливается дырочка и этотъ горшокъ набивается туго коноплянымъ сѣменемъ, затѣмъ на него опрокидывается меньшій горшокъ и промежутокъ между стѣнками обоихъ горшковъ замазывается глиною, смѣшанною съ мякиной, и ждутъ, пока замазка не высохнетъ. Далѣе, кладутъ на бокъ три кирпича, располагая ихъ въ видѣ буквы П. На подставку эту полагается желѣзный листъ съ прокованной въ срединѣ дырочкой. На желѣзный листъ ставится горшокъ, но притомъ такъ, чтобы отверстіе горшка пришло на отверстіи листа. Снизу, чрезъ отверстіе листа и горшка просовывается прутьякъ, длиною около по-

лутора вершка и толщиною въ иглу, такъ чтобы прутикъ ушелъ въ горшокъ на $\frac{1}{2}$ вершка. Наконецъ, подъ листъ ставится сосудъ для пріема смолки и нагрѣваютъ горшокъ, обкладывая его съ боковъ щепками или горячими углями. Жаръ долженъ быть умѣренный.

Подобнымъ же образомъ можетъ быть добываемо и бумажное, а равно и лутошечное масло, употребляемое во внутреннихъ болѣзняхъ, но обыкновенно бумажное масло добывается болѣе простымъ путемъ, однако невидавшему добыть едва-ли возможно. Свертывается въ трубку, какъ передавали намъ, листъ бумаги и таковая трубка положенная въ рѣмку, зажигается, и съ выгораніемъ ея получается масло количествомъ около одной кашли.

Пьютъ настойку травъ: а) тысячелистника; б) изгона борového; в) кореньевъ перелойной травы и г) девятильника; а въ предотвращеніе грыжи у дѣтей поятъ ихъ настоемъ изъ листьевъ свеклы.

Отъ внутренней грыжи берутъ корни отъ трехъ кустовъ шипицы, которые не видали бы другъ друга; настаиваютъ ими водку и пьютъ.

Отъ боли въ *горлѣ* принимается внутрь медъ съ солью.

Привлаждаются къ горлу листья травы горлянки.

Нѣкоторые въ этой болѣзни вырѣзываютъ изъ бересты подобіе жабы, накладываютъ его на больное мѣсто и завязываютъ платкомъ. Береста съ платкомъ остается на шеѣ до выздоровленія. Иные въ болѣзни этой по утрамъ ходятъ къ сухой ели и, вдыхая окружающій дерево воздухъ, говорятъ: „проглочу елку всѣми сучьями“.

Погружаютъ ноги въ теплую воду, которая была бы не теплѣе парного молока.

Намыливаютъ шерстяной чулокъ и надѣваютъ его, какъ шарфъ, на ночь на шею.

Держать во рту желе изъ смородины (черной) и понемногу глотать.

Трутъ горло раза по три въ день летучею мазью.

Обкладываютъ шею льдомъ, а въ предохраненіе отъ болѣзни каждый день трутъ льдомъ шею и грудь или моютъ холодною водою. Всѣ эти средства употребляютъ не въ простомъ только воспаленіи, но и въ жабѣ съ нарывами.

Отъ *паралича* принимается внутрь настой травы былильника, а въ предотвращеніе апоплексическаго удара расположенные къ нему пьютъ настой коры лиственницы.

Пораженныхъ ударомъ натираютъ свѣжимъ натертымъ хрѣномъ, прикладывая тоже, къ рукамъ и ногамъ его.

Приготавливается продолговатый мѣшокъ и вкладывается туда больной т. е. пораженный параличемъ членъ, затѣмъ наполняется мѣшокъ около пораженнаго члена живыми рыжыми муравьями и крѣпко завязывается. Въ этомъ мѣшкѣ больной членъ

находится около 3 сутокъ и затѣмъ членъ вынимается и большой отдыхаетъ однѣ сутки; послѣ этого опять погружаютъ членъ въ мѣшокъ съ муравьями и сутки черезъ третья его вынимаютъ.

Отъ застарѣлой *ломоты* и *отъмѣннѣй* раздавливаютъ въ мѣшкѣ около 5 фунтовъ большихъ муравьевъ съ яйцами и, наливши въ сосудъ кипятку около 30 градусовъ теплоты, кладутъ туда раздавленную массу и погружаютъ больного въ эту ванну, въ которой онъ и долженъ пропотѣть.

У кого отнимется языкъ, полощутъ его профильтрованнымъ настоємъ травы крессъ и при полосканіи жуютъ свѣжіе листья шалфея и глотаютъ сокъ его.

Въ *золотухѣ* составляется лѣкарство изъ бодяги, для чего бодяга завязывается въ узелъ и опускается въ вино. Когда порошокъ достаточно смокъ, узелъ вынимаютъ и даютъ вину вытечь изъ него; затѣмъ узелъ съ бодягой закатываютъ въ кислое тѣсто, каковое и пекутъ. Тогда бодягу или пьютъ въ винѣ, или ѣдятъ въ хлѣбѣ. Больному воспрещается ѣсть медъ.

Золотушныхъ дѣтей ставятъ въ теплую ванну съ горчицей и керосиномъ.

Моютъ голову и примачиваютъ ранки кипяченымъ квасомъ съ солью.

Пьютъ настой травы череды и примачиваютъ имъ ранки; также поятъ настоємъ лавроваго листа, иногда горячимъ, какъ чай. Пораженныя мѣста мажутъ свинымъ жиромъ.

Въ золотушные желваки втирать утромъ и вечеромъ масло изъ дикой рѣпы.

Отъ *головной* боли привязывается къ подошвамъ ногъ и къ затылку глина съ уксусомъ. Варятъ въ водѣ коренья черныбыльника и пьютъ отваръ по небольшой рюмкѣ черезъ часъ и примачиваютъ голову холоднымъ отваромъ.

Пьютъ настой травы дѣдовы кудри. Если боль сопряжена съ шумомъ въ ухахъ, къ головѣ прикладываютъ капородъ ¹⁾ и пьютъ настой этой травы.

Прикладываютъ къ вискамъ лимонныя корки внутренней стороны.

Въ болѣзняхъ *глазъ* впускаютъ въ глаза муравейное масло, находимое въ муравейникахъ.

Прикладываютъ къ вискамъ и ко лбу глину съ уксусомъ для уменьшенія жара. Если идетъ изъ глаза слеза, примачиваютъ слѣдующимъ составомъ: распускается въ стаканѣ отварной воды 2 куска сахару, 1 кусокъ квасцовъ и $\frac{1}{2}$ куска синяго купоросу, профильтровываютъ эту воду, каковой и примачиваютъ глаза.

Умываютъ глаза ивановской росой.

Примачиваютъ глаза чайной водой.

¹⁾ *Aspidium Filix.*

Къ *порѣзанному*, мѣсту прикладываютъ траву серебряуху, ¹⁾ живую траву, топтунъ, паутину, свѣжую тертую рѣпу, плисну, получаемую съ гнѣющаго дерева на подобіе ваты, трутъ. Присыпаютъ порѣзанное обращенною въ порошокъ окаменѣlostью называемую чертовымъ пальцемъ, угольный порошокъ и сахаръ.

Примачиваютъ рану орѣшковой кислотой.

Совѣтуютъ засыпать рану обращенными въ порошокъ и просѣянными простыми бобами безъ шелухи, которые поджариваютъ на сковородѣ, какъ кофе.

Отъ *чесотки* составляется мазь изъ свиного сала и синяго купороса. Если чесотка очень сильна, мажутъ пораженные мѣста составомъ изъ бѣлка, куриного изверженія и отвердѣвшаго дегтя, а нѣкоторые чесоточные струпья присыпаютъ обращенными въ порошокъ комнатными мухами и корнемъ коровей кисленицы. Если на тѣлѣ зудъ, обмываютъ пораженные мѣста настоемъ листьевъ табаку.

Отъ *лишай*. Обмакиваютъ въ чернила, составленыя изъ купороса и чернильныхъ орѣшковъ, кисть или перо, и обводятъ чертой лишай, отчего онъ, говорятъ, дальше не распространяется. Варятъ въ молокѣ винныя ягоды и прикладываютъ ихъ къ лишаю, а молоко пьютъ. Мажутъ лишай дрожжами съ солью. Кладутъ въ чашку съ горячей водой скорлупы грецкихъ орѣховъ и ставятъ въ печь настояться. Когда вода сдѣлается темно-бурою, примачиваютъ ею лишай. Берутъ чистаго дегтя 1 фунтъ, синей овечьей мази $\frac{1}{4}$ фунта, поваренной соли около $\frac{1}{2}$ бутылки и $\frac{1}{2}$ бутылки горячей воды; разжижаютъ этой водой деготь, прибавляютъ затѣмъ нѣсколько ржаной муки; далѣе смѣшиваютъ овечью мазь съ поваренною солью; соединяютъ все это съ вышеописанною смѣсью и мажутъ лишай. Синяя мазь составляется слѣдующимъ образомъ: 6 лот. скипидару, 2 лота ртути смѣшивается, и мазь готова.

Зажигаютъ смолянистую лучину изъ сосноваго дерева, и, погасивши, наводятъ дымъ на больное мѣсто. Это повторяется нѣсколько разъ въ день въ продолженіе недѣли.

Для уничтоженія *рака* варятъ въ парномъ, только что выдоенномъ и не процѣженномъ молокѣ винныя ягоды, а варятъ въ печи, въ горшкѣ, послѣ того, какъ испечется хлѣбъ. Молоко пьютъ, а ягоды прикладываютъ къ ранѣ. Если же ракъ внутри, берутъ означенныхъ ягодъ 1 фун. на $\frac{1}{4}$ ведра парного молока. Молоко пьютъ, а ягоды обкладываютъ мѣсто, гдѣ чувствуется боль.

Прикладывается къ ранѣ жеванный шалфей. Берутъ свѣжую морковь, натираютъ ее на теркѣ и выжимаютъ сокъ; затѣмъ разогрѣваютъ натертую морковь на тарелкѣ и прикладываютъ къ ранѣ, наполнивши плотно всѣ ямки ранъ; потомъ мор-

¹⁾ *Potentilla argentea*.

ковъ покрываютъ нагрѣтою сухою салфеткою. Эту припарку перемѣняютъ чрезъ каждыя $\frac{1}{2}$ сутокъ; когда мѣняютъ припарку, моютъ рану и очищаютъ ее кисточкой изъ корпии, обмоченной въ теплый отваръ травы омеги (*Cicuta major octeda*). Прикладываетъ къ ранѣ свѣжій творогъ; перемѣнять нерѣдко.

Отъ *водянки*. Знахари совѣтуютъ, что надо выдрать три куста можжевельника, которые находились бы другъ отъ друга въ разстояніи 1 саж., затѣмъ, изрубивши ихъ мелко, должно всыпать въ корчагу и налить туда воды; потомъ поставить въ печь и варить, но такъ, чтобы вода, кипя, не выходила изъ корчаги. Черезъ сутки надо пить эту воду.

Пьютъ, какъ чай, траву серебрянку¹⁾.

Должно набрать мокрицъ и положить ихъ въ горшокъ; закрывши затѣмъ горшокъ, поставить его въ печь, гдѣ мокрицы и испепелятся. Пепелъ этотъ надо принимать утромъ и вечеромъ по 1 золот., а больнымъ малолѣтнимъ давать по $\frac{1}{2}$ зол.

Наливаютъ въ кадку горячей воды и кладутъ туда муравьиное гнѣздо съ муравьями. Это—ванна. Держать въ такой ваннѣ ноги, если онѣ простужены и пухнуть. Если же больной весь пухнетъ—долженъ погрузиться въ ванну всѣмъ туловищемъ. Вода въ ваннѣ должна быть горячая, чтобы можно было только терпѣть. Отъ опухоли всего тѣла принимаютъ въ водѣ, какъ лѣкарство, черныхъ русскихъ таракановъ, обращенныхъ въ порошокъ.

Насыпать сухихъ березовыхъ листьевъ, набранныхъ свѣжими въ концѣ мая и высушенныхъ съ сохраненіемъ зеленого цвѣта и запаха, въ ванну, въ которой больному можно было бы лежать. Раздѣвши больного до-нага, велѣтъ ему ложиться въ приготовленную ванну и затѣмъ его засыпать сверху такими же листьями такъ, чтобы онъ могъ только дышать. Въ ваннѣ этой больной долженъ лежать до тѣхъ поръ, пока не будетъ чувствовать онемѣнія въ тѣлѣ. Въ водянкѣ ногъ вкладываютъ ноги въ мѣшокъ съ такими листьями.

Отъ подкожной водянки обкладываютъ тѣло нагрѣтою ржаного муки до выздоровленія.

Берутъ горсть бобовъ, варятъ ихъ въ квартѣ воды и пьютъ этой водой больного (тепловатымъ питьемъ) по 2 чайныхъ чашки утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Пьютъ три раза въ день (утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ) по столовой ложкѣ рѣдечнаго сока, принимая послѣ каждого приема по 5 и 6 зеренъ перца.

Обращаютъ въ порошокъ траву мокрицу,²⁾ которую собираютъ тогда, когда она еще цвѣтетъ, и сушатъ въ тѣни въ су-

1) *Oniscus asellus*.

2) *Stellaria media*.

хомъ мѣстѣ. Принимаютъ это лѣкарство, какъ чай, отъ 3 до 4 разъ въ день по стакану.

Пьютъ кипяченую и простуженную воду, въ которой распущена селитра (на полуштофъ 3 зол. селитры). Принимать по утрамъ по 1 драхмѣ селитры въ рюмкѣ пива.

Веснушки на лицѣ выводятся, если умываться кобыльей мочою и молокомъ этого же животнаго.

Мыть по вечерамъ, передъ сномъ, лицо и шею, гдѣ есть веснушки, крѣпко разсоленной водою, приготовляемою слѣдующимъ образомъ. Въ кипятокъ рѣчной воды кладутъ столько соли, сколько ея можетъ распуститься. Простудивши воду, смачиваютъ ею лицо; если лицо засохло, соляной слой стираютъ.

Нажавши соку изъ неспѣлой, но уже начинающей рдѣться смородины, примѣшиваютъ къ нему сѣрнаго молока, такъ густо, чтобы вышелъ кисель. Этимъ лѣкарствомъ намазываютъ лицо по вечерамъ, и на слѣдующее утро смываютъ тепловатымъ молокомъ. Лѣчение продолжается отъ 7 до 12 дней.

Берутъ 6 лот. горчичнаго порошка и по 1 лоту миндальнаго масла и лимоннаго сока, смѣшиваютъ все это и мазью натираютъ веснушки каждый день по одному разу.

Описываюся до безчувствія поятъ человѣческой мочою и подносятъ къ носу зажженные сѣрныя спички. Обливаютъ его холодной водою.

Даютъ пить отъ 1 до 2 чайныхъ ложекъ гофманскихъ капель.

Вливаютъ въ ротъ нѣсколько ложекъ виннаго уксуса.

Отъ *злой корчи*, являющейся послѣ употребленія хлѣба, испеченнаго съ значительнымъ содержаніемъ спорыньи, пьютъ отваръ изъ осинової коры и погружаютъ подверженные корчѣ члены въ ванну съ отваромъ.

Угри на лицѣ выводятся слѣдующимъ образомъ. На 1 бутылку кипятку берутъ 1 зол. селитры и разводятъ ее въ горячей водѣ; когда вода остынетъ, обмакиваютъ въ нее полотенце и утираютъ лицо нѣсколько разъ.

Имѣющіе на лицѣ угри ходятъ въ баню, не благословясь, и умываются тамъ; при этомъ соблюдаютъ ту примѣтку, чтобы этого никто не зналъ, а идя въ баню и возвращаясь изъ нея, если съ кѣмъ случайно встрѣтишься, ни слова не говори. Такое лѣчение повторяется до трехъ разъ.

Отъ *боли сердца* пьютъ, какъ чай, сердечную траву, если мужчина—мужскую, если же женщина—женскую, или принимаютъ настой этой травы.

Отъ *разслабленія* вслѣдствіе внутреннихъ болѣзней пьютъ золотую траву и дикую крапиву.

Въ *безсонницѣ* пьютъ, какъ чай, травы: колютиекъ, богородскую, блошницу и выкушенные головки огороднаго мака. Ъдятъ лукъ или принимаютъ луковичное масло.

Къ *нарывамъ* и *опухоламъ* прикладываютъ размоченныя въ теплой водѣ листья травъ: лебеды, топтуна, борща, горькой лапухи; прикладываютъ также толченныи мѣлъ, сѣнную труху и тертыи картофель; больныя мѣста поджуриваютъ льнянымъ сѣменемъ, для чего сѣмя сыплотъ на горячую сковороду или на камень и держать больное мѣсто надъ дымомъ.

Въ опухоляхъ колѣнъ составляютъ пластырь изъ кала козьего или овечьего съ ячменною мукою, медомъ и уксусомъ и прикладываютъ таковой къ затвердѣлому мѣсту.

Берутъ по одной горсти травъ: шалфею, цвѣтовъ ромашки и полыни, и варятъ все это въ бѣломъ винѣ и прикладываютъ ихъ теплыми къ больному мѣсту.

Если болятъ *зубы*, кладутъ въ больное мѣсто кусочки камфоры, величиною съ булавочною головку, и укрѣпляютъ жеванной бумагой. Если по вложенію камфоры, больной будетъ чувствовать жестокую боль, долженъ терпѣть: боль чрезъ минуту прекратится.

Набиваютъ горшокъ до верху дубовой корой, наливаютъ туда чистой проточной воды и горшокъ накрываютъ сверху другимъ горшкомъ; затѣмъ промежутокъ между краями горшковъ обмазываютъ тѣстомъ; ставятъ этотъ горшокъ въ истопившуюся печь и даютъ упрѣть, чтобы жидкость была густа, какъ пиво. Сцѣживаютъ эту жидкость въ бутылку и кладутъ туда чайную ложечку квасцовъ; всбалтываютъ и даютъ настояться. Этимъ составомъ полощутъ зубы по нѣскольку разъ въ день.

Кладутъ между больнымъ и здоровымъ зубомъ листья кошачьей травы или, если нельзя листьевъ держать на больномъ зубѣ, жуютъ ихъ.

По сообщенію одного священника, надо взять коп. на 10-15 бакаутоваго дерева, 2 стручка перца, на 15 коп. кохлеарнаго спирта, полштофа пѣннаго вина, да 2 зол. табаку-махорки въ листьяхъ. Смѣшавши все поставить въ темное мѣсто на время отъ 5 до 7 дней. Полученную жидкость больной долженъ брать по $\frac{1}{4}$ рюмки въ ротъ и держать на больной сторонѣ, но жидкость не долженъ глотать; держать жидкость онъ долженъ столько времени, сколько можетъ, и наконецъ выплюнуть.

Въ чайную чашку кипятку положить щепотку китайскаго перцу и, покрывши, дать настояться. Этимъ настоемъ полоскать больной зубъ.

Если опухла щека отъ болѣзни зубовъ, берутъ синей сахарной бумаги, намачиваютъ ее въ теплой водѣ, потомъ насыпаютъ щепоткою нашатырю и прикладываютъ къ щекѣ.

Берутъ равныя части поваренной соли, сахару и немного чернаго перцу и растираютъ все это въ порошокъ и, всыпавши въ металлическую ложку, добавляют нѣсколько капель рому или крѣпкаго уксусу и варятъ надъ свѣчкой до тѣхъ поръ, пока не получится какъ-бы одноцвѣтная масса. Берутъ по кусочку этой

массы, когда она еще тепла и кладутъ на больной зубъ или десну. Появившуюся слюну больной долженъ выплевывать и класть новые кусочки.

Отъ зубной боли въ употребленіи, между прочимъ, такой заговоръ: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; умывшись свѣтлой водой и утершись Владычицыной пеленой, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле въ широкое раздолье на море Кіянъ, на островъ Буянъ. На островѣ Буянѣ идетъ самъ царь съ медовыми устами, съ желѣзными зубами; и я рабъ (имя рекъ) поклонюсь ему и покорюсь: отними отъ тѣла пухоту, отъ костей пухоту, всѣ болѣзни зубовъ, чтобы не болѣли зубы у раба (имя больного) отнынѣ до вѣку. Аминь“.

Отъ *родимца* принимаютъ внутрь настой травъ: изгона бороваго, грабельцовъ, черной травы (мужская и женская, смотря потому, какого пола больной), корень чертопалочника, девятильника.

Если ребенка трясеть родимецъ, закрываютъ его подвѣчнымъ платьемъ и кладутъ по бокамъ его голыя лутошки.

Даютъ страждущему родимцомъ ребенку каждый день порошка заячьей крови, въ водѣ или въ грудномъ молокѣ, отъ одной до двухъ чайныхъ ложекъ, сообразуясь съ возрастомъ младенца. Порошокъ крови готовится въ мартѣ мѣсяцѣ, слѣдующимъ образомъ: ловятъ въ этомъ же мѣсяцѣ зайца и гоняютъ его въ оградѣ или другомъ мѣстѣ, изъ котораго ему, зайцу, нельзя выскочить; когда онъ утомится сильно, его закалываютъ, надѣжая кровъ въ сосудъ; эту кровъ высушиваютъ и обращаютъ въ порошокъ.

Отъ *угаря* кладутъ въ уши ягоды клюквы или брусники и прикладываютъ ко лбу и темени головы куржевину.

Прикладываютъ къ вискамъ листья свѣжей капусты, а ко лбу соленой.

Совѣтуютъ щекотать въ горлѣ угорѣвшаго перышкомъ, обмоченнымъ въ коноплянномъ маслѣ, чтобы вызвать рвоту.

Въ *переломахъ* прикладываютъ правильную траву, а настоемъ поить больного.

Въ *ушибахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, кровавикъ и настой травы уразной и примачиваютъ сокомъ этой травы и виномъ опухшія мѣста.

Прикладываютъ, въ видѣ пластыря, бодягу вскорѣ же послѣ полученія ушиба. Пластырь изъ бодяги для приложенія къ ушибленному мѣсту готовится такъ. Берутъ порошокъ сухой толченой бодяги ложки двѣ и смѣшиваютъ съ 1 ложкой воды, чтобы вышло тѣсто и чтобы прильнуло къ ушибленному мѣсту. Чтобы удобнѣе приложить бодягу къ ушибленному мѣсту, ее намазываютъ на холстинку. Сильнѣе проявляетъ бодяга свое дѣйствіе въ соединеніи съ водою.

Превращаютъ въ порошокъ высушеннаго простого мыла, нашатырю и камфоры по 6 зол., затѣмъ берутъ по стакану бѣлаго скипидару и деревяннаго масла и взбиваютъ все это хорошенько. Послѣ втиранья больные члены покрываютъ сукномъ и сутки не выходятъ на воздухъ. Это лѣкарство употребляется и въ ломоть.

Въ *носогахъ* пьютъ рѣдечный сокъ, черный рижскій бальзамъ, настой кореньевъ и листьевъ травъ: сороколистки, марьяна корня, прострѣла и земляники. Листья съ корнями земляники варятъ въ парномъ молокѣ въ закрытомъ горшкѣ и принимаютъ внутрь. Пьютъ настой березовыхъ почекъ и порошокъ березоваго угля. Ъдятъ ягоды черемухи и пьютъ настой этихъ ягодъ.

Принимаютъ внутрь малиновый сиропъ и мяту; ѣдятъ верхомъ и на телѣгѣ. Пьютъ отваръ свѣженадранной коры черемухи (унцъ коры на 1 фун. воды). Принимаютъ въ день отъ 5 до 6 чайныхъ чашекъ.

Въ *кровавыхъ носогахъ* больнымъ даютъ свѣжихъ куриныхъ яицъ по 2 штуки черезъ 2 часа и послѣ принятія больные запиваютъ настоемъ простой мяты. На другой день даютъ столько же, а на третій и четвертый день по 2 яйца черезъ 3 часа; на пятый и шестой день утромъ и вечеромъ по 2 яйца, такъ что приемъ постепенно уменьшается.

Пьютъ лимонный сокъ и наливку изъ черемуховыхъ ягодъ, взрослые по 1 рюмкѣ 2 раза въ день, а груднымъ дѣтямъ даютъ по наперстку. Лучше всего настоять въ пѣнномъ винѣ (на 5 или 6 стакановъ вина 1 стаканъ ягодъ). Лучше дѣйствуютъ свѣжія ягоды, такъ какъ онѣ настаиваются скорѣе, по этому нужно запасаться настойкою тогда, когда ягоды свѣжи. Чтобы приготовить настойку, лучше взять ягодъ по вѣсу: $\frac{1}{4}$ фун. ягодъ на полштофъ вина.

Отъ *испуга* подкуриваютъ и окуриваютъ дымомъ жевыхъ травъ, адамовой головы, колючаго чертополоха, и перьями дикой утки.

Пьютъ настой травы адамовой головы. По совѣту знахарей, испугавшееся дитя надо подкуривать волосами или шерстью тѣхъ животныхъ, кого испугалось дитя.

Въ *предотвращеніе внутреннихъ болѣзней* пьютъ настой травъ: плотника, звѣробоя, троелистки и кореньевъ крапивы.

Если впился въ тѣло *волосатикъ*, въ корчагу наливаютъ горячей воды и кладутъ туда такъ называемую траву отъ волосатика и держатъ надъ паромъ рану, въ которой находится волосатикъ.

Приготавливается изъ древесной золы горячей щелокъ, и больной, въ которомъ находится волосатикъ, ложится нагимъ въ большое корыто; затѣмъ набрасываются на страждущія части хлѣбные колосья и выливается на нагого немедленно ушатъ горячаго щелока, которымъ постепенно поливается все тѣло больного. На

колосья выходятъ черви волосатики. Это лѣченіе повторяется черезъ день и продолжается не менѣе трехъ недѣль.

Въ *простудѣ* пьютъ, какъ чай, ягоды черной березы, малину, липовые и бузиновые цвѣты.

Въ простудѣ ногъ трутъ ихъ масломъ, образовавшимся въ настойкѣ грибовъ мухоморовъ. Чтобы составить настойку, набираютъ этихъ грибовъ банку, наливаютъ водою и ставятъ на 9 дней настояться. Масло образуется наверху настойки, которое и сливаютъ.

Всыпать въ чулки по 1-й чайной ложкѣ нашатырной соли (*sal ammoniacum*) и негашеной извести и надѣть чулки на ночь, а въ упорныхъ болѣзняхъ, когда прекращается потъ ногъ, носить чулки и днемъ.

Отмороженныя мѣста обкладываются корками огурцовъ — сѣмянниковъ, которые оставляютъ въ грядахъ до созрѣванія для выбора сѣмянъ, и такія корки переменяютъ, если высыхаютъ. Если корки сухія, заготовленные на зиму, размачиваютъ ихъ предварительно въ теплой водѣ и прикладываютъ къ отмороженнымъ мѣстамъ мякотью. Корки заготавливаютъ такъ: когда изъ созрѣвшихъ ягодъ выберутся сѣмена, корки съ остающеюся мякотью подсушиваютъ на солнцѣ.

Обмываютъ отмороженныя мѣста простымъ виномъ. Натираютъ ихъ гусинымъ и заячьимъ саломъ. Прикладываютъ къ нимъ тертую морковь, красную капусту, смѣшанную съ уксусомъ.

Винныя ягоды, высушивши и обративши въ порошокъ, смѣшиваютъ съ медомъ и прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ.

Если облобыны руки или ноги, погрузить ихъ въ густой растворъ соли и, продержавши въ немъ нѣсколько времени, дать обсохнуть, но не обтирать по вынутіи.

Отъ *насморка* втягиваютъ въ носъ винныя пары, для чего, обмокнувши платокъ въ винъ и приложивши смоченную часть къ горячему самовару, подносятъ къ носу и втягиваютъ. Въ чайную чашку кладутъ кусокъ камфоры и наливаютъ туда кипятку; затѣмъ дѣлаютъ изъ бумаги или бересты воронку и, опрокинувши ее на чашку, въ узкое отверстіе воронки втягиваютъ въ носъ пары.

Втягиваютъ въ носъ соленую воду.

Отъ *листовъ* принимаютъ коренья папоротника и сѣмена тыквы. Если принимаютъ сѣмена тыквы, то накануне принятія ихъ (около 50 штукъ) ѣдятъ одни селедки. Употребляютъ при этомъ лѣченіи слабительное.

Выжимается сокъ чеснока и дается внутрь отъ 10 до 40 капель съ молокомъ, смотря потому, дается ли дѣтямъ или взрослымъ.

Сокъ моркови выжимается и дается ватощакъ утромъ.

Даютъ пить свѣжее, чистое конопляное масло по чайной ложкѣ два раза въ день, съ хлѣбомъ, помочивши его въ маслѣ.

Въ *горячки* употребляется настой травы девятильника. Гдѣ на людяхъ повальная болѣзнь, въ предотвращеніе ея приносятъ въ избу флягу съ дегтемъ; ѣдятъ лукъ и чеснокъ каждый день и носятъ ихъ при себѣ для запаха.

Поятъ виномъ и даютъ ѣсть подслащенную сахаромъ клюкву.

Даютъ больнымъ внутрь черезъ каждые три часа по ложкѣ пивныхъ дрожжей.

Отъ *желтухи* принимаютъ внутрь настой желтыхъ кореньевъ, покупаемыхъ у лавочниковъ, а равно настой травы желтоцвѣта.

Мочегонными средствами считаются: конопляное молоко, (сокъ конопли), можжевельовыя ягоды, черныя русскіе тараканы и луковый сокъ съ толченымъ сахаромъ.

Пьютъ отваръ изъ ягодъ шиповника по стакану черезъ 2 часа.

Отъ *ногтоѣда* прикладывается къ больному мѣсту слизистый корень травы бѣлокрыльника и сваренныя въ молокѣ винныя ягоды.

Погружать больную часть, для унятія боли, въ теплую воду.

Прикладываютъ къ больному мѣсту печеный лукъ.

По совѣту одного духовнаго лица, луковица растенія *Narcissus poeticus*¹⁾ имѣетъ цѣлебное свойство отъ ногтоѣда, для чего луковица растенія слегка поджаривается и налагается на больное мѣсто.

Къ больному мѣсту для униманія боли и скорого нагноенія прикладываютъ творогъ и куделю, намыленную простымъ мыломъ.

Отъ пупочной *грыжи*, являющейся вслѣдствіе поднятія непосильныхъ тяжестей, пьютъ настой травы пустосела, а отъ боли въ животѣ ставятъ на животъ горшокъ, какъ ставятъ кровесосныя банки.

Бородавки выводятся: а) сокомъ травы чистотѣла; б) бобковой шкуркой; в) натираніемъ лукомъ и чеснокомъ, смѣшаннымъ со свинымъ саломъ.

Слабительнымъ считаются: а) огуречный рассолъ; б) соленая вода; в) сырое молоко, принимаемое вмѣсто квасу.

Если запоръ сопровождается рвотою, глотаютъ лѣдяныя катышки каждые 2 часа по катышку величиной съ лѣсной орѣхъ.

Рвота вызывается: а) всунутиемъ въ зѣвъ указательнаго и средняго пальца; б) принятіемъ скоромнаго масла и в) щекотаніями въ горлѣ.

Обожженное мѣсто намазываютъ: а) варенымъ коноплянымъ или льнянымъ масломъ; б) мазью, составленной изъ этихъ маселъ и яичныхъ желтковъ, замѣняя мазь новой, когда высохнетъ; в) медомъ; г) тертымъ картофелемъ.

Прикладываютъ: 1) компрессы, намоченныя въ свѣжей дѣтской мочѣ или въ мочѣ самого больного, если она здоровая, но

¹⁾ Изъ сем. Амариллисовыхъ.

лучше въ дѣтской мочѣ и 2) желтокъ съ коровьимъ масломъ. Погружаютъ обожженные мѣста въ теплую воду.

Выпустивши изъ обожженныхъ мѣстъ водяную жидкость, посыпаютъ ихъ мелкимъ порошкомъ древеснаго угля.

Если какая часть опалена порохомъ, посыпать ее гороховой мукой.

Въ *одышки* и *удушѣ* составляется слѣдующее лѣкарство. Отвернувши голову живой русской курицы, ее, умершую безъ показавшейся крови, не ощипывая и не потроша, кладутъ въ горшокъ; затѣмъ наливаютъ туда кипятокъ воды (менѣе $\frac{1}{2}$ обыкновен. водопойнаго ведра) и, покрывши крышкою, замазываютъ тѣстомъ и ставятъ въ печь на 12 дней, въ продолженіе которыхъ горшка не откупориваютъ. По прошествіи этого времени на днѣ горшка сдѣлается студень, подверженный скорой порчѣ, и въ этотъ студень вливаютъ слабого, простого вина 2 бут.; потомъ размѣчиваютъ хорошенку и разливаютъ по бутылкамъ. Пить это лѣкарство должно, взболтавши, 3 раза въ день по рюмкѣ.

Передъ сномъ смачиваютъ и натираютъ верхнюю часть головы коньякомъ съ солью, а по утрамъ натошакъ принимаютъ этого коньяку, смѣшаннаго съ 4 ложками горячей воды, по 2 ложки.

Отъ дѣтской *чахотки* или *сухотки* (phtisis) даютъ дѣтямъ ворвань съ коричневымъ сиропомъ утромъ и вечеромъ по столовой ложкѣ.

Берутъ полыни 1 фун., рому или водки 1 бут. и, вливши въ кастрюлю, зажигаютъ, чтобъ ромъ выгорѣлъ; потомъ вынимаютъ полынь съ оставшеюся жидкостью на полотно, тройное сложенное, и обвертываютъ имъ больного часовъ на 7 или 8.

Обмываютъ спину и оконечности хлѣбнымъ виномъ или муравьинымъ спиртомъ.

Отъ *мухоты* вслѣдствіе простуды или какихъ другихъ причинъ, но не старости и ранъ въ ушахъ, держать ноги въ теплѣ и по вечерамъ парятъ ноги въ теплой водѣ.

Вспрыскиваютъ въ ухо теплаго молока съ водою.

При глухотѣ съ болью въ ухѣ берутъ каплю летучей мази на конецъ мизинца, всовываютъ мизинецъ въ ухо и держатъ нѣсколько минутъ.

Размятый и обмокнутый въ деревянное масло чесночный зубъ кладутъ въ ухо.

Въ *каменной* болѣзни принимается: а) отваръ моркови; б) настой чеснока въ хлѣбномъ винѣ; в) отваръ изъ краснаго картофеля, не выпуская, при мочеиспусканіи, всей мочи; г) порошокъ листьевъ травы толокнянки, принимаемый по $\frac{1}{2}$ драх. 3 и 4 раза въ день, и д) березавица.

При *катарѣ* принимается внутрь рѣдечный сокъ съ водкой пополамъ нѣсколько разъ въ день, по 1 рюмкѣ.

Отъ *антонова огня* составляется порошокъ изъ свѣжихъ раковъ, для чего живые раки должны быть истолчены въ ступѣ и прикладываемы, въ видѣ припарки, къ мѣстамъ пораженнымъ. Припарку надо перемѣнять тотчасъ, какъ она высохнетъ.

Прикладываютъ тертую морковь, перемѣняя, какъ скоро высохнетъ.

По словамъ нѣкоторыхъ особъ духовнаго сословія, полезно прикладывать къ пораженнымъ гангреной мѣстамъ свѣжіе листы простой сирени и перемѣнять разъ въ день.

Когда будутъ показываться признаки исчезновенія антонова огня и наконецъ сдѣлается легче, тогда больное мѣсто присыпать хинной.

Чтобы *мысина* покрылась волосами, каждый день по 3 раза мочуть ее слѣдующей жидкостью. Берутъ сбитаго синяго купоросу и смѣшиваютъ его съ французской водкой; затѣмъ ставятъ эту смѣсь на нѣсколько дней на солнце или близъ горячей печи, и держать въ закупоренной бутылкѣ.

Отъ *кровотеченія* изъ носа поднимаютъ обѣ руки на голову, а другой кто-нибудь прижимаетъ ноздри.

Чтобы остановить кровотеченіе на порѣзанномъ или порубленномъ мѣстѣ, нашептываютъ слѣдующій заговоръ:

„Помолимся Господу Богу на красное солнце, на свѣтелъ мѣсяцъ, на часты звѣзды, попросимъ у Господа Бога, Екатерины мученицы, помоги бы намъ Господь заговаривать кровь отъ буйнаго вѣтру, отъ востраго ножа, отъ востраго топора. Заговариваю кровь у раба Божія (имя рекъ) и запираю слова 77 замками. Аминь“.

Другой заговоръ. „Дерь-дери—кровь уйми; карій меринъ, ступи на камень—кровь не капеть; ступи на песокъ—вода не течеть; ступи на топоръ—весь заговоръ.“

Совѣтуютъ къ *ранамъ*, пролежнямъ и кровавымъ вередамъ прикладывать смѣсь изъ 3 частей непрогорклаго свѣчнаго сала, крупчатки или крахмала, размѣшанныхъ на тарелкѣ.

Берутъ нѣсколько свѣжихъ и смятыхъ листьевъ сирени, чтобы показался на нихъ сокъ, и прикладываютъ къ ранамъ, пришедшимъ въ пагносіе.

Для очищенія гнойныхъ ранъ употребляютъ снаружи настой или взваръ полыни, прибавляютъ къ этому настою и уксусу или винограднаго вина, или же водки.

Для извлеченія гноя изъ ранъ къ нимъ прикладываютъ листья свеклы съ коровьимъ масломъ.

Глубокія смрадныя *язвы* лѣчатъ щелокомъ, приготовленнымъ для стирки бѣлья. Этимъ щелокомъ обмываются язвы по три и болѣе разъ въ сутки, въ видѣ струи сверху.

Прикладывается къ язвамъ теплая, хорошо разваренная и не

очень густая гречневая каша; такъ равно прикладывается и свѣжій творогъ толстымъ слоемъ, перемежая его чрезъ 2 часа.

При занозѣ смазываютъ больное мѣсто чистымъ дегтемъ и обвязываютъ тряпчочкой, смоченною дегтемъ, и когда заноза выйдетъ, вынимаютъ.

Если ушло въ тѣло стекло, на то мѣсто прикладываютъ замазку, какой замазываютъ щели въ рамахъ стекольщики.

Прикладываютъ къ занозѣ истолченные свѣжіе листья лебеды.

Отъ простуды собирается и сушится болотное растеніе свинятникъ. Искропивши это растеніе, всыпаютъ его въ бутылку и затѣмъ наливаютъ бутылку теплою водою; далѣе, закупоривши бутылку, обкладываютъ ее сырымъ тѣстомъ въ формѣ хлѣба. Этотъ хлѣбъ, содержащій въ себѣ бутылку, садятъ въ печь, когда въ ней есть еще уголья, на 2 часа; послѣ чего, вынувши бутылку изъ тѣста, ставятъ его въ прохладное мѣсто. Лѣкарство это принимаютъ натошакъ взрослые по столовой, а дѣти—по чайной ложкѣ.

Составляютъ мазь изъ столовой ложки деревяннаго масла, чайной ложки поваренной соли и $\frac{1}{2}$ чайной ложки толченаго перцу. Мазь эту наливаютъ на сузую тряпку и трутъ больное въ банѣ.

Отъ озноба въ простудѣ натираютъ астраханскимъ стручкомъ или стручковымъ перцемъ, настоеннымъ на водкѣ, или же медомъ съ солью, взятыми по равной части.

Отъ ломоты вслѣдствіе простуды и другихъ причинъ намазываютъ на ветошку сапожнаго вару и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Натираютъ больное мѣсто мазью, составленной изъ толченаго съ деревяннымъ масломъ чеснока.

Кладутъ больныя ноги въ навозную кучу на $\frac{1}{4}$ часа времени.

Отъ ревматизма приняты слѣдующія средства.

Берутъ корни травъ: чернобыльника, дикой рябины, репейника и крапивы; настаиваютъ ими водку въ теченіе 6 сутокъ въ тепломъ мѣстѣ (лучше въ печи) и пьютъ по рюмкѣ и по двѣ въ день. Во время лѣченія не ѣдятъ свинины и гусятины.

Берутъ 1 фун. бѣлаго скипидару, сѣры сосновой, листовничной, пихтовой и еловой по равной части, и все это держатъ въ бутылкѣ въ тепломъ мѣстѣ 12 дней; потомъ сверху скипидаръ сливаютъ и наливаютъ вмѣсто него деревяннаго масла; затѣмъ кладутъ туда 2 зол. камфоры. Этой мазью натираютъ больныя мѣста за 1 часъ времени до бани. Когда придутъ въ баню, берутъ заранѣе приготовленные вѣтки деревъ: сосны, ели и пихты и, изрубивши ихъ мелко, варятъ въ банѣ. Этой водою поддаютъ пару и лежатъ въ банѣ на полкѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ стрѣлять въ пораженныхъ ревматизмомъ мѣстахъ. Отдохнувши, натираютъ больныя мѣста камфарнымъ виномъ. Лѣченіе повто-

рается до тѣхъ поръ, пока не получится совершеннаго выздоровленія.

Обкладываютъ больныя мѣста травой мать-мачихой.

Набираютъ лѣтомъ полныя бутылки дождевыхъ червей, закупориваютъ бутылки крѣпко и ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени черви превращаются въ жидкость—спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Набравши грибовъ мухоморовъ и искрошивши или изрубивши ихъ мелко, наполняютъ ими бутылки и закупориваютъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени грибы дадутъ жидкость—спиртъ. Спиртомъ этимъ натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Намазываютъ внутреннія стѣнки горлышка бутылки масломъ (лучше всего деревяннымъ) и ставятъ бутылку въ муравейникъ, гдѣ живутъ муравьи. Муравьи, падая въ бутылку, наполняютъ ее собой. Эту бутылку закупориваютъ крѣпко и ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени муравьи дадутъ спиртъ. Этимъ спиртомъ натираютъ больныя мѣста.

Наставляютъ изрубленные можжевельныя ягоды въ чайникѣ кипящей воды на огнѣ и пьютъ этотъ настой, какъ чай, передъ сномъ, чашки по три. Туда же прибавляютъ и ирнаго корня.

Натираютъ больныя мѣста порошкомъ сѣры и обвязываютъ фланелью, и если болятъ ноги, надѣваютъ на нихъ чулки шерстяные. Натираютъ больныя мѣста въ банѣ, до появленія испарины, дегтемъ.

Отъ хроническаго ревматизма на ночь обкладываютъ больныя ноги свѣжими, сухими березовыми листьями.

Берутъ ложку бодяги, столько же чухонскаго масла и золотника три напатыря въ порошокъ. Смѣшиваютъ все это и натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

Парятъ больныя мѣста свѣжей крапивой. Прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ вату, обмокнутую въ деревянное масло.

Натираютъ больныя мѣста коньякомъ съ солью 2 раза въ день и за часъ времени до чаю принимаютъ этого лѣкарства по 1 или 2 ложки, разбавляя этотъ приемъ 4—6 ложками горячей воды.

Берутъ по 1 ложкѣ краснаго меду, керосина или нефти и деревяннаго масла и натираютъ этой мазью въ банѣ больныя мѣста. Чтобы мазь смѣшалась, медъ подогрѣваютъ.

Отъ *охриплости* голоса принимаютъ смѣсь изъ тертаго хрѣну и липоваго меду.

Если кто *проломилъ* иголку или булавку, пьютъ ренскій или бѣлый уксусъ, чтобы онъ притупилъ остріе иголки или булавки.

Во время *холеры* носятъ на шеѣ или подъ мышкою, на голому тѣлу, кусокъ мѣди величиной въ талеръ, зашивши его въ холстину.

Пьютъ бѣлокъ отъ сырого яйца, вслѣдъ за нимъ принимаютъ мятныя капли; затѣмъ пьютъ чай изъ перечной мяты и укрываются теплѣе.

Въ предотвращеніе болѣзни принимаютъ по утрамъ яичный бѣлокъ, сбитый съ теплой водой или настоємъ мяты, по ложкѣ, а тѣло натирають деревяннымъ или прованскимъ масломъ

Пьютъ мятный чай и кладутъ на животъ теплыя сухія припарки и одѣваются теплѣе.

На *мозоль* прикладываютъ лимонную подкожную плеву, намоченную въ теченіе сутокъ въ винномъ уксусѣ.

Прикладываютъ на ночь къ мозолямъ испеченный чеснокъ.

Распариваютъ ногу съ мозолью въ теплой водѣ и прикладываютъ къ мозоли тряпку, на которой намазано свѣчное сало и посыпана табачная зола, особенно зола махорки.

Отъ *колотья* пьютъ чай изъ бузинныхъ и липовыхъ цвѣтовъ, а равно и ромашки, или идутъ въ баню и обтирають больное мѣсто смѣсью изъ тертаго хрѣна, соли и меду.

Принимаютъ углекислую магнезію, а равно отъ 1 до 2 ложекъ коньяку съ солью, разбавленную 4—6 ложками горячей воды. Если колотье не пройдетъ—лѣченіе повторяется, но горячую воду уменьшаютъ. Если страдаетъ женщина,—пріемъ уменьшаютъ на половину.

Отъ *затруднительнаго дыханія* и колотья при вздохѣ принимаютъ: а) почки сосны, набранныя весной и высушенныя на солнцѣ; б) анисъ.

Натирають грудь бодягой съ виннымъ спиртомъ.

Чтобы возстановить *потъ ногъ*, подъ голыми ногами носятъ бересту.

Въ *чахоткѣ* ѣдятъ съ тощимъ желудкомъ ежедневно верхомъ, съ каждымъ днемъ увеличивая поѣздку. Пьютъ медовую воду съ молокомъ.

Ѣдятъ кашицу изъ исландскаго моха съ молокомъ:

Пьютъ козье молоко, а равно и молоко миндальное.

Втирають въ тѣло, особенно грудь и бока, свиное сало.

Пьютъ сокъ свеклы; ѣдятъ молодую капусту въ сыромъ видѣ, а разсолъ соленой капусты пьютъ ежедневно до выздоровленія; пьютъ также тертую рѣдьку съ квасомъ, выпивая сначала рюмку очищенной водки, а нѣкоторые глотаютъ кусочки рѣдьки величиной съ бобъ. Пьютъ толокно съ свѣжимъ квасомъ.

Озимь, нарванная весной или осенью, высушивается на солнцѣ и топится въ печи съ парнымъ молокомъ. Жидкость процѣживается и принимается внутрь.

Сожигаютъ въ комнатѣ, гдѣ находится больной, на теплой печкѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 зол. сѣры.

Отъ *грудной болѣзни* употребляется холодный экстрактъ или настой еловыхъ шишекъ, принимая его въ сутки по 2 стакана. Чтобы получить настой, шишки кладутъ въ муравленный горшокъ, наливають туда кипятку, сообразуясь съ тѣмъ, чтобы въ горшкѣ

осталось стакана два. Горшокъ завязываютъ тряпкой, намазываютъ тѣстомъ и ставятъ на ночь въ печь.

Пьютъ кофе, изъ ржи, овса и ячменя съ кипяченымъ молокомъ.

Отъ простудной грудной боли и кашля пьютъ сокъ вареной рѣпы съ сахаромъ.

Если пухнуть *десна* и въ случаѣ нарыва на нихъ, полощутъ ихъ отваромъ 2 горстей сажи и фунта воды, что должно варить $\frac{1}{2}$ часа; сокъ выжимать.

Отъ *дрожанія* рукъ пьютъ пиво, настоящее шалфеемъ, и ѣдятъ съ масломъ и хлѣбомъ сырой искрошенный шалфей.

Если на глазу *ячмень*, совѣтуютъ три раза придавить его горячимъ ячменнымъ или ржанымъ хлѣбомъ, который потомъ, говорятъ, надо бросить собагѣ.

У кого *одеревянѣлъ* или *отнялся языкъ*, полощутъ его горчицей, настоянной въ горячей водѣ.

На мѣста, пораженные *рожею*, прикладывается непряденная хлопчатая бумага.

Прикладываютъ слой свиного жира, перемѣняя чрезъ два часа.

Если опухли *железы*, растворяютъ въ молокѣ бѣлое мыло и прикладываютъ къ нимъ въ видѣ густой припарки.

Въ боли *желудка* прикладывается къ больному мѣсту холодная смѣсь, сдѣланная изъ свѣжаго хрѣна (тертаго), разведеннаго уксусомъ.

Отъ коликъ въ желудкѣ, корчей и отвердѣнія матки употребляется какъ втираніе, конопляное масло.

Отъ *рызи* въ животѣ берутъ пупокъ домашнихъ птицъ (свѣжихъ, снимаютъ верхнюю перепонку и сушатъ въ печи, въ легкомъ жару; затѣмъ обращаютъ его въ порошокъ, просѣиваютъ и хранятъ въ стеклянномъ сосудѣ. Страдающему рѣзью въ животѣ даютъ этого порошка въ рюмкѣ простого вина ложку, а дѣтямъ—сообразаясь съ возрастомъ.

Отъ коликъ живота, особенно почечуиныхъ и происходящихъ отъ женскихъ мѣсячныхъ очищеній, берутъ кусокъ фланели, обмакиваютъ его въ горячую наливку изъ ромашки, выжимаютъ и кладутъ на животъ; если припарка будетъ простывать, ее перемѣняютъ.

Отъ *полиповъ* растворяется драхма бѣлаго купоросу въ унцѣ воды; этимъ составомъ увлажняютъ корпю и обкладываютъ ею полипь. Это повторяется отъ 4 до 5 разъ въ день.

Отъ полиповъ носа, по сообщенію одного духовнаго лица, наливаютъ на свѣжую траву спиртъ и, выжавши сокъ, намазываютъ имъ съ помощью кисточки, полипь раза 3—4 въ день.

Перепрылости на ляжкахъ присыпаются обращенными въ порошокъ ягодами шиповника.

Въ *падучей* болѣзни (черная немочь) принимается въ небольшомъ количествѣ грѣтое пиво, обращенный въ порошокъ корень чернобыльника, за $\frac{1}{2}$ часа до припадка или же послѣ оного. Послѣ принятія больной лежитъ въ постели. Если пойдетъ у больного потъ, обтираютъ его. Лѣкарство употребляется черезъ день. Лѣчащіеся не пьютъ водки и избѣгаютъ волненій душевныхъ. Если страдаетъ этой болѣзнию мужчина, совѣтуютъ пить кровь голубя; если же женщина — кровь голубки.

Отъ *подагры* составляется тѣсто изъ муки сарачинскаго пшена, пивныхъ дрожжей и половины соли. Тѣсто намазывается на тряпицы и прикладывается къ подошвамъ ногъ, а ноги обвертываются фланелью. Тѣсто перемѣняютъ черезъ каждые 2 часа. Больной находится въ тепломъ мѣстѣ. Когда боль уймется — ноги обмываютъ теплою водою, въ которую наложены отруби и чухонское масло.

Натираютъ отваромъ изъ овса съ водою, къ которому прибавлены корни цыкорные и медъ.

Растопляется на горячей золѣ масло коровье, снимая съ него пѣну, а когда оно закипитъ, вливается туда столько же винаго спирта или крѣпкой водки въ 40%. Эту смѣсь зажигаютъ, чтобы водка выгорѣла. Оставшимся масломъ натираютъ больныя мѣста.

Въ *скарлатинѣ* натираютъ шею и грудь свинымъ саломъ и парятъ ихъ въ банѣ вѣшникомъ.

Берутъ ветчиннаго сала и простого мыла по 4 фунта; искрошивши ихъ въ куски, толкутъ въ ступѣ; потомъ, выложивши въ кострюлю, или же въ чистый горшокъ, кладутъ туда же съ $\frac{1}{4}$ фун. перещунаго меда и 2 рюмки пѣнаго или хлѣбнаго хорошаго вина. Сосудъ ставятъ на легкой огонь и, когда все соединится, размѣшиваютъ и выливаютъ въ банку. Намазавши эту мазь на чистый лоскутокъ холстины, прикладываютъ къ опухоли горла и къ груди, а при опухоли груди и стѣсненномъ дыханіи покрываютъ сверху чѣмъ-нибудь шерстянымъ и мажутъ мазью руки и ноги. Такъ поступаютъ до выздоровленія, поя больного въ то же время настоемъ огородной (простой) мяты съ медомъ. Больной долженъ пребывать въ комнатѣ до 3 недѣль и избѣгать простуды.

Пораженныхъ *тромомъ*, раздѣвши до-нага, зарываютъ въ землю, кромѣ головы, при чемъ голова должна быть выше.

Раздѣвши пораженного, кладутъ его на солому головой выше; затѣмъ трутъ тѣло сухимъ сукномъ и кладутъ подъ душку пучекъ мяты, обмокнутый въ водку, а голову обвязываютъ обмоченнымъ въ холодной водѣ полотенцемъ. Когда тѣло начнетъ краснѣть и согрѣваться, зарываютъ тѣло кромѣ головы въ сухую землю на четверть (лучше въ черноземъ). Если будутъ показываться признаки жизни, дадутъ немного теплаго вина. Когда

откроетъ глаза, уносятъ въ избу, а если это случится въ полѣ— кладутъ на солому или сѣно, покрываютъ до плечъ и пьютъ мятнымъ чаемъ.

Отъ *судорогъ* натираютъ боляшія мѣста горячимъ ромомъ.

Держать въ рукахъ куски желѣза.

Натираютъ больныя мѣста пробками изъ бутылокъ и горчичнымъ масломъ.

Если *растрескиваются* руки, а равно и вымя у коровы, натираютъ разжеваннымъ сѣменемъ конопли.

Трещины на грудяхъ женщинъ натираютъ: а) несоленнымъ чухонскимъ масломъ; б) разжеваннымъ сѣменемъ конопли; в) масломъ яичнаго желтка, поджариваемымъ на свѣчкѣ. Взбалтываютъ въ бутылкѣ яичный бѣлокъ, смѣшанный съ равнымъ количествомъ хлѣбной водки, и этою смѣсью намазываютъ трещины на соскахъ грудей.

Къ *опухольямъ* грудей у женщинъ прикладываютъ мяту.

Для очищенія головы отъ *шелудей* составляется такое лѣкарство. Кладутъ живыхъ лягушекъ въ муравленый горшокъ и, закрывши, крышку замазываютъ, чтобы паръ не выходилъ изъ горшка. Горшокъ этотъ ставятъ нѣсколько разъ въ печь, чтобы находящіяся въ немъ лягушки высохли. Когда онѣ высохнутъ и простынутъ, обращаютъ ихъ въ порошокъ. Когда порошокъ готовъ, намазываютъ голову больного ветчиннымъ саломъ и посыпаютъ означеннымъ порошокомъ; затѣмъ голову покрываютъ пузыремъ и обвязываютъ платкомъ, чтобы порошокъ присталъ къ головѣ. Черезъ сутки все это снимаютъ и еще намазываютъ на голову сала, но порошокомъ не посыпаютъ, а завязываютъ голову для тепла. Чтобы не было на головѣ морщинъ, мажутъ еще.

Мокотъ еще шелуди часто французскою водкою.

Обмываютъ голову отваромъ сажы (2 горсти сажы на 1 фунтъ воды, что варятъ $\frac{1}{2}$ часа и выжимаютъ жидкость).

Ужаленныя пчелой мѣста натираютъ брѣнѣемъ, составленнымъ изъ земли и собственной мочи, вынувши жало. Намазываютъ сокомъ изъ свѣжихъ головокъ мака.

Отъ *водобоязни*, являющейся вслѣдствіе укушенія бѣшеными животными, пьютъ уксусъ по 1 фунту утромъ и вечеромъ.

Возбуждаютъ въ банѣ сильную испарину.

Пьютъ орѣховое масло, а на рану прикладываютъ компрессъ изъ холстины, напитанной названымъ масломъ.

Берутъ корешокъ шильника, обращаютъ его въ порошокъ и, посыпавши имъ коровье масло, намазанное на хлѣбъ, ѣдятъ.

Обмываютъ рану теплымъ виннымъ уксусомъ, восплакиваютъ ее и, обсушивши, наливаютъ туда нѣсколько капель хлористоводородной кислоты. Этимъ лѣкарствомъ вылечилъ одинъ діаконъ своего работника.

Если *ужалила змѣя*, укушенное мѣсто намазываютъ деревяннымъ масломъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ брюхомъ живыхъ лягушекъ, переменяя ихъ, какъ скоро будутъ околовать.

Въ минуту укушенія на ранку кладутъ разжеванную соль.

Пьютъ сокъ ясеня, прикладывая листья, изъ коихъ выжать сокъ.

Прикладываютъ къ ранкѣ разрѣванный на куски лимонъ. Сверху лимона опухшее мѣсто обкладывается простоквашею, поремѣняя ее, если будетъ твердѣть.

Отъ *кожуха* даютъ дѣтямъ теплую смѣсь сушеной малины съ краснымъ медомъ по 1 столов. ложкѣ часа черезъ 3 въ день, прибавляя туда отъ 3 до 6 капель свѣчнаго сала, и въ то же время прикладываютъ къ груди напитанную свѣчнымъ саломъ синюю сахарную бумагу, проколотую булавками во многихъ мѣстахъ. Смѣсь составляется такъ. Завариваютъ въ чайникѣ горсть сушеныхъ ягодъ и даютъ настояться на самоварѣ; настой сливаютъ въ другой чайникъ и распускаютъ въ немъ 1 ложку красного меда, въ которомъ прежде былъ погруженъ раскаленный конецъ толстаго желѣзнаго гвоздя.

Поятъ морсомъ калины.

Отъ *кровозарканія* пьютъ холодную воду, оставаясь въ холодной комнатѣ, держа притомъ ноги въ теплѣ.

Отъ *кровотеченія изъ юрла* пьютъ растворъ поваренной соли, примѣрно 1 ложку въ стаканѣ холодной воды, а при сильномъ и опасномъ кровотеченіи глотаютъ черезъ 15 мин. по чайной ложкѣ сухой соли.

Противъ *задержанія крови у женщинъ*, особенно незамужнихъ, одержимыхъ бѣлою немочью, пьютъ дождевую воду по 1 бут. ежедневно въ продолженіе отъ 6 до 12 недѣль. Пьютъ натоцакъ анисовое масло въ виноградномъ винѣ.

Чтобы *остановить кровотеченіе*, кладутъ на уголья въ жаровню шалфей, и надъ дымомъ остановится женщина.

Отъ выпаденія *матки* у женщинъ послѣ родовъ даютъ пить настой травы забирюхи. Послѣ родовъ пьютъ настой травъ: золотой и перелойной.

Отъ *выхожденія матки* составляется еще слѣдующее средство. Наставляютъ водку въ теченіе 12 сутокъ травами: тысячелистникомъ бѣлымъ, звѣробоемъ и душицей, и такимъ настоємъ поятъ больныхъ.

Въ *маточныхъ* и вообще внутреннихъ боляхъ женщины пьютъ коренья крапивы и звѣробой. Если матка имѣетъ неправильное положеніе, и вслѣдствіе этого женщина не рождаетъ дѣтей, принимаютъ по утрамъ натоцакъ по 1 стол. ложкѣ калгану въ водѣ, а по вечерамъ ложку полыни.

Бѣлый тысячелистникъ служитъ средствомъ, останавливаю-

щимъ регулы, а красный—возбуждающимъ; поэтому въ предотвращеніе беременности, чтобы вызвать регулы, пьютъ красный тысячелистникъ.

Чтобы беременная женщина не *сыжинула*, поятъ ее сорокаобъденнымъ ладаномъ. Совѣтуютъ поить настоємъ травы гогоноя, которая растетъ во пняхъ, съ шишкой.

Отъ кровотеченія употребляется еще трава желтоцвѣтъ.

Для лѣченія *молочницы* совѣтуется смѣшать столовую ложку меда съ $\frac{1}{2}$ чайной ложки пережженного черваго перца и мазать этой мазью больныя мѣста во рту.

Кто впалъ въ *обморокъ*, подросать къ носу кислый хлѣбъ.

Даютъ пить немного бѣлаго уксусу.

Отравившіеся сушеной принимаютъ порошокъ древеснаго угля по чайной ложкѣ каждый часъ вмѣстѣ съ отваромъ ячменя.

Пьютъ рвотное изъ 1 чайной ложки мелкой горчицы въ стаканѣ теплой воды.

Принимаютъ также въ отравленіяхъ яичный бѣлокъ съ молокомъ и сахарную воду.

Чтобы *отравить* мозгъ въ головѣ, получившій сотрясеніе, предварительно мѣряютъ голову лентообразнымъ мочаломъ, для чего обтягиваютъ голову означеннымъ мочаломъ, проводя имъ по лбу, вискамъ и концамъ ушей, и на мочалѣ дѣлаютъ углемъ черточки, показывающія средину лба и концы ушей; затѣмъ мочало снимаютъ и, согнувши его въ той чертѣ, которая показываетъ средину лба, смотрятъ, пришлись ли черточки, указывающія средину ушей въ одно мѣсто. Если черточки сошлись, значитъ мозгъ не получилъ сотрясенія, и, слѣдовательно, причина боли въ головѣ—не отъ сотрясенія мозга; если же черточки не сошлись—мозгъ получилъ сотрясеніе, и въ такомъ случаѣ вправляютъ его слѣдующимъ образомъ. Больной беретъ въ зубы рѣшето или сито такъ, чтобы лицо пришлось въ ситѣ и, поднявши руки, онъ самъ или иной кто, ударяетъ кулаками по стѣнкамъ рѣшета вдругъ; отчего мозгъ приходитъ въ легкое сотрясеніе, чѣмъ и принимается, говорить, прежнее положеніе. Нѣкоторые берутъ голову больного правой рукой за подбородокъ, а лѣвой—за макушку и потряхиваютъ; затѣмъ берутъ правой рукой за лобъ и лѣвой за затылокъ и тоже потряхиваютъ. Такая операція повторяется нѣсколько разъ въ одинъ пріемъ. Или же садятъ больного на лавку или стулъ и надѣваютъ ему на затылокъ полотенце; затѣмъ, взявши полотенце за оба конца, потряхиваютъ голову.

Подавившагося кускомъ хлѣба ударяютъ по спигѣ кулакомъ.

Отъ *болѣзни и шума въ ушахъ* ставятъ въ больное ухо свѣчку, для чего свертывается въ трубку листъ вошеной бумаги и, вставивши его въ ухо, зажигаютъ.

Отъ *жара* въ ногахъ и головѣ прикладываютъ къ затылку и подошвамъ: а) хлѣбный мякишъ съ уксусомъ; б) изрубленную се-

ледку; в) глину съ уксусомъ; г) соленую капусту, которую, кромѣ сего, прикладываютъ и ко лбу. Внутрь отъ жара принимаютъ: уксусъ, ягоды брусники и клюквы.

Площигъ истребляютъ табачнымъ дегтемъ, вынимаемымъ изъ чубука.

Отъ *пьянства* принимается внутрь корень чемерицы, обращенный въ порошокъ, въ винѣ.

Кому являются *привидѣнія*, совѣтуютъ класть на окно траву лебеду.

Страдающимъ *куриной слѣпотой* совѣтуютъ ѣсть до-сыта печень животнаго.

Совѣтуютъ еще заколоть курицу и, вынувши изъ нея печень, изжарить такую на лучинкѣ надъ горячими угольями, чтобы не подгорѣла; затѣмъ разрѣзать ее вдоль и приложить горячія половинки разрѣзанными сторонами къ закрытымъ вѣкамъ.

Знахари совѣтуютъ еще слѣдующее средство. Надо, по словамъ ихъ, ходить по утрамъ и вечерамъ, когда курицы будутъ сидѣть на насѣстахъ, въ курятникъ и умываться тамъ. Это повторяется до 3 разъ.

Нѣмого ребенка бабы носятъ подъ первый ударъ колокола къ заутренѣ въ первый день Пасхи.

Отъ *вередъ* лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Обводятъ вередъ, въ началѣ появленія его, безымяннымъ пальцемъ три раза, говоря: „Пальпу имени нѣтъ, чирью мѣста нѣтъ“, и послѣ каждого раза придавливаютъ больное мѣсто пальцемъ; затѣмъ, послѣ вередъ, придавливаютъ тѣмъ же пальцемъ и въ тотъ же мягъ сукъ, говоря: „какъ сукъ сохнетъ, такъ же сохни и ты, чирей“. Это повторяется 3 раза.

Прикладываютъ: а) листья полевого ладана; б) на тряпочкѣ пластырь, составленный изъ краснаго меду, муки и печенаго лука, стертыхъ въ тѣсто; в) печеный лукъ; г) варъ съ саломъ и д) мыло съ солью.

Отъ *воспаленія легкихъ* принято слѣдующее средство. Кипятятъ въ одномъ сосудѣ пиво, малину, медъ и водку и поятъ больного; послѣ принятія лѣкарства велятъ больному лечь на печь и одѣться.

Отъ *уроковъ* нашептываютъ на воду, въ которую опущены: уголь, соль и печинка (кусокъ глины, выковырянный изъ связи печныхъ кирпичей) слѣдующій заговоръ:

“Заговариваю я, раба Божія (имя заговаривающей знахарки), отъ стрѣшши и поперешни, отъ озевища, отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго, рыжаго, черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго (бросающаго нескромные взгляды на женщину), отъ глаза сѣраго, чернаго, отъ двоезубаго, троезубаго, отъ двоеженца и троеженца. Какъ заря Амнитрія переходила и потухала, такъ и изъ раба Божія (или рабы, имя рекъ) всякіе

недуги напущенные исходили бы и потухали. Какъ изъ булату, изъ сняго укладу каменемъ огонь выбиваютъ, такъ бы и изъ раба Божія (имя рекъ) всѣ недуги и порчи словами моими вышибало и выбивало. Ты, притка, приткина мать, болѣсти, уроки, призоръ очесь! подите прочь отъ раба Божія (имя больного) во темные лѣса, на сухія дерева, гдѣ народъ не ходитъ, скотъ не бродитъ. птица не летаетъ, звѣрье не рыщетъ. Соломонида-бабушка, Христоправушка, Христа мыла правила, намъ окатыши оставила. Запираю заговоръ свой тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами, и слова мои крѣпче кремня, острѣе булату. Аминь. “Въ заключеніе знахарка дуетъ на воду съ углемъ, солью и печинкой три раза и брызжетъ больного.

Внутрь принимаютъ настой урочной травы.

Обмываютъ икону, взятую съ божницы, и водой брызжутъ въ лицо больному.

Берутъ изъ печи три горячихъ уголька и кладутъ ихъ въ чашку съ водой; затѣмъ нашептываютъ такой заговоръ:

„Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, подъ часты звѣзды, подъ свѣтелъ мѣсяцъ на Кіянъ-море. На Кіянъ морѣ на златомъ престолѣ сидитъ самъ Господь; крестомъ крестить, рукой градить отъ причища, отъ урочища, отъ озевища, отъ стрѣчища и поперечища. Какъ Господь укрѣпляетъ небо и землю, такъ раба (имя больного) укрѣплю отъ 12 болей отъ 12 скорбей. Слова мои запираю 77 замками 77 ключами. Всѣ ключи въ воду бросаются, всѣ боли унимаются. Аминь.

Нашептанной водой брызжутъ въ лицо больному и даютъ ему пить эту воду; затѣмъ остальная вода съ углями выливается во дворъ. По словамъ знахарей, если положенные въ воду уголья затрещали—признаки уроковъ несомнѣнны. Такими признаками считаются еще холодныя уши больного.

Къ средствамъ врачеванія причисляются еще слѣдующія *погрѣя и предрасудки*.

Противъ выкидышей пьютъ порошокъ, получаемый отъ выскоблыванія съ иконы изображенія рукъ и ногъ.

Замерзшему, говорятъ, заткни задній проходъ рукавицей и катяй его на саняхъ или на телѣгѣ прытко, и онъ оживетъ; если при этомъ выдернешь рукавицу, замерзшій издастъ звукъ, и съ этимъ звукомъ выйдетъ изъ него душа.

Кто ночью бормочетъ или *бредитъ во снѣ*, объ этомъ, если услышишь, не говори никому: самъ будешь бормотать.

Больного напоить водой съ землей, взятой изъ-подъ окна овина. Если напоить его этой водой, онъ скоро выздоровѣетъ; если же суждено ему умереть—скоро умретъ. Такимъ образомъ земля эта

служить средствомъ, ускоряющимъ или выздоровленіе, или же смерть.

Коснемся и нѣкоторыхъ другихъ совѣтовъ и рецептовъ, принятыхъ въ домашнемъ быту или для огражденія себя отъ враговъ, колдуновъ и вообще опасности, или же отъ безпокойства, причиняемаго насѣкомыми клопами и тараканами.

Отъ колдуновъ и враговъ, кромѣ описанныхъ нами выше изъ остатковъ старинной рукописи травъ, употребляются, какъ амулеты: а) воскомастика; б) сорокаобъденный ладанъ; в) монета-протогвикъ съ изображеніемъ на ней императора или императрицы съ обращеннымъ противъ солнца лицомъ; г) трава плакунъ; д) трава Христовъ посохъ; е) трава земляной ладанъ; ж) трава Петровъ крестъ; з) трава Богородицыны слезки и и) трава марьиный корень, которыя употребляются и противъ укушенія змѣй, и скорпія.

Отъ таракановъ въ употребленіи: 1) багунъ съ цвѣтомъ калиновымъ и корой черемуховой, которые кладутъ въ печь и не входятъ послѣ того въ избу нѣсколько дней, пока не выйдетъ духъ; 2) конопля съ яичными скорлупами, которыя бросаютъ въ истопившуюся печь, послѣ того, какъ будетъ закрыта труба; 3) зеленая краска кропъ, которой пылатъ мѣста, гдѣ находятся тараканы; 4) пережженная на сковородѣ и смѣшанная съ гороховой мукой бугра; 5) сырое тѣсто съ фосфоромъ отъ зажигательныхъ спичекъ.

Что же касается клоповъ, то ихъ, по мнѣнію простолюдина, можно выжить только симпатическими средствами:

1) Надо найти случайно (а не искать) зубъ отъ бороны и дотолкать его до дому пинками, а въ руки вовсе не брать и не задѣвать даже ими. Когда допихаешь до избы, положи его подъ матицу, поддерживающую потолочную настилку—и клоповъ не будетъ; 2) надо найти случайно (а не искать) лошадиное копыто, но какъ поступить съ нимъ—знахари не сообщаютъ; 3) вечеромъ въ петровское заговѣнье, послѣ того, какъ всѣ въ семьѣ заговѣются, одинъ изъ семьи, когда со стола будутъ убраны объѣдки и посуда, долженъ выйти во дворъ и стать подъ окно и тамъ, ударяя въ окно палкой, спрашивать находящихся въ избѣ:

— Дома ли хозяева?

— Дома,—должно имъ отвѣчать.

— На что ихъ?

— У васъ сегодня заговѣнье. Заговѣлись ли вы?

— Заговѣлись.

— А клопы-то чѣмъ заговѣлись?

— Клопы заговѣлись такъ: клопъ влопа съѣлъ, кто остался—самъ себя съѣлъ.

— Не будетъ ихъ отнынѣ довѣку.

4) Когда прїѣдетъ къ хозяину, желающему избавиться отъ клоповъ, кто-нибудь на сивомъ конѣ, у котораго хвостъ былъ бы черный, поймай незамѣтно ни для кого трехъ клоповъ, завяжи ихъ въ бѣлую тряпку и иди къ сивому коню, говоря: „сивая лошадь! веди всю клоповью силу“, и, привязавши тряпку къ гривѣ или хвосту коня, уйди. Все это должно быть сдѣлано, какъ мы уже говорили, тайно, такъ, чтобы никто даже изъ семейныхъ не зналъ, и прїѣхавшій на сивомъ конѣ былъ бы не родственникъ, лучше всего, если будетъ онъ иноплеменникъ; 5) брось въ печь живую лягушку и три дня не ходи въ избу, и 6) поймай трехъ клоповъ, положи ихъ въ старый брошенный лапоть и перетащи съ заговоромъ за дорогу, т. е. на другую сторону улицы. Слова заговора составляютъ секретъ знахарей.

Гр. Верещагинъ.

5 севр. 1892 г. Деревня Дзальшуръ, Саранульскаго уѣзда, Вятской губ.

СМѢСЬ.

„Женитьба кѣмина“.

(Изъ записокъ собирателя).

Изъ массы вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, переполняющихъ и переплетающихъ жизнь русскаго крестьянина сѣверо-западнаго края, между прочимъ, выдается выпуклымъ отпечаткомъ слѣдовъ глубокой древности обрядъ „женитьба кѣмина“, встрѣчаемый среди населенія Пинскаго полѣся. Добросовѣстное описаніе этого обряда мнѣ удалось добыть, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, не воспользоваться которыми я считалъ для себя грѣхомъ. Здѣсь нахожу нужнымъ и умѣстнымъ рассказать вкратцѣ исторію этой добычи, не безынтересной, какъ мнѣ кажется, для будущихъ собирателей и любителей народовѣднія. Этотъ рассказъ можетъ, до извѣстной степени, послужить, кстати, и отвѣтомъ на неоднократно и съ давнихъ поръ обращаемый ко мнѣ съ разныхъ сторонъ вопросъ: какими-де способами и путями я пользовался для пополненія данныхъ по взятой мною на себя этнографической, многосложной задачи?

Осенью 1877 г., будучи въ первый разъ въ Минскѣ-губернскомъ, я, въ бесѣдѣ съ учителемъ словесности тамошней гимназій О. В. Шолковичемъ, отъ котораго я допытывался указаній о томъ, на какіе предметы бытовой и духовной жизни сельскаго населенія края преимущественно мнѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, получилъ отъ него, между прочимъ, легкій намекъ на существовавшій во дни его юности какой-то обрядъ „женитьба кѣмина“ у крестьянъ Мозырскаго уѣзда, гдѣ тогда его отецъ былъ сельскимъ священникомъ. Этотъ намекъ я намоталъ себѣ на усъ и все ждалъ и выжидалъ счастливаго случая къ ближайшему знакомству съ этимъ загадочнымъ обрядомъ—лично или чрезъ посредство достовѣрныхъ мѣстныхъ наблюдателей. Въ концѣ лѣта 1883 г., съ открытіемъ перваго участка линіи полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ ст. Жабинка до Пинска, такой случай мнѣ и представился, и 15-го августа, въ день Успенія, съ утреннимъ поѣздомъ, я отправился въ Пинскъ, гдѣ остановился въ еврейскомъ, такъ называемомъ „заѣздомъ домѣ“. Тотчасъ по пріѣздѣ я чрезъ фактора пригла-

силъ къ себѣ мѣстнаго приходскаго учителя, оказавшагося еще въ городѣ, показалъ ему циркуляръ директора народныхъ училищъ Минской губерніи объ оказаніи мнѣ содѣйствія по собиранію памятниковъ народнаго творчества и объяснилъ ему суть моей настоящей просьбы. Онъ, какъ оказалось вскорѣ, не совсѣмъ ее понималъ и пустилъ о ней по городу слухъ въ своей собственной редакціи. На другой день я сдѣлалъ визитъ директору реальн. уч. г. Бѣлюковичу котораго засталъ въ какомъ-то грустномъ настроеніи, (какъ я послѣ отъ него узналъ) по поводу предложенной изъ округа отставки, за выслугою лѣтъ, законоучителю вѣрненнаго ему училища, хотя почтенный іерей еще въ силахъ, бодръ и весьма ретиво и точно исполняетъ при училищѣ обязанности преподавателя Закона Божія и пѣнія и желалъ бы послужить еще хоть годика два. Ходатайство же его, директора, въ округѣ о продленіи означеннаго срока службы священнику, о. Грудницкому, оказалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „И вотъ что,—заклучилъ свой рассказъ гуманный директоръ,—меня печалитъ и беспокоитъ“. При этомъ рассказѣ у меня въ головѣ блеснула мысль попытаться замолвить словечко въ пользу ходатайства г. Бѣлюковича новому тогда помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа, г. Куну, который почему-то съ перваго же дня моего знакомства съ нимъ постоянно выказывалъ ко мнѣ какое-то особенное благоволеніе. „Авось, думалось мнѣ, если и попытка не шутка, то и спросъ не бѣда.“ Я сообщилъ эту мысль своему собесѣднику. Онъ съ радостью за нее ухватился и предложилъ мнѣ тотчасъ же отправиться къ батюшкѣ. Мы и поѣхали. Батюшка принялъ насъ очень радушно и, узнавъ о цѣли моей поѣздки, очень ею заинтересовался. Мы пробесѣдовали съ нимъ часа два. А когда пришло намъ время отправиться по домамъ, почтенный хозяинъ, провожая насъ, замѣтилъ, что въ кухнѣ, мимо которой намъ пришлось проходить и куда въ эту минуту была отворена дверь, на полу валяются лохмотья цвѣтовъ, травъ, цвѣточныхъ гирляндъ и зерна разнаго рода злаковъ. Это, какъ было видно, его нѣсколько сконфузило, и онъ, обратясь къ намъ, поспѣшилъ сказать: „Извините, пожалуйста, этотъ маленькій безпорядокъ: вчера меня не было дома, и моя работница вздумала вмѣстѣ со своими знакомыми дѣвушками и бабами прѣдновать «женитьбу комина» и вотъ до сихъ поръ не успѣла убрать кухню“. Я такъ и оторопѣлъ. „Что вы, батюшка, говорите!—чуть не вскричалъ я отъ радости:—у васъ здѣсь еще существуетъ этотъ замѣчательный обрядъ! Вѣдь я сколько ужъ лѣтъ ишу его, стараюсь изо всѣхъ силъ пасть на какіе-нибудь слѣды его существованія—и все напрасно. Вы крайне бы меня обязали, если бы взяли на себя трудъ описать этотъ обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ совершается здѣсь въ городѣ, а если можно, и въ окрестныхъ деревняхъ его уѣзда.“ Батюшка изъяснилъ мнѣ тутъ полную

готовность исполнить мое желаніе, когда соберетъ достаточное количество соотвѣтствующихъ данныхъ для провѣрки основы и обстановки интересующаго меня обряда на Пинщинѣ. Такъ мы и расстались.

На слѣдующій день утромъ, только что я успѣлъ встать съ постели, одѣться и выпить чаю, какъ вдругъ слышу женскіе голоса изъ корридора: „Что г. Шейнъ всталъ уже? Можно къ нему зайти?“ — „Можно“, — слышу, отвѣчаетъ факторъ. Вопросительница не рѣшилась, однако, войти и попросила его прежде доложить. Я, разумѣется, велѣлъ ихъ просить. Входятъ двѣ порядочно одѣтыя жепщины — одна пожилая, другая довольно еще молодая, лѣтъ 20. Старшая тотчасъ по входѣ заговорила скороговоркой цѣлый докладъ о томъ, что она бѣдная вдова, что у нея двое дѣтей, живетъ здѣсь въ городѣ для малолѣтнаго сына, который учится въ третьемъ классѣ здѣшняго реального училища, и что она сочла бы для себя большимъ благодѣаніемъ, если бы начальство округа нашло возможнымъ предоставить вотъ этой ея дочери, занимающей мѣсто народной учительницы въ такомъ-то мѣстечкѣ Киевской губерніи, такую же должность въ одномъ изъ ближайшихъ къ городу сель Пинскаго уѣзда. Тутъ только я повялъ, что эта добрая женщина принимаетъ меня за какого-то чиновника высшаго полета, власть имѣющаго вязать и разрѣшать. Я, разумѣется, счелъ нужнымъ немедленно вывести эту наивную провинціалку изъ такого заблужденія и разъяснилъ ей, въ чемъ суть моей миссіи, и прибавилъ, что я хотя и не сановный чиновникъ и не начальникъ, но, будучи довольно хорошо знакомъ съ директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи, я готовъ при первомъ свиданіи съ нимъ замолвить ему словечко въ пользу ея ходатайства. Замѣтивъ, что моя посѣтительница заинтересовалась моей задачей, я рассказалъ ей о своемъ вчерашнемъ счастливомъ открытіи у священника на счетъ „женитьбы комна“. При послѣднихъ моихъ словахъ она, какъ бы обрадованная чѣмъ-то ей знакомымъ, вдругъ обращается къ дочери и говорить: „Маша, вѣдь ты, помнитъ мнѣ, тоже что-то въ этомъ родѣ рассказывала о женитьбѣ свѣчки?“ — „Да, мама, — успѣшила отвѣтить дочка, — я видѣла обрядъ подъ этими названіемъ въ мѣстечкѣ N Киевскаго уѣзда“, и тутъ же передала мнѣ на словахъ содержаніе этого обряда. Я попросилъ ее изложить рассказанное письменно. Она весьма охотно приняла мое предложеніе и на другой же день доставила мнѣ обѣщанное описаніе.

Не такъ-то скоро сдержалъ свое слово уважаемый законоучитель. Только спустя полгода, если не больше, когда, съ одной стороны, благодаря удачному ходатайству покойнаго Куна, осуществилось его желаніе относительно отсрочки грозившей ему отставки, а съ другой, когда ему удалось собрать нужныя провѣрочныя свѣдѣнія для интересующаго меня обряда, я получилъ отъ

него довольно обстоятельное описание въ сопровожденіи благодарственнаго письма о случайной моей инициативѣ въ пользу его дѣла.

Ниже помѣщаю оба описанія, ставя на первомъ мѣстѣ болѣе полное описаніе изъ Пинскаго уѣзда.

1) *Обрядъ «женитьбы комина» въ г. Пинскѣ и его уѣздѣ.*

„Въ городѣ Пинскѣ и его окрестныхъ деревняхъ издревле существуетъ обычай ежегодно, 1-го сентября, совершать обрядъ подъ названіемъ „женитьбы комина“. Коми́нъ—это труба, служащая для выхода дыма изнутри жилища наружу. Трубы эти въ хатахъ полѣвскихъ крестьянъ бывають болѣею частью двухъ родовъ: а) большая, выведенная прямо изъ печи черезъ потолокъ на крышу хаты, и б) меньшая, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ печи; она называется и „лучникомъ“, отъ лучины или смоловыхъ щепокъ, которыми обыкновенно пинчуки или полѣшники освѣщаютъ свои хаты. Къ этой-то меньшей трубѣ, выплетенной изъ камыша и обмазанной глиною, подвѣшивается желѣзная рѣшетка, на которой и жгутъ лучину.

Большую часть домашнихъ своихъ работъ, по окончаніи полевыхъ, наши пинчуки производять обыкновенно по утрамъ рано, далеко до разсвѣта, при свѣтѣ горящей лучины, и это-то время называется „досвѣткомъ“. Тутъ мужчины изготовляють телеги, плетуть коши и вообще производять разныя сельскохозяйственныя принадлежности, а женщины прядуть ленъ, шерсть, ткуть полотно и шьютъ бѣлье и пр. Чтобы заохотить семью—дѣтей, слугъ, временныхъ работниковъ-батраковъ къ такой ранней утренней работѣ и сдѣлать ее для нихъ какъ бы обязательной съ 1-го же сентября, то во всѣхъ почти домахъ женятъ „коми́на“, т. е. большую печную трубу, а гдѣ есть—и меньшую.

Если 1-е сентября (день св. Семена, т. е. Симеона Столпника) приходится на постный день, то празднество это откладывается до слѣдующаго дня. Тогда уже съ самаго утра хозяйка дома начинаетъ печь оладьи, блины и по мѣрѣ своихъ средствъ приготовляетъ сытныя блюда къ ужину, а хозяинъ, съ своей стороны, уже заблаговременно старается запастись къ этому дню водкой, медомъ и пивомъ. Изготовивши все нужное къ ужину, хозяйка опоясываетъ трубу и лучникъ новыми ручниками (угральниками), а молодежь убираетъ ихъ уцѣлѣвшими въ полѣ и въ огородѣ цвѣтами. Столъ накрывается новою скатертью и ставится при самой печи или подъ лучникомъ, а какъ только на дворѣ стемнѣетъ, въ хату собирается вся семья. Старшій изъ ея членовъ читаетъ молитву, послѣ чего всѣ разсаживаються чинно, по воз-

расту, за столъ, и начинается угощеніе. Хозяинъ наливаетъ рюмку водки, выливаетъ изъ нея по нѣскольку капель на одну и другую трубу и произноситъ предлинное благожеланіе, вроде слѣдующаго:

„Поздорѡвъ, Боже, дедуся, бабуся, дядька, дѣтки, челяднички, пріятелей и добродѣвѣвъ! Подвысь, Боже, храмъ Господень, щобъ слава Божая не уставала и мѣръ Божій ко храму наворочала. Защиты, Господы, худобку: коньки, волюки, коровки для дитокъ и всякую скотынку. Зароды, Боже, хлѣбець, жито, пшеницю и всяку пашныцю. Защиты, Господы, пчѣлки, вынесь ихъ на красну весну, кому Богъ давъ старанье! Приспорь медку и вощечку, на свѣчу до храму Господня. Дай Боже, челядочцы охоту раненько вставаты, при свитли працоваты. Дай Боже, щобъ нашѣму роду не бѣло переводу, а этые рѣки (указывая на водку) щобъ текли у насъ на вики“, и проч.

По окончаніи этого поздравленія онъ цѣлуетъ руки у старѣйшаго въ семействѣ по лѣтамъ, выпиваетъ рюмку до дна, наливаетъ ее снова водкою и, накрывъ ее оладьей или кускомъ блина, передаетъ слѣдующему. Тотъ, получивъ рюмку, снимаетъ съ нея оладью, прыскаетъ нѣсколько капель водки на обѣ трубы, произноситъ подобное же длинное поздравленіе, цѣлуетъ руки у очереднаго старѣйшаго, выпиваетъ водку и передаетъ рюмку тѣмъ же порядкомъ слѣдующему. Такимъ образомъ поздравленія или благожеланія эти повторяются поочередно всѣми сидящими за столомъ съ различными варіаціями, пока, наконецъ, кто-нибудь изъ послѣднихъ батраковъ не скажетъ: „Въ школи не вчився, виншоваты не смудрився“. Первая круговая рюмка такимъ порядкомъ переходитъ отъ однихъ до другихъ застольниковъ очень медленно—болѣе часа, вторая же идетъ уже скорѣе, безъ лишнихъ прибаутокъ, а слѣдующія за нею рюмки передвигаются еще быстрѣе, въ перекрестную, безъ всякаго соблюденія очереди.

Когда вся семья успѣетъ закусить, повеселѣетъ и у всѣхъ развяжутся языки, хозяйка приноситъ въ фартукѣ сѣмячки (гарбузныки), сыплетъ ихъ на трубы, а на столъ кладетъ „ласоци“: пряники, бублики, яблоки, гнилыя груши, калину, клюкву и т. п., а хозяинъ приноситъ миску меду—свѣжихъ сотовъ. Молодежь собираетъ разсыпанныя сѣмячки и набрасывается на сласти. Тогда хозяйка предлагаетъ молодежи спѣтъ жениху—Кѡмину свадебную пѣсню. При этомъ старшая дѣвка—пѣвица беретъ благословеніе у родителей или старѣйшихъ членовъ семьи и начинаетъ пѣть пѣсню, нарочно приуроченную изстари къ этому обряду, за ней подхватываютъ хоромъ воѣ прочіе присутствующіе:

Мы жъ тебе квитками убрали, А подарочки собирать старымъ.
Бервєночкомъ, рутой опаразали. Коминочку, ты намъ спогадай,
Праця наша—дивка гарненька, Кручу, вѣрчу и буры проганяй.
Полюбыты Комина раденька. Дымъ и сажу несы ворогамъ,
Мы жъ тебе будемо женыты, Свить, охоту и радость пошлы
Горилочку, пиво, медъ пыты. намъ.
Светы жъ, Коминочку, ясненько, Господыня наша, поглядай,
Побужай челядочку раненько: Горилочки и меду подливай.
Шты, прасты, тьаты молодымъ,

Старшіе въ семьѣ часто прерываютъ пѣнье благожеланіями вродѣ слѣдующаго: „щобъ такъ рано вставали и шире працювали, якъ голосно спивали!“ Затѣмъ угощеніе продолжается уже медомъ, пивомъ и сладстями, пока не истощится весь запасъ напитковъ.

Окончивъ семейную пирушку, всѣ отходятъ ко сну, а на другой день всѣ встаютъ уже къ работѣ при свѣтѣ изъ комина-лучника и часто съ самой полуночи. Если кто изъ семьи полѣнится рано встать, то хозяинъ не преминетъ сказать ему съ упрекомъ: „На Семена медъ, пиво любывъ пыты, не лѣнуйся жъ и робыты!“

(Сообщ. священ. законоучителемъ Пинск. реальн. училища В. Леонт. Грудницкимъ въ 1883... г.)

2) Женитьба свѣчки въ Кіевскомъ уездѣ.

Обычай женить свѣчку существуетъ въ Кіевск. у. и подерживается хозяевами ремесленныхъ заведений, которые желаютъ пріохотить своихъ работниковъ и работницъ къ вечернимъ и утреннимъ занятіямъ при огнѣ. Около половины сентября, когда наступаютъ длинные вечера, хозяинъ объявляетъ своимъ работникамъ, чтобы они вечеромъ приходили, „женить свѣчку“. Въ этотъ день у него работаютъ только до обѣда, а подъ вечеръ всѣ рабочіе, одѣтые въ праздничныя одежды, приходятъ въ хозяину, который по ихъ приходѣ посылаетъ за музыкантами. Тогда каждый изъ пришедшихъ рабочихъ беретъ свѣч-

ку и, убравъ ее подъ звуки музыки цѣвѣтами и лентами, зажигаетъ, и затѣмъ всѣ, размѣстившись въ извѣстномъ порядкѣ, подъ предводительствомъ играющихъ музыкантовъ торжественной процессіей обходятъ все мѣстечко отъ одного мастерского заведенія до другого, пока не обойдутъ ихъ всѣ и не возвратятся опять въ томъ же порядкѣ къ своему хозяину. Тамъ въ это время уже готовъ ужинъ, поставлена выпивка и закуска. Послѣ ужина начинается самое разгульное веселье. Рабочіе поютъ пѣсни, пляшутъ, веселятся иногда далеко за полночь. А съ слѣдующаго дня они начинаютъ ужъ постоянно, каждый день—утромъ и вечеромъ, работать при свѣчахъ.

(Запис. народн. учительницей М. Г.)

Изъ двухъ описанныхъ обрядовъ, первый существуетъ и въ Мозырк. у. Минск. губ. и въ Вилейск. у. Виленской губерніи. Описанія его, доставленные мнѣ въ началѣ 80-ыхъ годовъ изъ названныхъ мѣстностей, напечатаны въ III т. моихъ «Матеріаловъ», на стр. 185—187. Время его празднованія и тамъ тоже приурочено народомъ къ первымъ числамъ сентября, чаще къ самому первому, когда впервые начинаютъ работать въ домахъ, такъ сказать, *спдалыныя* работы при огнѣ. Въ Малороссіи этотъ обрядъ изъ деревень и селъ, гдѣ жилища освѣщались до послѣдняго времени, отчасти освѣщаются и теперь, лучиною, перешелъ въ мѣстечка и города, гдѣ дома уже давно освѣщаются свѣчами, вслѣдствіе чего и самый этотъ праздникъ сосредоточился на свѣчкѣ и получилъ названіе „женитьба свѣчки“ приблизительно въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ выше. Къ этому нужно прибавить, что и у сельскаго населенія великорусскихъ губерній первый вечеръ, съ котораго начинаютъ работать при огнѣ, тоже отличается *почѣстной* пирушкой и извѣстенъ подъ названіемъ засидокъ. Чествованіе засидокъ и здѣсь перешло изъ деревни въ городъ, даже въ столицы, въ среду ремесленниковъ, б. ч. выходцевъ изъ деревни, и поэтому весьма понятно, что характеръ даннаго обряда болѣе или менѣе видоизмѣнился, сообразно съ условіями городского быта.

До 1889 года ни „о женитьбѣ кѣмина“, ни „о женитьбѣ свѣчки“ и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать было ни въ нашихъ ученыхъ обществахъ, ни въ литературѣ. Въ означенномъ же году въ № 190 газеты „Кіевлянинъ“ появилась статья: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки“. Эта-то статья вывѣтъ съ напечатанной за 5 лѣтъ передъ тѣмъ (въ № 196 газеты „Заря“ 1884 г.) подъ заглавіемъ „Празднованіе Семѣна въ Кіевѣ, въ ночь съ 1-го на 2 сентября на вохъ мѣстныхъ базарахъ“ подала поводъ почтенному профессору Н. Ѳ. Сумцову выступить въ 1890 году въ „Кіевской Старинѣ“ съ цѣлымъ изслѣдованіемъ о нашемъ загадочномъ обрядѣ, подъ заглавіемъ: „Женитьба

свѣчки“ („Кіев. Стар.“ 1890 г., іюль, стр. 72—87. „Культурныя переживанія“ № 188).

Пересказавъ вкратцѣ содержаніе названныхъ статей и попытку остроумнаго объясненія этого обычая историческимъ путемъ автора статьи въ „Кіевлянинѣ“ (стр. 1—4), нашъ авторъ продолжаетъ такъ: „обыкновеніе „женить свѣчку“ встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется *засидки*. Въ немъ имѣтъ весьма крупнаго элемента—дерева, но свѣчка и здѣсь имѣетъ такое важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ. Засидки бывають 1 сентября. Поработавъ съ полчаса или часъ, затѣмъ устраивають пиршество, поютъ пѣсни“. Далѣе г. Сумцовъ сообщаетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ разнообразныхъ статей объ огняхъ купальскихъ, о „чествованіи дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей на украинскихъ свадьбахъ“ и заключаетъ свои сообщенія слѣдующими словами: „Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свѣчки“ мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варианты обрядоваго чествованія дерева съ возженіемъ свѣчей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной внѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной окраской“. Затѣмъ авторъ вновь приводитъ массу фактовъ „чествованія обрядовыхъ деревьевъ съ возженіемъ свѣчей въ Германіи, Италіи, о свадебной елкѣ, вильцѣ, въ глухихъ мѣстностяхъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголіи, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній“, передаетъ далѣе взгляды нашихъ и иностранныхъ ученыхъ „о чудесныхъ деревцахъ съ возженіемъ свѣчей“, пространно полемизируетъ съ мнѣніемъ покойнаго Потебни относительно священнаго, *мысленнаго* деревца у русскихъ славянъ и заканчиваетъ свою статью изложеніемъ обрядоваго употребленія сѣна и соломы на свадьбахъ въ Великой и Малой Россіи, въ Германіи и древней Индіи, которое, по его мнѣнію, состоитъ въ ближайшей связи съ обрядовымъ чествованіемъ дерева.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе статьи г. Сумцова. Изъ всего сказаннаго довольно, кажется, ясно, что онъ въ обрядѣ „женитьбы свѣчки“ видитъ только слѣды культа дерева, а не огня, хотя изъ приводимыхъ имъ многочисленныхъ фактовъ нѣсколько не выходитъ, что огонь является въ данномъ обрядѣ исключительно для украшенія дерева, а не наоборотъ, т. е., что дерево служитъ тутъ необходимымъ элементомъ для поддержанія огня. Еще сравнѣе мнѣ кажется мысль г. Сумцова приурочивать къ культу дерева купальскіе огни и горящіе костры съ огнемъ въ свадебномъ ритуалѣ (по возвращеніи молодыхъ отъ вѣчанія домой). Никто не станетъ спорить, что на

Руси еще сохранились до нашего времени довольно замѣтные слѣды поклоненія дереву, но чтобы огонь являлся необходимымъ условіемъ его обстановки—этого никакъ нельзя подтвердить фактами. Притомъ, если ужъ обрядъ „женитьбы свѣчки“ напоминаетъ о существовавшемъ въ древнія времена вездѣ на Руси поклоненіи дереву, то почему онъ, т. е. этотъ обрядъ, не называется въ народѣ „женитьбою дерева“? Вѣдь народъ, какъ мы знаемъ, весьма бережно и ревниво сохраняетъ въ своей памяти стародавнія названія даже и тѣхъ слѣдовъ его традиціонныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ для него остался теперь совершенно непонятенъ, какъ, напримѣръ, праздникъ Ярила, Коляды и т. п. Ужъ одно названіе „женитьба свѣчки“, казалось бы въ состояніи внушить изслѣдователю этого обряда естественное сомнѣніе насчетъ первобытности его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Вѣдь вѣрованія, обряды и обычаи народа, какъ извѣстно, зарождаются, крѣпнута и закаляются на первыхъ, низшихъ ступеняхъ его культуры и его осѣдой жизни среди полей и лѣсовъ дремучихъ. А если такъ, то ясно, что въ старинномъ сельскомъ быту русскаго племени всѣхъ видовъ и оттѣнковъ жилища не освѣщались свѣчами. Точно такъ каждый внимательный наблюдатель народной бытовой жизни сразу рѣшитъ безошибочно, что извѣстныя, общепотребительныя поговорки: „игра не стоитъ свѣчь“—не русскаго происхожденія. Поэтому, вслѣдствіе выказанныхъ сейчасъ соображеній мы полагаемъ себя въ правѣ считать сообщенный нами выше вариантъ практикуемаго древняго обряда изъ Пинска самымъ вѣрнымъ и пока—самымъ полнымъ. А то обстоятельство, что этотъ же обрядъ, съ одной и той же почти обстановкой, бытуетъ и доселѣ подъ тѣмъ же ярлычкомъ и въ Мозырскомъ у. Минской губерніи, необходимо должно служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ указаніемъ на то, что онъ нѣкогда существовалъ, а можетъ быть и теперь еще существуетъ среди поселянъ какъ Кіевской губерніи, такъ и другихъ приднѣпровскихъ и приприпетскихъ селеній. Слѣдуетъ только умѣло тамъ поискать хорошенько.

Вообще думается мнѣ, что нашимъ изслѣдователямъ быта и духовной жизни народа не нужно торопиться обобщеніемъ скудныхъ фактовъ, особенно въ области его вѣрованій, обычаевъ, гдѣ пока у насъ такъ мало собрано данныхъ, и это даже относительно малое лежать враздробъ, подъ спудомъ, непроезжительно въ горахъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей, въ архивахъ нашихъ ученыхъ обществъ, и никто доселѣ не подумаетъ прийти на помощь, чтобы издать все это въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ для общаго пользованія.

С. Петербургъ, 30-го мая 1898 г.

П. Шейнъ.

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ТЕАТРА ¹⁾).

IV. „ЦАРЬ МАКСИМИЛИАНЪ.“

(Вариантъ 2-й) ²⁾.

Дѣйствующія лица.

Царь Максимилианъ.	Старикъ (гробокопатель).
Сынъ его Адольфъ.	Еврей.
Спороходъ.	Казакъ (исполняется однимъ лицомъ вмѣстѣ съ Бурманомъ).
Бурманъ	Эсаулъ (исполняется вмѣстѣ съ гуса- ромъ).
Анна	
Марецъ	Смерть (исполняется вмѣстѣ съ ста- рикомъ).
Богиня (Венера), сестра Бурмана.	
Гусарь.	
Докторъ.	

Сперва всѣ актеры обращаются съ привѣтствіемъ къ хозяину дома, куда они пришли для представленія. Они поютъ:

Позволь, позволь, хозяинъ, въ нову горницу войти,
Въ нову горницу войти, вдоль по узенькой пройти.
Это правда, это правда, это правда все была. (*Притѣвъ*).
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго бревна?
Если есть оно, позволь вырубить его.
Нѣтъ ли, нѣтъ ли, у васъ хозяинъ, въ домѣ лишняго вина?
Если есть оно, позволь выпить намъ его.

Адольфъ. А, здравствуйте, господа! Вотъ и я, прибылъ сюда. За кого вы меня почитаете—за русскаго, или за короля прусскаго?

Всѣ. За русскаго.

Адольфъ. Нѣтъ, я не русскій, не король прусскій, я есть царскій сынъ Адольфъ. Ну, тише, господа, черезъ три часа имѣетъ царь Максимилианъ прибыть сюда. Желаете его видѣть?

Всѣ. Желаетъ! (*Входитъ Максимилианъ*).

Максимилианъ. А, здравствуйте, дѣти! Здорово, дѣти! Отчего вы сидите, ничего не говорите? Али языки поприсохли?

Всѣ. Поприсохли!

Мансим. Надо промочить.

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXVII.

²⁾ Записанъ въ Рѣчицкомъ у. Минской губ. въ 1896 г. отъ одного изъ актеровъ, молодого парня, туземца, но съ великорусскою рѣчью.

Всѣ. Постарайтесь.

Мансим. А вотъ, ребята, есть у меня по правую руку пивоваренный заводъ, по лѣвую,—хлѣбный магазинъ. Какъ выкочу бочку-сорокоушку, да черного хлѣба на закуску—довольно съ васъ?

Всѣ. Довольно!

Мансим. Пьяницы!

Всѣ. Хорошо!

Мансим. За это удовольствіе покоряю вамъ село Турещину, Нѣмецину, а третье мѣсто, гдѣ сами пожелаете. А вотъ, ребята, какъ быть въ городѣ Парижѣ, да извините, что уѣзжаю верстъ триста поближе... А вотъ, ребята, какъ я былъ въ городѣ Мидали (Италія?), а извините, что уѣзжаю верстъ триста подаль... (*Подходитъ къ трону*). Охъ ты, Боже мой, для кого этотъ крѣпкій тронъ сооруженъ? Для меня, царя Максимилиана. Самусь на крѣпкій тронъ, трясется земля передо мной, буду судить виновныхъ и невиновныхъ, правыхъ и неправыхъ. Если же я не правильно осужу, занеси меня, Боже, на спяіе море, на желтыя пески и тамъ царю Максимилиану будетъ грусть-тоска.—Скороходъ-энтъ-маршалъ, явился предъ тронъ своего царя-монарха!

Скороходъ. О, грозный царь Максимилианъ! власть маешь, на что скорохода призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь? ¹⁾

Мансим. А вотъ, поди, поди въ мою каменную палату, возьми мою скипетръ-державу и всю честь римскую и славу.

Скороходъ. Пойду, пойду въ твою каменную палату, возьму твою скипетръ-державу и всю честь римскую и славу (*приноситъ*).

Мансим. А вотъ моя знатная корона во всѣ стороны блестала, всѣмъ можетъ царствованъ владала. Всѣ ребята мнѣ въ отвѣтъ, сына Адольфа при мнѣ нѣтъ. (*Зоветъ, какъ выше, скорохода и приказываетъ ему*). Позвать мнѣ сына Адольфа! (*Приводятъ*).

Адольфъ. А, здравствуй, дражайшій родитель, власть маешь, на что сына Адольфа призываешь, или какихъ указъ дѣлъ повелѣваешь?

Мансим. А гдѣ, сынокъ, досюда былъ?

Адольфъ. По Волгѣ-рѣчкѣ катался, съ разбойничками знался.

Мансим. А много васъ тамъ было?

Адольфъ. Двѣнадцать человекъ.

Мансим. А много крови пролила?

Адольфъ. Какъ рѣка лила.

Мансим. А когда бы я тамъ былъ?

Адольфъ. И тебѣ бы голова съ плечъ.

Мансим. Охъ-ти, Боже мой! развѣ можно государственному сыну по Волгѣ-рѣчкѣ кататься, съ разбойничками знаться! (*Снова зоветъ скорохода*). Вотъ, возьми, возьми моего сына Адольфа, сvedi его въ темную темницу, отпусти ему сухарь хлѣба и полкружки воды—довольно съ него.

¹⁾ Скороходъ приывается каждый разъ одною и тою же оравою и, являясь на зовъ, говоритъ всегда свою стереотипную ораву.

Снороходъ. Возьму, возьму твоего сына Адольфа, сведу его въ темну темницу... и т. д. (*повторяетъ все дословно и уводитъ*).

Максим (*Опять требуетъ скорохода*). Позвать мнѣ сына Адольфа. (*Приходятъ Адольфа*). Вотъ, сынокъ, была у тебя мать мереканская богиня, теперь я себѣ взялъ кумирческую богиню. Вѣруешь нашимъ кумирческимъ богамъ, золотымъ статуямъ?

Адольфъ. Я ваши боги стерзаю подъ ноги, вѣрю Иисусу Христу, который распятъ на кресту, и содержу святой законъ.

Максим (*зоветъ скорохода*). Возьми моего сына Адольфа, отведи его въ темну темницу, гдѣ сидѣли московскіе купцы: они продали Мосиву за три боченка песку, отпусти ему сухарь хлѣба да поларужки воды, довольно съ него. (*Скороходъ повторяетъ тѣ же слова и уводитъ Адольфа, Максимилианъ тотчасъ опять призываетъ скорохода и требуетъ привести Адольфа. Его приводятъ*). Ну, что сынокъ, одумался?

Адольфъ. Одумался.

Максим. Опомнился?

Адольфъ. Опомнился.

Максим. Какъ?

Адольфъ. Опять такъ.

Максим. Воишь Бурманя!

Бурманя (*является*). О, грозный царь... и проч. (*какъ скороходъ*).

Максим. А вотъ возьми моего сына Адольфа, непокорнаго, непослушнаго, сведи его на лобное мѣсто, сруби ему, варвару, голову, чтобы его, варвара, на свѣтѣ не было.

Бурм. Возьму твоего сына Адольфа... и пр. (*Обращается къ Адольфу*). А вотъ, братъ Адольфъ, какъ мы съ тобой жили-дружили водочку пили, а сейчасъ папаша разсерчалъ, хочетъ голову снять, злой смерти предать. А не онъ голову сниметъ, я голову сниму, злой смерти предаю. Что съ отцомъ простился?

Адольфъ. Нивакъ нѣтъ.

Бурм. Ну, простись.

Адольфъ. Прощай, дрожащій родитель!

Максим. Казнить, казнить варварскую душу!

Адольфъ. Меня скѣзнишь, самъ на свѣтѣ жить не будешь.

Бурм. Съ друзьями простился?

Адольфъ. Никакъ нѣтъ.

Бурм. Простись.

Адольфъ. Прощай, горы, прощай доли, прощай небо и земля! Какъ былъ я у отца по воли, нигдѣ друзей до воли; какъ сталъ подъ неволей, нѣту друзей никого. (*Поетъ*). Охъ вы, лѣсы мои, лѣсы темные, охъ вы звѣри мои, звѣри лютые, прибѣгите ко мнѣ, погорюйте обо мнѣ!

Максим. Смирно!

Адольфъ (*поетъ*). Двери загремѣ-гремѣли, идетъ ко мнѣ грозный палачъ; сабли заблеста-блестали въ рукахъ ли его палача. Охъ, чтожъ

я за воинъ былъ, я въ полѣ одинъ воевалъ, ни конному ни пѣшему проходу я мальчикъ не давалъ. Берите, рубите, не плачьте послѣ обо мнѣ.

Бурм. А вотъ я, воинъ Бурманъ, царскому сыну голову сниму, на мечъ подхватчу, въ гробъ положу. Ириди, ириди непобѣдима (?), катилась съ неба звѣзда; посмотрите, господа, какое страженіе! (*Рубитъ голову Адольфу*).

Мансим. Скороходъ-фитъмаршалъ!... и пр. (*Скороходъ является*).
Позвать старика-гробоконателя!

Скороходъ. Позову старика-гробоконателя (*Старика*). Старикъ, къ царю!

Старикъ. Я дрова колю.

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на балъ!

Старикъ. Какой тамъ чертъ съ печи ушалъ!

Скороходъ. Старикъ, пожалуй на водку!

Старикъ. Я и самъ пойду. (*Входитъ къ царю*). Здравствуй, царь Демьянъ!

Мансим. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимилианъ!

Старикъ. Ну, когда царь Максимилианъ, такъ я шапочку снялъ, на колѣнкахъ сталъ.

Мансим. Вотъ, старичокъ, загадаю тебѣ дѣльцо, вотъ прибрать это тѣльцо, чтобъ въ нашемъ царствѣ не прѣло, людямъ паху не задавало.

Старикъ. А что мнѣ за это будетъ?

Мансим. Много, много, старикъ, и въ горсть не заберешь; съ носу по грошу, а у тебя большой—съ тебя два.

Старикъ. Я такъ не хочу; я хочу тулупъ.

Мансим. Да, старикъ, ты не глупъ спрашивать тулупъ. Тулупа не износишь, а свою голову пораньше положишь.

Старикъ. Я такъ не хочу, я пойду.

Мансим. Или, иди, старичокъ.

Старикъ. Я и самъ болѣнъ.

Мансим. Скороходъ-фитъмаршалъ... и пр. (*Скороходъ является*).
Позвать мнѣ военнаго доктора.

Докторъ (*является*). А, здравствуй, царь Максимилианъ, власть чаешь... и пр.

Мансим. А вотъ полѣчи мнѣ этого старика.

Докторъ. А вотъ я есть лѣваръ, надъ семи землями аптекаръ, живыхъ лѣчу, мертвымъ кровь бросаю. Ко мнѣ приходятъ на ногахъ, я отправляю на костыляхъ. Ко мнѣ приходятъ съ глазами, я глаза вынимаю, на тотъ свѣтъ по запискѣ отправляю, съ того свѣта похвальный листъ получаю. Хорошъ докторъ?

Всѣ. Хорошъ.

Докторъ. Стоитъ сто рублей?

Всѣ. Двѣсти!

Докторъ. Что у тебя, старичокъ, болитъ? Можетъ голова?

Старикъ. Голова.

Докторъ. Нужно ее обрить догола, приложить тѣста, чтобы не на-

шелъ въ этой комнатѣ мѣста. А еще что у тебя, старичокъ, болитъ? Можеть зубы?

Старикъ. Зубы.

Докторъ. Нужно отрѣзвать зубы и губы, телячьи приварить и заставить говорить. Какъ ты будешь говорить?

Старикъ. Ме-е!

Докторъ. Еще что? Можеть бока?

Старикъ. Бока.

Докторъ. Нужно тебѣ дать тридцать два кулака, да семьдесятъ выспидковъ, такъ будешь здоровъ. А еще что, можеть ноги?

Старикъ. Ноги.

Докторъ. Нужно отрѣзать ноги, ляшки, приставить деревяшки, на путь поставить, танцовать заставить. Какъ ты будешь танцовать? (*Старикъ танцуетъ*).

Максим. Скороходъ-фитъмаршалъ! и пр... Позвать мнѣ еврея портного!

Скороходъ. Еврей, къ царю!

Еврей. Я кашу варю.

Снор. Еврей, пожалуй на балъ!

Еврей. Какой тамъ чертъ съ печи упалъ!

Снорох. Еврей, пожалуй на водку!

Еврей. Я и самъ пойду. (*Входитъ*). Здравствуй, царь Демьянъ!

Максим. Я не есть царь Демьянъ, я есть царь Максимилианъ.

Еврей. Что же мнѣ скажешь?

Максим. Вотъ пошей моему сыну Адольфу на смерть траурное платье.

Еврей. Пошить вашему сыну долгому на смѣхъ платье?

Максим. Вотъ важъ съ старикомъ на двоихъ! (*Даетъ деньги*).

Еврей. На моихъ на двоихъ.

Максим. Присмотри, казакъ, за нимъ.

Казакъ (*беретъ шапку*). Мѣряй вѣрно!

Еврей. Не будетъ скверно, а будетъ хорошо. (*Мѣряетъ*). Два аршина, два вершка, три гладышка и четыре кувшина.

Максим. (*боинтъ*). А чего же ты сидишь, нечего не говоришь? Приди-ка, сама собой похвались!

Богиня. А вотъ я, дерицкая, кумирицкая богиня, по чистому полю ходила, всѣ земли покорила. Одна земля не, покорна—Марцево поле. Поднимусь, поднимусь высоко подъ небо, опущусь, опущусь на синее море, съ синяго моря на Марцево поле. Если же ко мнѣ Марецъ не явится, моему колѣну не уклонится, селенія, города огоньъ сожгу, самого Марца въ плѣнъ возьму.

Марецъ. Охти, Боже мой! Что я предъ собой вижу! Видѣть не вижу, только женскій голосъ неприятный слышу. Что же тутъ за дѣвица, за прекрасная богиня по чужимъ полямъ таскается, сама собой выхваляется, на меня, Марца, нарѣзается при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ

князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ! Стрижайся (sic) на мой булатный мечъ! (*Богиня становится на колѣни*).

Бурмаиль. А вотъ я вамъ Бурмаиль, по чистому полю ходилъ, свою любезную сестру загубилъ. Вдругъ на Марцево поле сошелъ, свою любезную сестру нашелъ. Сважи, сестра Венера, передъ кѣмъ стоишь на колѣннѣхъ?

Богиня. Передъ Марцомъ.

Бурмаиль. За что?

Богиня. Такъ богамъ угодно.

Бурмаиль. Что же ты за Марець, что же ты за воинъ! Напался на дѣвицу, терзаешь, какъ волкъ въ полѣ лисицу.

Марець. А что же ты—свать, или братъ, или какой сродственникъ?

Бурмаиль. Я не свать, не братъ, не какой сродственникъ; хочу биться-рубиться, на вострый мечъ расходиться!

Марець. День и ночь не сплю, востру шашку точу, Бурмаилу на бокъ носъ сворочу!

Бурмаиль. Ъду, ѡду—не свищу!

Марець. Я наѡду—не спущу!

Бурмаиль. Встрѣчайся!

Марець. Защищайся!

Бурмаиль. Сражайся на мой булатный мечъ! (*Марець отрубаетъ голову Бурмаилу*).

Марець. Вотъ я Марець, вотъ я воинъ храбръ и буенъ! Нѣтъ мнѣ ни стрѣчника, ни поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчникъ и поперечникъ одинъ Аника-воинъ; но и тотъ еще не родился, а хотъ родился, на коня еще не садился. Онъ самъ не зайдетъ, воронъ костей не занесетъ (*Входитъ Аника*).

Аника. Да не воронъ кость занесетъ, добрый молодець самъ заходить. Что же ты меня, Анику, порицаешь при всѣхъ царяхъ, при всѣхъ князьяхъ, при всѣхъ сильныхъ могучихъ богатыряхъ? Ко мнѣ, Аникѣ, цари, князья съѣзжались, славу и честь воздавали, вострыя копья въ землю тыркали. Одна пташка летѣла, на мой членъ (шлемъ) перенать съла, и тая моимъ могучимъ силамъ покорилась. Ну, что же ты хотишь: биться или рубиться?

Марець. Я хочу биться-рубиться, на вострый мечъ расходиться.

Аника. Ъду, ѡду—не свищу!

Марець. Я наѡду—не спущу! Встрѣчайся!

Аника. Защищайся! Выходи, молодець, на палатный (булатный) мечъ! (*Аника отрубаетъ голову Марецу*).

Аника. Вотъ я, Аника-воинъ, храбръ и буенъ! Нѣтъ мнѣ ни стрѣчника, ни поперечника, ни здорника, ни поборника! Только мнѣ стрѣчница и поперечница лютая смерть. Но если бы и тая сейчасъ была, и съ той бы сразилась! (*Входитъ Смерть*).

Смерть. Зарѣжу!

Аника. Отлѣзь, баба-юхо! Якъ дамъ тебѣ въ ухо, разсыплется твое мякннное брюхо!

Смерть. Зарѣжу!
Анина. Отлѣзь, баба! Якъ дамъ тебѣ въ високъ, рассыплешься въ песокъ!

Смерть. Зарѣжу!

Анина. А, бабушка! Дай льготы хоть на три года!

Смерть. Не дамъ и на три часа.

Анина. Дай на три минуты!

Смерть. Не дамъ на три минуты.

Анина. Дай съ міромъ проститься!

Смерть. Прощайся.

Анина. Прощай, горы! прощай, доли! Какъ ѣхалъ я полъ-дороги отрѣзала баба руки, ноги. (*Смерть зарѣжетъ его*).

Гусарь (*поетъ*). „Гусаръ, на саблю опираясь“ и „Сребницей чистилъ онъ коня“ (въ нѣсколько импровизированной передачѣ).

Максимиліанъ (*эсаулу*). А что же ты сидишь, ничего не говоришь? Пойди ко мнѣ скорѣе, говори со мной смѣлѣе! Если ко мнѣ не будешь подходить, со мной смѣло говорить, въ грязь втопчу, на полъ превращу, закачу тебѣ 25, а мало 25—закачу сто, пропадетъ твоя служба ни во что! Стань на шлюпки, посмотри въ подозорныя трубки, нѣтъ ли въ нѣѣ, въ коренѣ, не въ опасномъ каменѣ. Не провалитъ бы намъ судно, не попасть на дно, тамъ будетъ всемъ холодно. Разсматривай вѣрнѣе!

Эсаулъ. Вижу, господинъ атаманъ!

Макс. Что же ты видишь?

Эсаулъ. При Волгѣ-рѣкѣ большой каменный домъ.

Макс. Поди-ка, спроси, кто въ немъ? (*Тамъ, предполагается, живетъ еврей, эсаулъ приходитъ къ нему*).

Эсаулъ. Я пришелъ узнать, какъ васъ звать.

Еврей. А я не хочу сказать.

Эсаулъ. Говори скорѣе!

Еврей. Бузьма-Федоръ Никитичъ.

Эсаулъ (*подходитъ къ царю*). Бузьма-Федоръ Никитичъ.

Макс. Ахъ, это тотъ Бузьма-Федоръ Никитичъ, который намъ полонъ карманъ денегъ натычетъ. Поди, спроси, радъ онъ намъ?

Эсаулъ (*еврею*). Радъ ты намъ?

Еврей. Радъ.

Эсаулъ. Какъ?

Еврей. Какъ чертямъ.

Эсаулъ. Какъ, какъ?

Еврей. Какъ милымъ гостямъ.

Эсаулъ (*приходитъ къ царю*). Радъ.

Макс. Какъ?

Эсаулъ. Какъ чертямъ.

Макс. Какъ, какъ?

Зсаулъ. Какъ милымъ гостямъ.

Максим. А какъ мы къ нимъ подойдемъ?

Зсаулъ. А лукомъ глаза натремъ, да такъ и пойдёмъ.

(Общій хоръ поетъ). „Приворачивай, ребята, ко крутому берегу,
Ко крутому берегу, ко Настасьину дворочку!“

Запис. А. Е. Грузинскій.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

І. Минской губ., Рѣчицкаго у.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія на лѣтней вакаціи въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, мнѣ удалось тамъ познакомиться съ нѣсколькими „старцами“ и записать отъ нихъ кое-какіе тексты народнои поэзіи, преимущественно духовной. Мои записи имѣлись въ виду для напечатанія въ предполагавшемся томѣ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“, но такъ какъ продолженіе изданія „Трудовъ“, повидимому, не скоро осуществится, то я нашелъ уместнымъ предложить часть своихъ матеріаловъ для напечатанія въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“, тѣмъ болѣе, что они стоятъ въ связи съ очеркомъ моеи поѣздки въ Рѣчицкій у., который помѣщенъ въ „Этногр. Обзорѣнн“ (кн. XI, 1891) и можетъ отчасти служить предисловіемъ къ настоящимъ записямъ. Тамъ между прочимъ читатель найдетъ краткія свѣдѣнія о старцахъ, поющихъ эти стихи, и о ихъ инструментѣ—лярѣ (стр. 148—156). Тексты, представляющіе болѣе близкіе варианты къ известнымъ въ печати, здѣсь не помѣщены.

1. Св. Егорій.

Бромъ большого стиха о Егоріи, тождественнаго съ помѣщеннымъ въ V вып. Романова, записанъ слѣдующій краткій стихъ, основанный на другомъ житіи.

Страданія и мученія
Славнаго Ягорія.
Ѣнъ имѣлъ отца нявѣрнаго,
А матку храстіанку.
Яго matka храстіанка
Вѣрѣ научила.
Якъ научився святъ Ягорій
Вѣрѣ храстіанскои,
Приклонися ко Христу
Отъ вѣры нявѣрнаго,
Спасителя и Христа
Стау Ѣнъ прославляти.
Лютый быу такъ царь.

Ѣнъ услышавъ о святомъ Ягоріи.
Слуги посылае,
А руцѣ связавши.
Не ѹбоявся святъ Ягорій
Предъ царомъ стоявши,
Взявъ божницу, разбивъ.
Потемъ ставъ лютый царь
Яго спрашать:
Почамужъ ты, святъ Ягорій,
Божницу разбиаще?
Потемъ повелѣвъ яго
У темницу вести,
На колясо потягнути,

Сломать яму кости.
 Потемъ повелѣвъ яго
 Свѣчами палити,
 А потемъ повелѣвъ
 Вопиеть божь ему пробити,
 Потемъ яму повелѣвъ
 Божчину приняти,
 Гострымъ мечемъ Ягорию

Главу съ плечъ зняти.
 Яго мощи воссияють,
 Якъ весна красна
 На весь свѣтъ воссияе.
 (. *пропускъ*)
 Ангалы ў неби,
 Патріархи, священники
 И ўси чловѣки.

(Ср. Безсоновъ, Калени, I, стр. 474).

2. Алексѣй, чловѣкъ Божій.

Стихъ объ Алексѣѣ нами записанъ большой (около 300 стиховъ). Оказалось, что онъ почти дословно воспроизводится тремя вариантами у вып. Бѣлорусскаго Сборника Романова; поэтому приводимъ лишь то, чего не нашлось у Романова. Когда Алексѣй началъ учиться въ школахъ и оказывалъ большіе успѣхи, то—

Довнався Алексѣевъ учитель. Побольше твой сынъ меня знае;
 Градитъ къ Хоміону, размовляе; Ёнъ старое письмо прочитае,
 „Великій и славный Хоміонъ князь! А по Новому Завѣту самъ пише“
 Не могу я твоего сына обучати:

Собравшись „одружити“ сына, Евхоміонъ князь
 Засылае сватовъ въ славно царство,
 Въ славно царство, въ Пещерску землю.

Передавъ прощаніе Алексѣя съ супругой при уходѣ, стихъ продолжаетъ:

А сами было князья пьють-гуляють,
 Объ Алексѣю они мало знаютъ.

Когда же открылось, что его нѣтъ, то Евхоміонъ

. . . прослезився, „Ой, сыне мой, сыне Алексіе,
 Жалкими словами объяснився, Да ты же пошловъ Богу помолитца,
 Горячими слезами оболвися: При во младиости глѣтъ потрудитца.

При встрѣчѣ Евхоміона съ сыномъ въ образѣ нищаго на церковной паперти, на вопросъ Евхоміона, почему онъ знаетъ сына, — индикаторный отвѣтъ Алексѣя полнѣе; онъ начинается такъ:

Потому я его сына твоего знаю, Въ одной церкви мы съ нимъ
 Потому я его именемъ называю, окрестились...
 Што въ одномъ числѣ мы съ нимъ (дальше, какъ у Романова).
 народились,

Путешествіе Алексѣя въ Пещерску землю нѣсколько богаче красками.
 Приходявъ Алексѣй къ синю морю. Споносило Алексѣя въ славно цар-
 Становилась на морѣ тихая погода, ство,
 Тихіе вѣтры полавали (повѣвали?), Въ славно царство, въ Пещерску
 Широкіе корабли приплывали; землю.
 Становился Алексѣй на кораблѣ.

3. *Василій Великій.*

(Ср. Безсоновъ I, стр. 774—778).

Возвелъ еси, благодатный,
Отъ сна очи ¹⁾,
Ты же былъ еси пастырь добрый,
Василію святой,
Вѣровавти Богу и Творцу ²⁾,
Троицѣ Единой (bis).

Когда демону зѣ женою
Евладій записався,
Тогда святой Василію
Пречь демону отогнавъ.
Плаче, молитъ Кисерія,
Слезно проситъ Василія,
Штобы бѣсовъ отогнавъ (bis).

Святителю Василію,
Отче щедротливый!
Молишися, пастырь добрый,
Буди намъ милостивый.
Записався мой мужъ врагу,
Анциперу пекелному
Кровию своею (bis).

Глаголюще святы Василій:
„О человекѣ, муже
Евладію! бойся, Бога!
Согрѣшивъ еси много:
Бога Отца отступивъ,
И Духа Святаго похуливъ,
И Сына Божяга (bis).“

Замкнувъ святой Василію
Евладія въ домъ свой,

А самъ пошовъ молитися
Бы самому Богу:
„Да помилуй мя, Боже-Вотче,
Всего свѣта ты жѣ нашъ Творче,
Пощади души“ (bis).

Речеть демонъ Василію:
„Не твори намъ капасты ³⁾,
Бо ѣнтъ же намъ самъ записався
Сладкою сладостью.
А теперь отъ насъ отбираешъ,
А въ рудѣ намъ агонь даешъ ⁴⁾,
Мужа вашего,
Слугу нашего“.

Стали, слово воспѣвали,
Пречь демону утекали,
Записи отверзали,
Въ окно въ церкви кидали,
На Кисерю нарицали,
Евладія проклинали,
Слугу своего (bis).

— „Кайся грѣхомъ, человекѣ ⁵⁾,
А покуты держися,
А небесному Створителю
Со слезами молися.
Штобъ тебе ўраги не зловили,
Въ огонь вѣчный не вкинули,
Тамъ будешь горѣтъ“ (bis).

„Измилишя, Отче, надо мною ⁶⁾,
Согрѣшивъ еси, Отче, предъ тобою,
Недостойнъ быть слугою,

1) У Безсонова: Изліся благодати
Въ уста твои, отче.

2) Передъ этимъ у Безсонова: Словесныя научивъ
Въ міру овцы.

3) У Безсонова: Не чини намъ пакости,
Ентъ же намъ записався
Для своей слабости.

4) У Безсонова: Въ рудѣ намъ аго не даешъ.

5) Очевидно, слова св. Василія Евладію.

6) Очевидно, отвѣтъ Евладія.

Отрецы мене хоть рукою
Отъ печельнаго аду,
Нехай не буду погмбати,

Въ огнѣ вѣчно горѣти,
Створителю мой,
На вѣки вѣковъ“.

Представленный текстъ полнотою и правильною превосходитъ Безсоновскіе, хотя отдѣльныя выраженія мы выправляемъ по послѣднимъ.

4. Св. Варвара.

Якой благодати
Ты юница, мати,
Варвара прекрасная (bis).

Мучилася за Христа,
Создателя и Бога,
Муки ея ужасныя (bis).

Бога-Троицу спознала,
Да въ три янвѣ (огнѣ) создала.
Отець ея не възлюбивъ (bis).

Хотѣвъ запрастити,
Муками ўстрашити
Отъ Отца небеснаго (bis).

Страшивъ ея душу
Въ темницу ввергушу
На мученіе ея (bis).

Сойде тебѣ гласъ зъ небесъ:
„Держай, Варваро, воднесъ,
Всикъ враговъ побѣдивши“ (bis).

Бѣжить Варвара путемъ,
Ея отецъ Діоскоръ,
Онъ же есть провлятый,

Буде въ пекло взятый,
Гдѣ грѣшникъ люди (bis).

Ея отецъ Діоскоръ
Бѣжить путемъ межъ горъ,
Тамъ ее застижехомъ (bis).

И на горѣ настижавъ,
И на землѣ отверзавъ (повергавъ?),
За власы тарзакочи,
Подъ нозѣ топтаючи.

За власы властилася,
За Христа мучилася
Варвара прекрасная (bis).

Благовѣрную слугу,
Отсѣчено ей главу.
За насъ Богу молися (bis).

Бѣло твое лицо,
Святая мученица,
Христова возлюбленная (bis).

Царствуй въ небѣ со лики,
Съ Сусомъ Христомъ на вѣки,
Варвара прекрасная,
Невѣста Христова.

(Сравни *Бессоновъ* I, № 197 и 198. *Шейнъ*, Пѣсни, № 749).

5. Св. Анопрій.

(Ср. *Бессон.* I, № 208).

Преподобный, преблаженный
Анопрій святой, Богу блаженный,

Изъ дѣтины во пустыни
Многотруднѣ, боголюбнѣ

Подвизався
И плакався,
Всегда молился¹⁾ } 2 раза, какъ
и ниже.
Шестидесять три лѣтъ тамъ ѣнъ
живаще,
Человѣчій образъ онъ не видяще,
Съ добрыя вѣры дикіе звѣры,
Райскіе птасы воспѣвали гласы,
Воспѣвали,
И селицами
Здѣчными гласыми.

Когда износилъ еси царскую одежду,
Тогда возложилъ еси на Бога на-
дежду.

Была молитва услышана,
Съ добрыя вѣры она ему дана.
По всемъ тѣлу
Власы были,
Солнцемъ скатили²⁾ (sic).

Царскія палацы оставилъ еси,
Густую пустыню возлюбилъ еси,
Царскіе троны и короны
Первая глава ему слава.

О мой Боже,
И васъ тожа
Авмирилъ еси.

Егоже храмина тойчасъ падесея.
И маковницы, и праведницы
Жаждущіе приходяхомъ,
Источники высыхахомъ.

И страждующи,
И празднующи,
Не напояхомъ³⁾.

Тогда Ангель съ небесъ къ нему
сошовъ,

У Безсонова стихъ значительно короче.

Боторую преукрасну пустыню знай-
шовъ,
Псалмы выводитъ, сладцы пѣя-
хомъ.
Стихи ему разны тамъ припѣва-
хомъ,

Отъ злыхъ ўраговъ,
Явныхъ духовъ
Причь отгоняхомъ.

Богда прійшовъ тойчасъ животь
ему кончѣти,
Разные звѣрове стали ему слу-
жити,

Львы и медвѣды тойчасъ были,
Гробъ копали, землю вырывали,
И плачучи,
Рыдаючи
Горко со слезыми.

Ангалы съ успенню ему служахомъ,
Тойчасъ душу съ тѣломъ до неба
взяхомъ,

Приде къ тебѣ слуга благовѣрный
Съ добрыми дѣлами уготовенно
За животь, за страду
Принявши заплату,
Райску палату.

Просимъ тебе, Анопрій, свѣтлѣй-
шій отче,
Дай намъ упросити Великій Творче,
Штобъ предъ судомъ Божиимъ чи-
стымъ стати,

Создателя въ небѣ оглядати,
Со ангалами,
Со архангалами
Въ небѣ царствовати.

6. Изъ стиха объ Иосифѣ.

Приводимое мѣсто очень близко къ напечатанному у Безсонова и въ
У вып. Романова (Бѣлорус. Сборникъ), но въ нашемъ текстѣ мотивъ о
голубницѣ отличается любопытными подробностями.

¹⁾ Последняя строчка каждой строфы при повтореніи поется на нѣсколько
иной мотивъ. Если передать разницу ритмически, то выйдетъ: 1-й разъ всегда
молился, 2-й разъ всегда молился.

²⁾ У Безсонова: солнцемъ *скоттлы*.

³⁾ Загадочная строфа. У Безсонова нѣтъ ничего соответствующаго.

Я въ рову сажу, бесѣдую,
 Я бесѣдую, совѣтъ маю.
 Но ѣ кому повѣрю печаль мою?
 Но ѣ кого сошлешь на помочь мнѣ?
 Или самъ сойдешь, Владыко мой?
 Ну и кто же мнѣ дастъ источникъ
 слезъ?
 И плакавъ бы я всегда день и
 ночь,

И рыдавъ бы я о грѣхахъ своихъ.
 И кто же мнѣ сошлетъ голубицу
 Многослезную, солетающую,
 Солетающую и совѣщающую?
Написааъ бы я на крылушкааъ,
 И послалъ бы я ко Израилю
 И къ отцу къ своему къ Іакову
 и т. д.

(См. Романовъ V, стр. 377).

7. О Самарянкѣ.

Созда Яковъ той студенець,
 За то получивъ отъ Бога вѣнець,
 Вѣнець дорогой (bis).

Отъ шестого часу до девятаго
 Ёнъ бесѣдувавъ зъ ей одной,
 Ёнъ ее ѹсладивъ (bis).

Ой ёнъ дивный, ёнъ правдивный,
 Самъ Господь сидитъ на небѣ,
 Творить чудеса (bis).

Исусъ зъ ею говоривъ:
 „Поиди, мужа приведи,
 Я его узрю“ (bis).

А жена самарянина
 Воды брать туда пришла
 На источникъ той (bis).

—Я сказать тебѣ не смѣю,
 Што себѣ мужа не имѣю,
 Такъ живу одна (bis).

Исусъ къ ей приступивъ
 У жены воды пить спросивъ,
 Жаждай во пути (bis).

„Ой, ты правду объявляешь,
 Што себѣ мужа не маешь,
 Пять мужей имѣешь“ (bis).

Ёна жъ Ёго не познала,
 Жидовиномъ называла
 По роду его (bis).

Водоносы съ плечъ пушала,
 Да гражданемъ объявляла:
 „Истину пророкъ!“ (bis).

Не ѹпознала благодати:
 „Якъ я маю тебѣ воды дати?“
 Ёнъ ее ѹдививъ (bis).

А граждане самаряне
 Выходили съ того граду
 На источникъ той (bis).

Этотъ стихъ въ печати мнѣ неизвѣстенъ.

8. О Страшномъ Судѣ.

А)

Приде часъ дивенъ Господи,
 На облацѣхъ славнѣ (2 р.)
 Да придетъ судити
 Со славою явно (2 р.)

Зъ войскомъ ангалъ и архангалъ,
 Безчисленно, прославленно,
 Святымъ соборомъ.

Якъ вострубить архангалъ,
Дагь мертвые востануть, (2 р.)
Уже предъ судомъ предъ страшнымъ,
Нагіе повстануть. (2 р.)

Цари али князи
Безъ слугъ, безъ одежды,
Уже безъ скарбы,
Безъ жадной надежды,
Стануть наги, безъ поваги,
Безъ родины, безъ дружины
Сами собою.

Оны напредъ пойдуть
Отвѣтъ все дати,
Якъ же спробовати
Божей благодати.
Охъ, нашъ Вожа, нашъ поможа,
Тамъ у монѣ, аль іонѣ
Не хитруй значливъ. (?)

Милосердый Боже
Не зрѣть на дары,
А ни на перясуды,
На пражніи свары.

Хто што строя, али зброя,
Все благое, али злое
Явно тамъ буде.

Да вси дѣла наша
Открыются явно:
Грѣшнымъ да стыдъ буде,
А добрымъ слава.
Што тутъ скрыто, тамъ открыто,
Все явится, обличится
Предъ твоимъ свѣтомъ.

Якой тамъ стыдъ буде,
Якая страмота,
О дѣ явно буде
Злымъ злая работа.
Ни сказати, ни описати
Невозможно, али ложно
Явно тамъ буде.

Бо тамъ не споможе
Отець али мати,
Кожно всихъ отъ гроба
Тамъ буде пытати
За смѣяние, за плясанье,
За кривоѹ, за плевѹ,
За кривоприсяжствіе.

Толко Христось всеріенне
На злыхъ: „отойдите,
Проклятые люди,
До мукъ вѣчныхъ пойдите“!
Всякой страсти и ужаси
Будуть злые отдаты,
Слово услышаще.

Плачливо востогнуть.
Страшные дивомы
До пекла погонять.
Земля растворится,
Зъ грѣшными обвалится
Въ пекло на вѣли.

Бо тамъ грѣшные будутъ
Мучитися вѣчно,
Которые на семь свѣтъ
Грѣшили безпечно.
Заславницы, чаровницы,
А пьяницы и блудницы
Зъ теми равны будутъ.

Боженъ по своему дѣлу.
Лютые возлятся,
Отъ Анцыпера злаго
Всякихъ мукъ примножатся:
Устрашеніе и упаленіе,
Забиваніе и отверзаніе
Отъ котораго некалнаго.

А потемъ веселіе,
Лицемъ доброзачнымъ
Взрече Господь на святыхъ
Да ѱ голосомъ здичнымъ;
„Мои друзи, мои слуги
На вѣчное время.

Наслѣдуйте вы царство
И вѣчную сладость“.
Якая тамъ буде
Той часъ святыми радость!
Што око не видѣло,
А ухо не слышало—
Тамъ будемъ заживать.

Въ небѣ святыми слава,
Съ ангалы святыми
Въ вѣки вѣковъ равно,
Уготовѣнно, услаждѣнно,
Прежде мира сотворенно
Для святыхъ, Боже.

Да святой нашъ Боже,
Должно намъ вспоминати
Всегда судъ твой страшный,
Больше не согрѣшати.

(Ср. *Василово* II, № 469, и *Шейн*, Пѣсни, № 738. У обоихъ гораздо короче).

Тутъ каранне, тутъ смиренна,
Покаянне, побужданне
Штобъ тойчасъ булѣ.

Кровь твоя святая
Зъ рукъ, зъ носъ пролита,
Нехай наша тутъ буде
Вся злость и обмыта.
Уже надѣю я имѣю,
Уже очистить и освѣтити
Мене грѣшнаго.

Да святой же нашъ Христось,
Абы мы достойны были,
Да въ роскошахъ небесныхъ
Вѣчно веселимся.
Станемъ тебе оглядати,
Створителя прославляти,
Тройцу на вѣки.

В)

Уже конецъ приходя,
Страшный Судъ наступитъ,
А хто добрый буде,
Царствіе заслужитъ.

Но грѣшный человекче,
Престань ты грѣшати,
Престань ты грѣшати—
Покуты чиняти.

Не престанешь грѣшати
И покуты чиняти,
Будешь ты въ пеклѣ
Во вѣкъ голосити.

Да сходятся вѣтры,
Сходятся буйніи,
Не будутъ стояти
Горы каменіи.

Да сходятся вѣтры,
Начнутъ бушевати,

Горы и долины
Станутъ равновати.

Ударять погоды,
Погоды сухія,
Высохнуть рѣки,
Гдѣ были быстрыя.

Высохнуть рѣки
И выгорятъ воды,
Буде страхъ великій,
Не было николи.

И злато, и сребро
Тамъ буде блещати,
Божна душа страхомъ
Бу унывати.

И соидеть Анцихристъ
На сей свѣтъ съ смолою,
И тогда не буде
Жаднаго напою (питья).

И буде возити,
 Всимъ людямъ давати,
 И хто смолы напьется,
 Тотъ буде проклятый.

Ангалы наступать
 И съ праваго краю
 Будуть говорити:
 „Не пейте вы смолы,
 Пойдете до раю“.

Печатный вариантъ этого стиха мнѣ неизвѣстенъ.

9. Прощаніе души съ тѣломъ.

Да не спали жа мы, не дрямали жа мы, (2 раза каждый стихъ). Потеряли мы царство небесное. Мы не голубы, мы не бѣлые. Мы есть ангалы-хоронители, Мы души, тѣлу покровители. Мы же лѣтали къ Господу, Отъ Господа ко души, къ тѣлу. Дѣ душа съ тѣломъ разстраваецца, Разстраваецца, уже прощаетца: „Прощай, тѣло, тѣло грѣшное,	Я въ тебѣ пробыла, якъ у тѣѣ прожила. Тебя будутъ тѣло черви точити, А мнѣ душѣ на вотвѣтъ итти. На вотвѣтъ итти и къ Господу, Гдѣ мирное собраніе, Тамъ намъ буде раздѣленіе: Праведнымъ душамъ царство не- бесное, А грѣшникамъ мука вѣчная, Мука вѣчная безконечная.
---	---

(Ср. для второй половины *Безсопова* II, № 675, б, и *Варенцовъ*: Стихъ о грѣшной душѣ, ст. 144. Первой половины мы не нашли).

10. Псалма.

Плачь, душа моя, всегда, Протекае жизнь моя, Ой, Боже мой, Боже ¹⁾ , Протекае жизнь моя. Гробъ я вижу въ глазахъ, Провождаю жизнь въ слезахъ. Ангалы съ небесъ поють, Намъ вси блага подаютъ. Ангалы душу хранять,	Объ грѣхахъ плавать велятъ. Слышенъ буде всякій часъ Херувимскій сладкій гласъ. Жизнь наша скорбный путь, Надъ больнымъ слугою будъ, Отъ Небеснаго Творца Тамъ получишь три вѣнца. Сладки рѣки потекутъ, Отъ души грѣхи берутъ.
---	---

Позднѣйшаго происхожденія, какъ и двѣ слѣдующія псалмы.

11. Агница.

Гдѣ же ты, агница, сокрылась, Я которую люблю? Отъ настѣра отлучилась, Што душою воскорблю.	Вы лѣсы, лужья, рѣчки, Рцйте къ Вышнему Творцу: Не видали здѣсь овечки, Што которой я ищущу?
--	---

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждого двустишія съ повтореніемъ второго стиха.

Гдѣ жъ ты, агница, найдися,
Пастырь ище тебе твой,
Ну къ тому жъ ты возвратися,
Што спешъ зъ неба за тобой.

—
Агница того не емлетъ,
Дальше отъ него течетъ,
Ну пастырь ея не дремлетъ,
Возвратися! къ ей кричитъ.

—
Отвратися къ тому началу,
Отъ котораго течешъ,
На вѣчно не останешъ
Безутѣчной на пути.

—
Сколь мой вопль тебя не тронетъ,
Раздающійся въ лѣсахъ,
Какъ онъ станетъ, пастырь тотъ же,
Пастырь на крутыхъ горахъ.

—
Узри, какъ агницы иныя
Всѣ пасутся у меня,

Пѣта была на протяжный мотивъ съ аккомпаниментомъ лиры.

Дни златыя провождаютъ,
Не вздыхая, не стегая.

— Я жъ на гласъ твой поспѣшаю,
Ты жъ любезный пастырь мой,
Ну себя тебѣ вручаю,
Воль призри, пріятель мой.

—
Со овечками десными
Ты меня совокупи,
Со возбранными святыми
Слабый духъ мой укврѣпи.

— Твердѣй камня мое сердце,
Яко тлѣнь восмѣшивъ (sic).
Люблю тебя сердечно,
Принужденъ я слезы лить.

—
Труждающихъ я спокую
И болящимъ жизнь даю,
Соединись вмѣстѣ со мною,
И спасешъ ты жизнь свою.

12. Псалма.

Пробудись отъ сна, невѣсто!
Се ў полунощи женихъ (bis)
Отъ небесъ градить извѣстно
Зъ мертвыми судить живыхъ (bis).

—
Бди, молися: не на суди
Неврадимаго раба (bis),
Хто его отъ сна пробудить?
Страшная ў него труба (bis).

—
Узреть буде свѣтъ безмѣрный,
Райскій видить онъ чертогъ,
А лѣнливымъ звяжутъ руцы, нозѣ,
Взвергнуть и въ геенскій ровъ;

—
Взвергнуть, дѣ вѣчныя муки,

Скрежетаніе зубовъ.
Бережися, сколько можно,
Надъ душою дрезво будъ.

—
Дѣвы глупы воздремали,
Зъ воску дѣлали ¹⁾ ихъ елей:
Вотъ за то мы несчастны стали,
Що zostались внѣ дверей.

—
[Бережися, сколько ўгодно,
Надъ душою дрезво будъ],
Убѣгай, душа отъ (в)аду,
Убѣгай, душа моя,
Щобъ не впасть въ бездну (в)сду.
Свѣтлаго лишися райа.

Запис. А. Е. Грузинскій.

1) Зъ воску дѣлали. вмѣсто „оскудѣлъ“. Ред.

II. Тульской губерніи.

Василій Великій.

Изъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ слѣпцами въ Тульскомъ, Веневскомъ, а также Каширскомъ уѣздахъ, обращаетъ на себя вниманіе стихъ „О пьяницѣ“.

Этотъ стихъ малоизвѣстенъ не только въ народѣ, но и среди слѣпыхъ: слѣпецъ, со словъ котораго онъ записанъ, говорилъ, что стихъ „О пьяницѣ“ въ упомянутой мѣстности извѣстенъ ему одному, а самъ онъ узналъ его отъ одного старика, также слѣплого нищаго, теперь уже умершаго.

Поется ли этотъ стихъ послѣ богослуженія на церковной паперти, или при праздничныхъ угощеніяхъ въ домѣ, или при общемъ разгулѣ и весельѣ на ярмаркахъ,—всегда около пѣвца образовывается густая толпа слушателей, и впечатлѣніе, которое производитъ этотъ стихъ своимъ содержаніемъ и торжественно-величественнымъ напѣвомъ, особенно на людей, любящихъ выпить, бываетъ сильное: нѣкоторые изъ нихъ даже плачутъ...

Предметомъ содержанія означеннаго стиха является переполненный разсужденіями о вредѣ пьянства разсказъ про Василія Великаго, Кесарійскаго чудотворца, какъ онъ, не пивши вина двадцать пять лѣтъ, запилъ на тридцать пять лѣтъ, и какъ ему слышался два раза голосъ отъ неонъ, первый разъ—запрещавшій пить, а второй—изрекшій ему, при его покаяніи въ своемъ грѣхѣ, прощеніе.

Чѣмъ вредно пьянство, это въ стихѣ довольно подробно разсматривается и съ религіозной, и съ житейской точекъ зрѣнія. Такъ, пьяница своимъ поведеніемъ не можетъ угодить Богу: во время вечерни онъ „играетъ, свачетъ, пляшетъ“, „заутреню просыпаетъ“, „въ обѣдню бесѣду бесѣдуетъ“; если же и соберется въ церковь, то „идеть не обиходомъ,—онъ молитвы не сотворяетъ, на себя креста не воскладаетъ, во страху стоитъ, страху Божьяго не боится“ и т. д., и т. д. Для другихъ пьяница представляется очень опаснымъ человѣкомъ: онъ „злoubивецъ“, „злопомышленъ“, „сердится—либо древомъ убьетъ, либо ножомъ зарѣжетъ“; его и научить добру нельзя, такъ какъ его „не научишь, еще больше раздразишь“. Пьяница доходитъ до того, что теряетъ чувство самосохраненія и сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства: „онъ волны морскія видитъ, волны не боится“, онъ „самъ себѣ скорую смерть получаетъ“, онъ „обжирается“, на него „плюють-харкаютъ“ и т. п.

Самый разсказъ о Василіи Великомъ напоминаетъ собою извѣстное апокрифическое сказаніе объ этомъ чудотворцѣ, помѣщенное въ проповѣди преподобнаго Феодосія Печерскаго „О тропаряхъ и пьянствѣ“. Сказаніе повѣствуетъ, что св. Богородица такъ сказала Василію Великому: „Аще хочещи мя заступницею имѣти во всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися питія всякаго и не молитвуй пьянъ: не токмо бо не

услышанъ будешь, но и Бога безгнѣвнаго разгнѣвши, осужденъ будешь въ муку“ (Уч. Зап. 2 отд. И Акад. Н. II, в. 2). Различіе приведеннаго сказанія отъ упомянутаго стиха состоитъ лишь въ томъ, что по послѣднему: 1) голосъ, обѣщавшій Василию Великому покровительство Божіей Матери, слышался ему не отъ нея самой, а отъ святыхъ, честныхъ иконъ, 2) видѣніе было Василию не одинъ разъ, а два раза, и, наконецъ, 3) въ стихѣ приводится часть изъ покаянной молитвы Василия Великаго, чего нѣтъ въ проповѣди. Можетъ быть, въ стихѣ мы встрѣчаемъ не измѣненный, а лишь болѣе подробный пересказъ апокрифическаго сказанія о Василии Великому, чѣмъ въ проповѣди Θεодосія Печерскаго.

Что послужило поводомъ къ появленію самаго этого сказанія о Василии Великому, отличавшемся всегда строго-подвижническимъ образомъ жизни? Можетъ быть, его проповѣдь „На упивающихся“, въ которой состояніе пьянаго человѣка рисуется удивительно подробно и вѣрно, заставила думать, что проповѣдникъ писалъ ее не иначе, какъ на основаніи своего горькаго опыта.

Въ концѣ стиха говорится о трехъ „упокояхъ“ въ Давидовомъ домѣ: о первомъ, назначенномъ грѣшному человѣку мѣстѣ, кипящемъ червями „лютыми, неусыпаемыми“; о второмъ—для хмельнаго человѣка—„рѣкъ огненной со пламенемъ“ и о третьемъ—упокоѣ праведныхъ душъ—„раѣ растворенномъ, свѣтломъ, прекрасномъ“. Такое заключительное изображеніе различныхъ загробныхъ обитателей представляетъ собою какъ-бы побужденіе человѣку жить трезво и богоугодно, чтобы чрезъ нетрезвое свое поведеніе не лишиться небесной прекрасной обители.

Вотъ самый стихъ „О пьяницѣ“:

Славу поемъ Василию Великому, Бесарійскому чудотворцу!	Однажды испилъ,—самъ не свѣ- далъ,
Молится Василій Господу Богу	Тридцать пять лѣтъ злые корни Изъ головы вонъ не изыдутъ...
Отъ желаннаго сердца, Со теплыми сердцами, Со горячими слезами.	Горе, братцы, всякому человѣку Хмельное пить-испивать.
Былъ ему гласъ отъ святыхъ отъ честныхъ отъ иконъ:	Да не подобаетъ попомъ, преосвя- щеннымъ архіереямъ
„Покинь, Василій, хмельное пить- испивать,	Хмельное пить-испивать ¹⁾ .
Станетъ тебя Мать Пресвятая Бо- городица охранять“.	Пьяницу въ Божью церковь не пускай:
Двадцать пять лѣтъ у Василья во рту не бывало;	Пьяница идетъ въ Божью церковь не обиходомъ ²⁾ , Онъ молитвы не сотворяетъ,

¹⁾ Эти слова имѣютъ отношеніе къ разсказу о Василии Великому, который, какъ извѣстно, былъ архіереемъ.

²⁾ Не обиходомъ, т. е. не какъ должно, тожественное народное выраженіе не порядкомъ.

На себя креста не воскладаетъ,
Во страху ¹⁾ стоять,
Страху Божьяго не боится,
Попа, пресвященнаго осуждаетъ.
Пьяница всѣмъ народомъ пому-
щаетъ:

Глядя на пьяницу, человекъ уди-
вится, разсмѣется,—
Наипаче пьянаго согрѣшаетъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.
Кто на бою, на драбѣ?

Все пьяница.

Кто посторонній свидѣтель стано-
вится?

Пьяница.

Кто ложно божится?

Все пьяница.

Кто по-матерну ругается?

Все пьяница.

Единъ человекъ однажды въ день
по-матерну избранился,—

Мать сыра земля потрясется,
Пресвятая Богородица съ престола
сотранѣтся.

Кто въ вечерню играетъ, скачетъ,
пляшетъ?

Все пьяница.

Кто заутреню просыпаетъ?

Все пьяница.

Кто неумытыми руками рано ѣсть-
пожираетъ?

Все пьяница.

Кто въ воскресный день въ обѣдню
бесѣду бесѣдуетъ?

Пьяница ²⁾).

Кто обожрался-облевался?

Все пьяница.

На кого плюють-харкають?

Все на пьяницу.

Кого осуждаютъ?

Все пьяницу.

Горе, братцы, всякому человекъ,

И кто пьянаго осуждаетъ:

Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.

Да не подобаетъ со пьяницей

На встрѣчу встрѣваться,

Пьяницѣ рѣчь говорить,

На добро поучать:

Пьяницу не научишь,

Еще больше раздразнишь.

Показано всякому человекъ

Прочь отъ пьянаго отходить:

Пьяница—злоубивецъ,

Пьяница—злоумышленъ,

Пьяница сердится—

Либо дровомъ убьетъ,

Либо ножомъ зарѣжетъ.

Показано всякому человекъ

Прочь отъ пьянаго отходить...

Пьяница волны морскія видитъ,

Онъ волны не боится. ³⁾

Пьяница самъ себѣ скорую смерть
получаетъ.

Доходитъ Василій до Божьей до
церкви,

Онъ руцѣ и нозы о камень оши-
баеъ,

Буйную голову до крови пролом-
ляетъ;

Онъ во паперти стоять, ⁴⁾

¹⁾ Во страху—въ церкви и особенно въ алтарѣ, мѣстѣ, страшномъ по своей святости.

²⁾ Перечень грѣховъ въ послѣднихъ строкахъ стиха представляетъ собою лишь нѣкоторое видоизмѣненіе слѣдующаго мѣста въ стихѣ „О страшномъ судѣ“ („Каллики“ Безсонова, 3, 159), гдѣ Богородица говоритъ праведникамъ:

Вы охочи были ходить въ Божьи
церкви,

Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигры-

вали, и пр.

Вы охочи были Богу молитися,

Вы заутрени не просыпывали,

³⁾ Срв. пословицу: „пьяному море по козѣна“.

⁴⁾ Паперть была обычнымъ мѣстомъ ксяющихся въ древнее время на востокѣ.

Онъ молитвы творить, Яко громъ гремитъ, Изо устъ до небесъ выпускаеть ¹⁾ : „Прости меня, Мать Пресвятая Богородица, помилуй; А если ты меня, Василья, не помилуешь, А то я вонъ съ паперти, Васи- лій, не изыду, До смерти Васильй убьюся! ⁴ Быль ему гласъ отъ святыхъ, отъ честныхъ отъ иконъ: „Доходна Васильева молитва до Господа Бога, Наипаче всёхъ, до иконъ“... Въ сотворчатомъ у Господа Бога Давидовомъ домѣ ²⁾ :	Да три упокоя. Первый упокой въ Давидовомъ домѣ: Всякъ черви, черви лютые, не- усыпляемы— Ради грѣшнаго челоуѣка. Второй упокой въ Давидовомъ домѣ: Течеть рѣчка огненная со и пла- мемъ— Ради хмѣльнаго челоуѣка. Третій упокой во Давидовомъ домѣ: Рай растворенный ³⁾ , свѣтлый, прекрасный. Станеть душа царствовать, въѣо- вать во царствѣи во небесномъ... Славу поемъ Василью Великому, Кесарійскому чудотворцу! Ему славу поемъ!
---	---

Нельзя не замѣтить, что личность Василья Великаго, изображаемая въ этомъ стихѣ, нѣсколько напоминаетъ собою образы древнерусскихъ богатырей: у Василья Великаго, какъ въ его продолжительномъ пьянствѣ, такъ и въ удивительно сильномъ и глубокомъ покаяніи проглядываетъ та же широкая, могучая натура, какъ и у богатырей въ ихъ славныхъ подвигахъ; примѣненіе къ его голосу сравненія съ громомъ и приложе- ніе къ его головѣ названія „буйной“ добавляють это сходство. Въ част- ности, Васильй Великій, который послѣ 35 лѣтъ, проведенныхъ въ пьянствѣ, обращается къ покаянію, изъ былинныхъ героевъ особенно близко подходитъ къ Василью Буслаеву, который послѣ буйнаго прове- денія своей молодости „со пьяницы, со безумицы, со веселыми, уда- лыми, добрыми молодцами“ ⁴⁾, отправляется замаливать грѣхи свои въ Иерусалимъ. Интересны и другія характерныя особенности этого стиха, благодаря которымъ онъ, полагаемъ, будетъ любопытенъ для изучающихъ народную словесность.

Д. И. Успенскій.

¹⁾ Громоподобный голосъ Василья Великаго напоминаетъ зычный голосъ былинныхъ героевъ, отъ котораго „дрожитъ мать-сыра земля“, „съ деревъ вершины падаютъ“, подъ сѣдоками „кони окорачиваются“. Срв. также нѣко- торые эпитеты, напр. *буйная* голова и пр.

²⁾ Давидовъ домъ, по вѣрованію народа Тульской губерніи, находится въ Иерусалимѣ, окруженъ стѣнами съ двѣнадцатью вратами, по три на каждой сторонѣ. Каждый годъ въ Давидовъ домъ пускается по одному челоуѣку, но оттуда уже никто не выходитъ, а если кто и выйдетъ, то пѣвымъ. При кон- чинѣ міра изъ-подъ дому потечеть огненная рѣка, которая разольется по всей вселенной.

³⁾ Выраженіе: *рай растворенный*, т. е. просторный и открытый для сво- ихъ обитателей всюду,—употребительно въ народѣ и его литературѣ, напр. въ стихѣ „О Страшномъ судѣ“ (Калики, 3, 159).

⁴⁾ Пѣсни Рыбникова, 1, 348, Былина о Вас. Буслаевѣ.

III. Московскаго уѣз., с. Медведково.

Василій Великій.

Вотъ молился Василій ко Господу Богу,
 Молился Василій ко Господу отъ желанія со горячими слезами.
 Былъ ему гласъ отъ святыхъ отъ иконъ:
 „Погинь, Василій, хмѣльнаго питія испивати,
 Станеть тебя Мать Пресвятая Богородица сохранять“⁴.
 Двадцать пять лѣтъ у Василя хмѣльнаго ни однажды не было.
 Одна Василій испилъ, а самъ и не вѣдалъ¹⁾
 Тридцать пять лѣтъ злые кореня съ головы не сойдуть.
 Пьянаго въ Божію церковь не пуцають—
 Пьяный идетъ во Божію церковь необходимо:
 Онъ молитву себѣ не сотворяетъ и крестъ на себя не восслаждаетъ,
 Во страху стоитъ—страху Божьяго не бѣится,
 Отца духовнаго осуждаетъ—весь народъ во Божьей церкви помущаетъ.
 Глядя на пьянаго челоуѣка—удивятся, разсмѣются,
 И наипаче пьянаго согрѣшаютъ, грѣхъ себѣ на душу принимаютъ.
 Кто по матерному сквернится, бранится? Все пьяница!
 Онъ не мать свою сквернить, ругаетъ—
 Мать Пресвятую Богородицу поношаетъ.
 Какъ единый челоуѣкъ на день матернымъ словомъ однажды избранется,
 Вся сотворшая небо и земля потрясется,
 Мать Пресвятая Богородица съ престола потронется.
 Кто въ вечерню скачетъ, пляшетъ? Пьяница.
 И заутреню просыпаетъ пьяница.
 Въ воскресну обѣдню бесѣду бесѣдуетъ? Пьяница.
 Не подобаетъ со пьяницей навстрѣчу встрѣвать.
 На добро его учить—пьянаго не научишь, а больше его раздрыгаешь.
 Кто на бою, на драгѣ? Пьяница.
 Кто въ воровствѣ, въ разбойствѣ? Пьяница.
 Пристороннымъ свидѣлемъ становится пьяница
 И ложно божится пьяница.
 Пьяница самъ себѣ живой продавица.
 Доходитъ Василій до Божьей до церкви,
 Руцѣ и позѣ объ каменя расшибаетъ,
 Буйную голову до крови проломаетъ,
 На паперти стоитъ, молитву творить, яко громъ гремитъ,
 Изъ-за устъ выпускаетъ до небесъ:
 „Прости меня, Мать Пресвятая Богородица, раба, помилуй!
 Когда ты не простишь, я съ паперти живой не сойду,
 До смерти Василій объ каменія убьюсь“⁴.

¹⁾ Это, по объясненію слѣщцовъ, случилось когда его мать, будучи беременна имъ, наплась.

Былъ ему гласъ отъ святой отъ честной иконы:
 Доходна, Василій, твоя молитва до Господа Бога;
 Сотворено Господомъ Богомъ въ Давидовомъ домѣ превеликіе три упокоя:
 Первый упокой—висять черви людоѣды, ради душъ многихъ грѣшныхъ,
 Второй упокой—течетъ рѣка огненная съ пламенъ, ради хмѣльнаго че-
 ловѣка,

Третій упокой—рай, растворенное небесное царство.
 Вторая душа умолила, до Господа Бога доступна,
 Станеть царствовать, вѣкъ вѣковать
 Со ангелами хранителями во царствіи небесномъ.
 Славу поемъ Василю, Кесарынскому чудотворцу,
 Ему же слава и во вѣки вѣковъ, аминь.

Запис. С. И. Лапшинъ.

IV. Вологодской губ. 1).

1. Про Алексія человека Божія.

Во дальнемъ то было въ отдаленіи,
 Во славномъ во градѣ во Рымѣ,
 Во Римскомъ то было во царствѣ,
 При царѣ было при Анорѣ,
 Жилъ великій князь Бѣимьяне.
 Что у князя у Бѣимьяна
 Со своей обрученной княгиней,
 По имени ея Аглаидой,
 Не было не единого чада.
 Возмолились они Господу Богу
 Со своими со ясными свѣчами:
 „Создай намъ, Господи, единого чада
 При младости лѣтъ въ спотѣшенъе,
 При старости лѣтъ на прокор-
 мленъе“.

Услышалъ Господь ихъ моленъе
 И создалъ имъ единое чадо.
 Нарекали имя чаду Алексія,
 Алексія Божья человека.
 Не по годамъ онъ росъ—по недѣ-
 лямъ,
 И сталъ Алексѣюшко семи годковъ.
 Стали Алексѣюшку грамотѣ учить;
 Грамотка скоро даяся,
 Божье слово понялося.
 Сталъ Алексѣюшко на возрастѣ.

Что великій князь Бѣимьяне
 Со своей обрученной княгиней,
 По имени ея Аглаидой,
 Вздумалъ Алексѣюшка женити,
 И спросилъ князь Бѣимьяне:
 „Алексѣюшко, жениться не хошь-
 ли?“

Что предсталъ онъ предъ отцемъ,
 передъ матерью,
 Никакова отвѣта не давался,
 Онъ горючими слезами уливался,
 Шелковымъ платкомъ утирался.
 Запретали кареты златыя,
 Садилъ Алексѣюшка въ кареты,
 Чтобъ невѣсту княгиню выбирать.
 Нашли Алексѣюшку княгиню,
 По имени ея да Марія.
 Повезли Алексѣя ко церкви
 Со своей обрученной княгиней,
 На подножники ихъ становили,
 Златыя вѣнцы надѣвали,
 Да златымъ перстенемъ обручали.
 Повезли Алексѣюшка ко дому,
 За столы за дубовы садилъ,
 Сахарныя яства приносили.
 Великій князь Бѣимьяне

1) Записаны отъ Василя Слѣпого изъ деревни Наумовской, Двиницкой во-
 лости, Волог. у.

Говорилъ съ обрученной княгиней, И взмолился Алексій человекъ Божій:
 По имени ея Агладой: „Ты подай мнѣ, Господи, волосы
 „Что же ты сидишь, дитѣ, не весель, длинны;
 Буйну голову повѣсилъ? „Ты подай мнѣ, Господи, волосы
 Аль супруга тебѣ не по мысли, Шелкову браду мнѣ по поясъ!“
 Али яства сахарныя не по нраву?“ И пошелъ Алексѣюшко ко дому.
 Никакого отвѣта Алексій не давался, Подходилъ Алексѣюшко ко морю,
 Онъ горючими слезами уливался, Возмолился онъ Господу Богу:
 Онъ шелковымъ платкомъ утирался. „Создай мнѣ, Господи, съ берега
 „Такъ ты плачешь почто, чадо ми- погоду
 лое?“ Ко точному ко городу ко Рыму,
 Говорилъ Алексій отцу-матери, Ко царю честному, ко Анорью,
 „Все-то мнѣ, батюшка, по мысли, Ко великому князю Ефимьяну!“
 Все-то мнѣ, матушка, по нраву!“ Приходилъ Алексѣюшко ко Рыму,
 Повели Алексія во спальню. Восходилъ онъ во Рымъ во церковь
 Говорилъ Алексій своей да княгинѣ: И стоялъ Алексій на паперти.
 „Поколь шелковъ поясъ не распле- Великій князь Ефимьяне
 тется, Говорилъ своему чаду единому:
 Да перстень златой не распается, „Чей и откуда рабъ Божій?“
 Ты потолокъ меня не увидишь!“ — „Твоему Алексѣюшку братъ я,
 И пошелъ Алексій во дорогу. Въ одной насъ купецъ крещалъ,
 Подошелъ Алексій да ко морю, Во одной училищѣ мы учились.
 Возмолился онъ Господу Богу: Ты сострой мнѣ убогому келью
 „Ты создай, Господи, съ берега по- При своихъ очахъ ясныхъ
 году И при своемъ дворѣ!“
 Ко такому ко городу ко Адесту, Великій князь Ефимьяне
 Ко монастырю ко Бѣесту!“ Состроилъ убогому келью,
 Что ходилъ во Бѣестѣ онъ въ цер- И сталъ Алексій прибывать.
 говь, Онъ глядѣлъ на супругу свою на
 княгиню
 Становился на правую руку, Да горючими слезами уливался,
 Бажду субботу покаялся, Шелковымъ платкомъ утирался.
 Баждо воскресенье причащался. Питье-кушанье Алексію послали,
 Стала къ нему Богородица ходити. Питья-кушанья Алексію не хотѣ-
 „Ты почто, Алексѣюшко, рабъ Бо- лось.
 жій,
 Своихъ честныхъ да родителей спо- Принесли ему да помоевъ;
 кинулъ За длинны власы его слуги дерзали.
 И свою обрученну княгиню? Стала къ нему Мать Божья ходити:
 Пои же ты, Алексѣюшко, ко дому!“ — „Опиши, Алексій, свое похо-
 — „Пресвятая Богородица, Матерь жденье.
 Божья! Скоро съ небесъ сойдуть по душу
 твою
 Дома то меня очень узнають!“ Ангелы со златыми крылами
 — „Ты сходи-ка сначала въ лѣса во И унесутъ твою душу на небеса
 дремучи, Ко Христу-Богу на тѣлеса“.
 Возмолился тамъ Господу Богу!“ Попросилъ Алексій человекъ Божій

Грамотки бѣлой у служекъ.
 Описалъ Алексій свою плохую жизнь.
 Въ кельѣ Алексѣюшко нашъ померъ,
 По всему да по городу по Рыму
 Что пошелъ такой легкій духъ
 Со двора князя Фимьяна.
 Великій князь Фимьяне
 Со своей обрученной княгиней
 Подходили къ Алексію во келью,
 Изъ своихъ устовъ его кликали —
 Никакого отвѣта не давался.
 Погляди — у Алексія руки къ сердцу,
 Держить въ рукахъ рукопись;
 Никому письмо не давалось.
 Какъ пришли отецъ съ матерью,
 Разжались у Алексія руки бѣлыя.
 Великій князь Фимьяне
 Бралъ изъ рукъ у его рукопись
 И читалъ Фимьянъ горько плача:

„Ахъ, ты мое сладкое чадо,
 Что же ты мяѣ не сказался!“
 Бго же супруга княгиня
 Отпирала сундуки да дубовые:
 Поясъ шелковъ, глядь, распялся,
 Перстень златой распялся.
 Къ великому князю Фимьяну
 Приходили священницы съ пѣньемъ:
 — „Великій князь Фимьяне,
 У ты есть здѣсь святое тѣло“.
 Понесли Алексія во церковь,
 Что во церковь на погребенье.
 Не черезъ большое долгое время
 И супругу княгиню умолялъ съюды,
 Возмоляся онъ Господу Богу.
 Стали Алексію въ ноги кланяться:
 Прости насъ, Алексѣюшко, грѣш-
 ныхъ!

2. О Страшномъ Судѣ.

Полетите, полетите, Петры-Павлы,
 Апостольскіе богомольцы,
 Кирилловскіе чудотворцы,
 Къ самому ко Христу на небеса;
 Вы несите ключи золотые,
 Отпирайте рай вѣковые,
 Выбирайте душечекъ грѣшныхъ.
 Нѣтъ душечекъ той да спасенья,
 Коя душа согрѣшила:
 Младенца въ утробѣ потребила.
 Тутъ же течетъ рѣка огненная,
 Течетъ со востоку на западъ.
 Козьма-Дамьянъ со апостоломъ,
 Архангелъ Михаилъ со ангеломъ,
 Вышелъ Михаилъ на Сіонъ круту
 гору,
 Вострубилъ онъ въ трубу золотую,
 Возбудилъ онъ всѣхъ живыхъ и
 всѣхъ мертвыхъ:
 — „Вставайте, живые и всѣ мерт-
 вые,
 Праведныя души ко Господу лицомъ,
 Грѣшныя души ко упаду лицомъ,

Станеть судить васъ Христосъ
 Истинный:

„Ахъ, вы, грѣшныя душечки,
 Что же вы жили на бѣломъ-то свѣ-
 ту,

Жили—все свою волю творили,
 Ко Божіей ко церкви не ходили,
 Меня, Христа, не величали,
 Господнее служеніе не слышали,
 Воскресную заутреню просыпали.
 Небесное служеніе просыпали,
 Воскресную обѣдню проѣдали,
 Меня, Христа, прогнѣвили;
 У коровушки удойчикъ отнимали,
 Изъ квашни спорынью доставали.—
 Нѣтъ этой душечекъ спасенья.
 Босаго меча не обували,
 Нагаго меня не одѣвали,
 Отъ темныя ночи не предохраняли,—
 Подьте вы въ пропасти земляныя
 По васъ двери помы растворены,
 И смола—огонь припасены.“

— „Увы, Ты Господи Нашъ Мило-сердый,
 Прости насъ, Господи, грѣшныхъ!
 Были на вольномъ мы свѣтѣ,
 Сами себя утѣшали,
 Душу свою наслаждали,
 Во Господу Богу не угождали,
 Нищую братію не уважали“...
 Перевозить, переносить души грѣшныя.
 Принесли ко Господу души праведныя.

— „Ахъ, вы милые люди,
 Жили на вольномъ вы свѣтѣ,
 Въ темну темницу подавали,
 Меня, Христа, величали,

Воскресну заутреню не просыпали,
 Воскресную обѣдню не пробдали,
 Господу Богу вы угождали:
 Нагаго, босаго одѣвали,
 Отъ темныя ночи сохраняли,
 Темну темницу посѣщали.
 Ахъ, вы мои любимые дѣти,
 Жили вы на вольномъ-то свѣтѣ,
 Жили—мою волю творили,
 Самого Господа Бога любили,
 Божье чтанье предлагали,
 Изъ квашни спорыньи не доставали,
 Отъ коровушки удою не отымали,
 Большіе дни почитали,—
 Во Господу Богу приходите“.

Запис. П. А. Диланторскій.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

A. Vierkandt: Die Entstehungsgründe neuer Sitten. (Braunschweig, 1897, въ Festschrift d. Herz. Techn. Hochschule Carolo-Wilhelmina).

Небольшая статья г. Фиркандта имѣетъ задачей отвѣтить на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ науки этнографіи, именно объ основной причинѣ возникновенія новыхъ обычаевъ. При современномъ состояніи науки этнографіи ожидать рѣшающаго отвѣта на этотъ вопросъ быть можетъ еще преждевременно; но увеличивающійся съ каждымъ годомъ матеріалъ неизбежно приводитъ къ обобщеніямъ и заставляетъ изслѣдователей сталкиваться и съ указаннымъ вопросомъ и, если не рѣшать его окончательно, то по крайней мѣрѣ готовить матеріалы для его рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія статья г. Фиркандта заслуживаетъ полного вниманія. Авторъ вполне раздѣляетъ установившуюся въ настоящее время общую точку зрѣнія, что для сужденія объ общественныхъ или религіозныхъ установленіяхъ т. н. дикарей необходимо прежде всего быть правильно освѣдомленнымъ съ психологіей и культурныхъ расъ, и что многія ошибки прежнихъ изслѣдователей при объясненіи возникновенія обычаевъ объясняются именно недостаточной освѣдомленностью ихъ въ этомъ отношеніи; вслѣдствіе этого и происходило невольное приписыванье дикарямъ взглядовъ и ощущеній, доступныхъ лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи. Изученіе внутренняго міра дикарей приводитъ, по мнѣнію автора, къ утвержденію что абстрактнымъ, возвышеннымъ представленіямъ и побужденіямъ почти нѣтъ мѣста въ умѣ дикаря; побудительными причинами его дѣйствій какъ въ обыденной жизни такъ и при установленіи новой нормы въ общественной или религіозной жизни показываются соображенія практическія и притомъ лишь такія, результаты которыхъ наступаютъ быстро и вполне очевидны; въ этомъ отношеніи особенно выдающуюся роль слѣдуетъ отнести причинамъ экономическаго характера. Моральные побужденія начинаютъ играть роль лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, при чемъ „идеальныя“, какъ ихъ называетъ авторъ въ противоположность „практическимъ“, утилитарнымъ, соображенія выступаютъ часто только въ цѣляхъ поддержанія вымирающаго обычая, а не въ качествѣ творцовъ новаго. Несомнѣнно, что г. Фиркандтъ, отрицая роль „идеальныхъ“ побужденій, какъ фактора возникновенія новыхъ обычаевъ на

низшей стадіи цивилизаціи, впадаетъ въ крайность; но было-бы ошибочнымъ думать, что авторъ, выставляя на первое мѣсто утилитарныя соображенія и экономическія условія, всецѣло присоединяется къ теоріи экономического матеріализма, которая за послѣдніе годы проложила себѣ широкій путь и въ этнографическихъ трудахъ. Признавая вполне основательно всю пользу, внесенную этой теоріей для изученія исторіи возникновенія различныхъ обычаевъ у дикарей, авторъ справедливо отмѣчаетъ, что она одна окажется безсильной освѣтить источники возникновенія многихъ изъ нихъ. Онъ отводитъ повтому значительное мѣсто въ дѣлѣ образованія обычаевъ и религіознымъ представленіямъ, предупреждая однако отъ слишкомъ большого увлеченія принципомъ религіознымъ для объясненія причинъ возникновенія многихъ обычаевъ и институтовъ: онъ справедливо отмѣчаетъ односторонность ученыхъ, которые въ религіи ищутъ источникъ возникновенія чуть-ли не всѣхъ высшей жизни некультурныхъ группъ. Религія на низшихъ культурныхъ ступеняхъ вытекаетъ также изъ эгоистическихъ соображеній, но она приводитъ къ возникновенію учреждений, имѣющихъ цѣлью благо другихъ лицъ. Въ отведеніи религіозному фактору виднаго мѣста на ряду съ экономическимъ авторъ видитъ отлчіе своихъ взглядовъ отъ теоріи представителей матеріалистической философіи исторіи. Г. Фирландтъ приводитъ въ доказательство справедливости своего основнаго положенія рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, насколько должны были уступить прежніе взгляды передъ новымъ объясненіемъ возникновенія обычаевъ изъ утилитарныхъ и религіозныхъ основъ (искусство добыванія огня, орнаментъ, культъ мертвыхъ, происхожденіе языка и религіи, возникновеніе одежды, антропофагія, обычаи обрѣзанія, кувада и пр.). Выборъ примѣровъ впрочемъ не всегда удаченъ, и авторъ, какъ намъ кажется, нерѣдко принимаетъ одну изъ многочисленныхъ гипотезъ о причинахъ возникновенія того или иного института или изобрѣтенія за научно доказанное положеніе только оттого, что она стоитъ въ большемъ соотвѣтствіи съ его выводами (напр. происхожденіе обычая обрѣзанія изъ соображеній гигиеническихъ, религіи—изъ чувства страха, одежды—изъ стремленія защитити себя отъ вредныхъ условій, искусство орнаментации—исключительно изъ практически-религіозныхъ соображеній). Принятіе авторомъ на вѣру безъ достаточной критической оцѣнки нѣкоторыхъ еще спорныхъ гипотезъ, протеккающее вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія собственнымъ основнымъ положеніемъ, не подрываетъ, конечно, справедливости послѣдняго. Слѣдуетъ лишь имѣть въ виду, что отмѣчаемыя авторомъ двѣ главныя причины возникновенія новыхъ явленій въ жизни первобытныхъ народовъ не должны считаться единственными, и что изслѣдователямъ предстоитъ еще нелегкая задача отыскать и изучить вліаніе другихъ факторовъ, частью вовсе упущенныхъ изъ вида г. Фирландтомъ, частью не въ достаточной мѣрѣ обратившихъ на себя его вниманіе.

Н. Х.

Великоруссь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. *Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ.* Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Слб. 1898, 8°, XXVIII+376 стр. Ц. 3 р. ¹⁾.

1) Нашъ маститый этнографъ, не смотря на свои годы и недуги, проявляетъ по истинѣ изумительную энергію. Давно ли онъ выпустилъ въ свѣтъ одинъ за другимъ три обширныхъ тома бѣлорусскихъ этнографическихкихъ матеріаловъ (четвертый уже готовится имъ къ печати), и вотъ передъ нами, лежитъ начало великорусскаго сборника. По предположеніямъ издателя, за настоящимъ выпускомъ, содержащимъ пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, часть обрядовыхъ, должны послѣдовать: второй выпускъ I-го тома съ пѣснями свадебными и погребальными и второй томъ съ пѣснями историческими, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими и т. д. Въ дальнѣйшихъ томахъ издатель предполагаетъ помѣстить сказки, анекдоты, описаніе обрядовъ и обычаевъ. Если мы примемъ во вниманіе, что настоящій выпускъ занимаетъ около 400 страницъ въ два столбца мелкой печати, то мы будемъ уже въ состояніи представить и величину, и значеніе новаго труда П. В. Шейна.

П. В. Шейнъ принадлежитъ къ числу этнографовъ-сборателей особаго рода. Помимо того, что онъ самъ лично наблюдалъ народную жизнь великоруссовъ и бѣлоруссовъ, онъ многіе годы съ неослабной энергіей и настойчивостью отыскивалъ лицъ, стоящихъ близко къ народу, и побуждалъ ихъ собирать этнографическій матеріалъ. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на матеріалъ, сообщенный разными лицами Академіи Наукъ, Географическому Обществу въ Петербургѣ, Обществу Любителей Естествознанія въ Москвѣ, и оставшіяся неизданнымъ въ архивахъ этихъ учреждений, и получилъ значительную долю его въ свое распоряженіе. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ у него въ рукахъ оказалось обширное собраніе пѣсенъ, сказокъ и проч., которое ему пришлось привести въ порядокъ и до извѣстной степени обработать.

Главная трудность для издателя обширнаго сборника пѣсенъ—ихъ распредѣленіе. Конечно, можно избрать для изданія алфавитный порядокъ; но тогда варианты одной и той же пѣсни очутятся въ разныхъ мѣстахъ тома. Остается или руководиться содержаніемъ пѣсенъ, что дѣлаемъ мы въ нашихъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ и что совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, или основываться на народныхъ названіяхъ пѣсенъ и группировать ихъ по рубрикамъ: „хороводныя“, „протяжныя“ и т. д. П. В. Шейнъ распредѣляетъ пѣсни по названіямъ, не желая, какъ говоритъ онъ, „запутыванія и смѣшиванія родовъ и видовъ пѣсенъ“, и такимъ образомъ приписывая важное значеніе названіямъ. Къ сожалѣнію, онъ не сообщаетъ намъ, откуда взялись у него названія, иначе говоря: самъ ли онъ по своимъ соображеніямъ наименовалъ одну

¹⁾ Намъ присланы одновременно двѣ рецензіи означеннаго капитальнаго труда П. В. Шейна; такъ какъ онъ восполняютъ одна другую, то мы даемъ имъ мѣсто объёмъ рядомъ. *Ред.*

пѣсню „хороводную“, другую „бесѣдную“ и т. д., или же онъ находилъ каждый разъ эти названія въ тѣхъ записяхъ, которыя ему были доставлены.

По нашему мнѣнію, этнографу не приходится говорить о хороводѣ, о бесѣдѣ ¹⁾ и о „игрищахъ“, какъ о чемъ-то въ пѣсенномъ отношеніи совершенно обособленномъ. Большинство пѣсенъ, поющихя въ хороводѣ, поется и на бесѣдахъ, и на другихъ собраніяхъ деревенской молодежи, которыя бывають лѣтомъ и зимою по разнымъ случаямъ и въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, какое значеніе имѣеть существующее въ печатныхъ сборникахъ распределеніе пѣсенъ на „хороводныя“ и „бесѣдныя“: первыя—тѣ, которыя записаны собирателемъ лѣтомъ, при хороводѣ; вторыя—тѣ, которыя записаны имъ зимою, на бесѣдѣ. Большаго значенія этому распределенію нельзя придавать.

Но этого мало: нѣкоторое число пѣсенъ, тѣхъ, которыя поются на хороводахъ и на бесѣдахъ, поется также на свадьбахъ; почему иногда, записанныя вмѣстѣ съ настоящими свадебными, т. е. съ постоянно поющими на свадьбахъ, онѣ изданы собирателями подъ названіемъ „свадебныхъ“; еще большее число тѣхъ же пѣсенъ поется и въ одиночку, и хоромъ, въ обычныхъ собраніяхъ деревенской молодежи; онѣ нерѣдко изданы подъ названіемъ „проголосныхъ“, „голосовыхъ“, „протяжныхъ“, „устаяжныхъ“, „обыденныхъ“ и т. д.

Какъ читатель видитъ, распределеніе пѣсенъ по названіямъ представляетъ большія трудности. Сколько-нибудь ясныхъ признаковъ, по которымъ одну пѣсню можно свадить одною кличкою, другую другою, для большинства пѣсенъ не существуетъ.

Результаты этого невыгодно отражаются и на сборникѣ П. В. Шейна.

Оставляя въ сторонѣ „дѣтскія“ пѣсни, какъ не имѣющія значенія, ²⁾ остановимся на „хороводныхъ“. Почтенный издатель дѣлитъ ихъ 1) на „хороводныя наборныя“, которыми собирается хороводъ, 2) на „хороводныя игровыя“ и 3) на „хороводныя разборныя, или разводныя“, которыми оканчивается хороводъ.

По крайней мѣрѣ половина „хороводныхъ наборныхъ“ намъ известна также подъ именемъ бесѣдныхъ. Приведемъ примѣръ и возьмемъ бесѣдную пѣсню изъ сборничка хорошо освѣдомленнаго собирателя г. Попова (М. 1880) ³⁾:

Шейнъ, № 288:

Мимо рожицы дорожка пролегла.	Мнѣ на ручку золотъ перстень,
Знаю-вѣду, кто дорожку проложилъ—	На шеюшку ливантинный платокъ.
Холостой парень ко двѣшкамъ ходилъ,	Размолотыхъ молоденькѣй,
Много влата, много серебра носилъ.	Бери двѣшку хорошенькую!

¹⁾ Для избѣжанія недоразумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что подъ хороводомъ мы разумѣемъ лѣтнее собраніе молодежи, подъ бесѣдой—зимнее. О хороводахъ зимою, въ избахъ, мы ни отъ кого не слышали.

²⁾ Съ этимъ страннымъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. См. слѣдующую рецензію. *Ред.*

³⁾ Другіе примѣры см. въ нашихъ „Великорусск. нар. пѣсняхъ“.

Поповъ, стр. 194.

Мимо рощицы дороженька торна,	На бялую грудь персидску шаль ку-
Что торна, торна, пробита до дерна.	пиль,
Еще кто эту дороженьку торилъ?	На праву руку брильянтово кольцо.
Молодой парень ко дѣвицѣ ходилъ.	Они сходятся—клянутся,
Много злата, много серебра дарилъ,	А расходатся—дѣлуются.

Несомнѣнно, передъ нами два варианта одной и той же пѣсни, которые другъ отъ друга отличаются лишь послѣднимъ двустишіемъ.

Сверхъ того, намъ кажется, что часть пѣсней этого отдѣла отнесена къ нему издателемъ по какому-то недоразумѣнію. Именно, пѣсни съ окончаніями „Бери, дѣвица, молодца“, „Выбирай, парень, дѣвицу“ и т. п., не имѣютъ никакого отношенія къ „набору“ хоровода, а относятся къ началу многочисленныхъ игръ хоровода или бесѣды. Нѣсколько пѣсней, оканчивающихся упоминаніемъ о поцѣлѣуѣ (№№ 340, 346), не имѣютъ ни малѣйшаго права на названіе „хороводныхъ наборныхъ“ и принадлежать къ игровымъ хороводамъ или, чаще, бесѣдамъ.

Часть пѣсней „хороводныхъ игровыхъ“ намъ известна еще подъ именемъ „бесѣдныхъ“, „плясовыхъ“ и др. Ограничимся тремя примѣрами. Пѣсня №№ 415 и слѣд.—та самая, которая съ названіемъ „бесѣдной“ находится въ сборникѣ г. Попова, стр. 139; пѣсня №№ 460 и слѣд. издана въ нашемъ сборникѣ (II, № 457) съ отмѣткою: „плясовая“; пѣсня №№ 410 и сл. помѣщена тамъ же (II, №№ 365, 366) съ отмѣтками: „свадебная“ и „обыденная“.

О пѣсняхъ „хороводныхъ разборныхъ“ нѣтъ надобности распространяться. Большинство ихъ оканчивается упоминаніемъ о поцѣлѣуѣ, и это не „разборныя“ пѣсни, а игровыя хоровода или, чаще, бесѣды.

Слѣдующій отдѣлъ пѣсней у П. В. Шейна именуется „плясовыми“. Мы не признаемъ за подобнымъ отдѣломъ достаточныхъ правъ на существованіе, такъ какъ всѣ эти пѣсни поются на хороводахъ, бесѣдахъ и вообще собраніяхъ молодежи, и сопровожденіе ихъ пляской находится въ зависимости отъ мѣстнаго обычая: въ однихъ мѣстностяхъ подъ нихъ пляшутъ, въ другихъ нѣтъ.

Далѣе у П. В. Шейна отдѣлъ пѣсней „бесѣдныхъ“. Сюда отнесены всѣ тѣ пѣсни, которыя не вошли въ число „хороводныхъ“ и „плясовыхъ“, съ распредѣленіемъ *по содержанію* на „любовныя“, „семейныя“, „юмористическія“. Здѣсь и „бесѣдныя“ пѣсни другихъ сборниковъ, и „прогосныя“, и такія, какъ пѣсня о Ванькѣ Ключникѣ, или пѣсня объ убійствѣ мужемъ жены по ложному обвиненію, во всякомъ случаѣ часть этого отдѣла такія пѣсни, которыя въ веселой „бесѣдѣ“ поются развѣ случайно.

Отдѣлъ „обрядовыхъ“ пѣсней, завершающій настоящій выпускъ труда П. В. Шейна, представляетъ смѣсь пѣсней дѣйствительно обрядовыхъ (колядныхъ, подблюдныхъ и т. д.) съ пѣснями, попавшими въ число обрядовыхъ, вѣроятно, случайно. Здѣсь же рядъ игровыхъ пѣсней, которыя въ другихъ сборникахъ обыкновенно находятся между хоровод-

ными, и которымъ болѣе подходящее мѣсто было бы въ отдѣлѣ „хороводныхъ игровыхъ“.

Итакъ, распредѣленіе пѣсенъ по рубрикамъ, сдѣланное П. В. Шейномъ, въ виду указанныхъ условій оказывается не всегда удачнымъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого одна пѣсня помѣщена даже въ двухъ разныхъ отдѣлахъ (№ 309 и 492).

Огромное большинство изданныхъ въ настоящемъ выпускѣ пѣсенъ не внушаетъ никакихъ подозрѣній въ подлинности. Изъ меньшинства № 833: „Спится мнѣ младшенькѣ, дремлется, клонитъ мою головушку на подушечку“ взять изъ поэмы Некрасова; это во всякомъ случаѣ подправленная поэтомъ народная пѣсня. №№ 537, 538—извѣстная когда-то „цыганская“ (т. е. сочиненная для цыганъ) пѣсня: „Не будите меня молодую“, № 539 „Шла Машенька изъ лѣсошка“, также старая цыганская пѣсня; объ № 611 должно сказать то же (это—„Ахъ, какъ всѣ мужья до женъ добры, покупали женамъ черные бобры“); объ № 759, кажется, нельзя сомнѣваться, что это искусственная пѣсня XVIII в.; изъ ряда вариантовъ пѣсни о Ванькѣ Ключникѣ №№ 882, 884, 885—искусственная передѣлка народной пѣсни, очень распространенная въ народѣ.

Тексты пѣсенъ изданъ не такъ исправно, какъ было бы желательно. Изъ отмѣченнаго нами при обглomъ чтеніи уважемъ для примѣра на почеславѣе, № 576, вм. почеславѣе; умывалася горячими слезами, № 691, вм. горячки слезми; укладная коса, № 765, вм. укладная. Издатель старался мѣстами сохранять особенности мѣстныхъ говоровъ въ текстахъ, но мы не можемъ вполне довѣрять напримѣръ, формамъ неопр. накл. молотиле, будите въ № 617 (сильно акающей говорѣ), и ѣ въ №№ 621, 634, 690, 733 и друг., поставленному П. В. Шейномъ тамъ, гдѣ должно быть простое *у*.

О высокомъ достоинствѣ и значеніи изданія П. В. Шейна мы не будемъ говорить: оно хорошо извѣстно интересующимся русскою народною поэзіею уже по тѣмъ его частямъ, которыя въ разные годы были напечатаны въ „Чтеніяхъ“ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

А. Соболевскій.

2) Весь великорусскій сборникъ уважаемаго П. В. Шейна, задуманный на два объемистыхъ тома, представить не только цѣнный вкладъ въ науку, но и лучшую книгу для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ жизнью великорусскаго народа. Уже по первому выпуску 1-го тома можно себѣ представить достаточно ясно несомнѣнные достоинства почтеннаго труда, на которомъ лежитъ печать многолѣтней и вполне, можно сказать, просвѣщенной дѣятельности собирателя; не случайно собиралъ онъ матеріалы въ продолженіе чуть ли не 40 лѣтъ и не случайно выпускалъ ихъ въ свѣтъ,—собираніе было одною изъ главныхъ задачъ многотрудной жизни П. В. Шейна, а каждая возможность представить собранное на судъ публики—однимъ изъ лучшихъ утѣшеній. Такое напри-

женное стремление всѣхъ помысловъ и чувствъ въ одну сторону, повторыю, благотворно отразилось на матеріалахъ: собиратель всегда имѣлъ въ виду, во-первыхъ, опредѣленную цѣль, во-вторыхъ, наибольшую полноту собранія и, въ-третьихъ, наилучшее ихъ объединеніе и общей идеей, и системой; наконецъ, самые способы, которые предоставлялись ему для достиженія цѣли, имъ взвѣшивались всегда добросовѣстно. Поэтому и мы, оцѣнивъ лежащій передъ нами трудъ П. В. Шейна, постараемся указать, что полезнаго далъ объемистый сборникъ во всѣхъ упомянутыхъ выше отношеніяхъ.

П. В. Шейнъ задался цѣлью дать матеріалъ для изученія быта и творчества великорусскаго (въ данномъ случаѣ) племени. Разные пути ведутъ къ этой цѣли: одни скорѣе, другіе тише, одни поверхностнѣй, другіе существеннѣй. Въ *принципѣ*, уже высказанномъ нами и раньше, мы стоимъ за тотъ путь, который къ цѣли ведетъ тише, но существеннѣй: это—путь составленія сборника по возможности полнаго для каждаго уголка, для каждаго района изучаемой мѣстности, въ своей частичной полнотѣ постепеннодвигающагося и къ полнотѣ общей, т. е. для всей мѣстности, въ которой живетъ изучаемая народность. Для науки такіе сборники существенно-необходимы, и безъ нихъ никогда не достигнетъ она вполне точныхъ результатовъ. Но кто не знаетъ, какъ трудно достигнимо точное изученіе въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, когда скромныя матеріальныя издержки, дѣлаемые сейчасъ для науки, такъ далеки отъ выполненія ея широкихъ задачъ? Благоразумнѣе тотъ, кто имѣетъ это въ виду, кто понимаетъ, что, пока придется пора осуществленію большаго дѣла, дѣло это можетъ исчезнуть, не оставивъ и того, что возможно теперь въ размѣрахъ скромныхъ. Такъ и г. Шейнъ, признавая научную цѣнность „областныхъ“, какъ онъ называетъ, сборниковъ, знаетъ въ то же время, что и нелегкое составленіе сборника общаго отвѣчаетъ потребностямъ времени, и вотъ почему: *о* великорусскомъ племени приходится всеже такъ или иначе судить, хотя бы въ общихъ чертахъ; судить аргюггг невозможно, судить по одному-двумъ „областнымъ“ сборникамъ—ошибка уже противъ основныхъ законовъ логическихъ; наоборотъ, судить по сборнику общему, дающему главныя характерныя черты предмета, можно безопасно, такъ какъ въ предѣлахъ вопросовъ общаго свойства въ сборникѣ будетъ вполне соответствующій матеріалъ. А ужъ и это большой шагъ къ прогрессу знаній, потому что общія (т. е. основныя) идеи даютъ направленіе, безъ котораго не удастся очень часто никакое преслѣдованіе деталей. Въ этомъ смыслѣ сборникъ П. В. Шейна обѣщаетъ быть богатымъ источникомъ для ученыхъ всякихъ специальностей, смежныхъ съ этнографіей, а также однимъ изъ лучшихъ изданій для образованной публики.

Безъ сомнѣнія, трудно работать на большомъ пространствѣ разселенія великоруссовъ, хотя бы и 40 лѣтъ, одному, не упуская изъ виду полноты собранія. Въ этомъ случаѣ всѣ тѣ способы, которые обязательны при собраніи „областномъ“ (въ вышеуказанномъ смыслѣ), не могутъ быть обязательны при составленіи сборника общаго характера.

П. В. Шейнъ, работая лично, обращался еще и за содѣйствіемъ ко всевозможнаго рода сотрудникамъ. Ничего предосудительнаго нельзя усмотрѣть въ этомъ для сборника не „областнаго“. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ въ своихъ основныхъ характерныхъ чертахъ доступенъ пониманію и очень мало образованныхъ людей, а какая-либо рѣдкая филологическая тонкость, хотя бы и подмѣченная собирателемъ въ одномъ-двухъ случаяхъ, все равно не дастъ лингвисту права вводить ее въ круговоротъ изучаемыхъ явленій языка, такъ какъ при детальномъ изученіи эти тонкости могутъ оказаться простой случайностью. Такимъ образомъ, вполне будетъ достаточно, если сборникъ не „областной“ сохранить языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ это ему доступно. Кстати замѣтимъ, что мы никакъ не понимаемъ той крайности, въ которую впадаетъ г. Будде въ своей рецензіи на этотъ же трудъ П. В. Шейна ¹⁾: г. Е. Будде требуетъ отъ сборника или всего, или ничего. Всего (въ отношеніи языка) можно и слѣдуетъ требовать отъ сборника областного, ничего не требовать ни отъ какого сборника не слѣдуетъ. Но вернемся къ дѣлу. Итакъ, факты языка, въ извѣстномъ видѣ, доступны не-специалисту; не менѣе доступно ему и все остальное, что составляетъ предметъ сборника: и сюжетъ пѣсни, сказки, и формы обряда, и сущность вѣрованій, и бытовое значеніе всего этого и тому подобнаго въ народѣ. Вотъ почему мы не можемъ свысока окинуть презрительнымъ взоромъ достойныхъ уваженія сотрудниковъ П. В. Шейна и послать имъ тысячу упрековъ за ихъ мнимое свойство только искажать и не знать ²⁾. Наконецъ, самое знакомство этихъ сотрудниковъ съ П. В. Шейномъ (намъ удавалось это лично слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ) способно было внушить одно только искреннее стремленіе къ правдивости и вѣрности.

Съ большою признательностью слѣдуетъ отнестись къ собирателю и за полноту настоящаго изданія, ради которой не ослабѣвала его энергія не только въ продолженіе многихъ лѣтъ собирательской дѣятельности, но и теперь, когда уже въ почтенномъ возрастѣ и при слабомъ здоровьѣ П. В. рѣшилъ и всѣ прежніе свои великорусскіе сборники (сдѣлавшіеся библиографической рѣдкостью) свести воедино, несмотря на то, что его же приготовленные къ печати солидные фоліанты, еще не видѣвшіе свѣта, ждутъ очереди. Все это придаетъ настоящему изданію характеръ труда капитальнаго, что очень не часто бываетъ въ русской ученой литературѣ.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить и общую идею, которою руководился П. В. Шейнъ при составленіи своего труда, это—дать матеріалъ для изученія жизни и характера великорусскаго племени во всей его бытовой обстановкѣ. Въ связи съ этой идеей выработалась у составителя и система расположенія матеріала. Опять и здѣсь видимъ полнѣйшую последовательность и рациональность. Въ самомъ дѣлѣ, задайся авторъ другой идеей, напр., идеей эволюціи художественныхъ формъ пѣсеннаго и

¹⁾ Учен. Зап. Имп. Каз. Univ. 1898 кн. 5—6. Критика, стр. 16.

²⁾ Ред. г. Будде.

сказоваго творчества, или идей выдѣлить самобытныя и несамобытныя черты въ обрядахъ, творчествѣ и внѣшней бытѣ племени,—тогда эти идеи не помирились бы съ прежде-намѣченной цѣлью: для этого недостаточно было бы изучить одну великорусскую народность, пришлось бы имѣть дѣло и съ общей этнографіей,—задача, которая, какъ извѣстно, еще далека отъ разрѣшенія въ настоящее время. Наоборотъ, дать характеристику великоруссовъ и ихъ жизни въ объективной картинѣ сборника—задача и возможная, и очень благодарная. Съ ней, судя по разбираемому выпуску, собиратель справляется вполне успѣшно.

Какъ уже сказано, идея характеристики легла въ основу и системы расположенія матеріала: собиратель раскрываетъ передъ нами картину за картиной изъ жизни великорусса отъ колыбелѣ до могилы,—пріемъ, какъ извѣстно, и лучшихъ художниковъ-балетристовъ, дающихъ намъ такіе психологическіе типы, вѣрность которыхъ подтверждается потомъ и научнымъ анализомъ. И здѣсь поэтому видимъ, что, если бы, при всѣхъ прочихъ свойствахъ сборника, собиратель взялъ иную систему, онъ ошибся бы, нарушивъ бы единство своего коллекціоннаго произведенія и соразмѣрность его логическихъ свойствъ. Въ настоящее же время сборникъ представляетъ для того весьма удобный матеріалъ. I-й томъ посвященъ пѣснямъ; II-ой сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ и прочему матеріалу. I-ый выпускъ I го тома содержитъ отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ жизни въ семьѣ и къ интересамъ, съ нею связаннымъ, „въ предѣлахъ своего роднаго уголка“; во 2-ой выпускъ войдутъ пѣсни, въ которыхъ высказывается уже постепенно переходъ этой личной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ своего родимаго гнѣзда на болѣе широкій путь жизни общественной, государственной и исторической.

Предоставляемъ тѣмъ, кто интересуется великорусской народностью, самимъ вникнуть въ достоинство представленнаго въ I-омъ вып. пѣсеннаго матеріала (1283 №№), здѣсь же обратимъ особенное вниманіе на пѣсни дѣтскія, которымъ многіе изслѣдователи придавали такое большое значеніе ¹⁾ и которыя у П. В. Шейна представлены въ количествѣ 285 номеровъ ²⁾. Далѣе идутъ пѣсни хороводныя (наборныя, игровыя, разборныя), плясовыя, бесѣдныя (любовныя, семейныя, юмористическія, сатирическія, скоморошныя и пародіи), обрядовыя, праздничныя: святочные, игрища, игра игуменъ, подблюдныя, игрища въ Вятской губ., ма-сляничныя, веснянки, пѣсни волочесбниковъ, вознесенскія, троицкія и духовскія, „Бострома“, толочныя и живыныя).

Что касается возможныхъ погрѣшностей въ отношеніи пѣсенъ по рубрикамъ: хороводныя, плясовыя, бесѣдныя и т. п., то не придаемъ этимъ погрѣшностямъ сколько-нибудь важнаго значенія, такъ какъ еще никакая система не установила этихъ рубрикъ въ опредѣленныхъ при-

¹⁾ Срв., напр., статью г. Ветухова въ „Этногр. Обзорніи“, кн. XII, XIII, XV

²⁾ О нихъ въ своей рецензіи и г. Будде говорить, что это — „единственное пока болѣе или менѣе полное собраніе“. См. Уч. Зап. Имп. Каз. Ун-ва. 1898, кн. 5—6, критика, стр. 14.

знакахъ, а потому для сборника, не преслѣдующаго въ своей идеѣ эволюціи пѣсенныхъ формъ, достаточно и того, что онъ старается по возможности группировать матеріалъ и въ этомъ отношеніи систематично. Скажемъ больше: мы убѣждены, что сейчасъ ни одинъ специалистъ не опредѣлитъ съ научной доказательностью, послѣ какихъ, напр., фазъ эволюціи и чѣмъ должна явиться теперь хороводная пѣсня; слишкомъ ужъ много фактовъ унесло отъ насъ время, и слишкомъ большія пропасти положило оно между оригиналомъ первобытныхъ временъ и искаженной копіей нашихъ дней. А между тѣмъ нѣкоторые люди ужъ говорятъ, что П. В. Шейнъ не перешелъ этихъ пропастей, ну и, конечно, спѣшать заявить свое „не одобряю!“ Придетъ время, когда взвѣсятъ скудность теперешнихъ научныхъ и матеріальныхъ средствъ по достоинству и не пошлютъ своего упрека труженикамъ за то, что они трудились.

Вл. В.

Простонародныя загадки. *Собралъ въ Витебской губерніи*. Н. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1898.—33 стр.

Новый трудъ энергичнаго дѣятеля на почвѣ бѣлорусской этнографіи тѣсно примыкаетъ къ его предшествующимъ трудамъ, которые доставили ему почетную извѣстность въ ряду изслѣдователей-сборителей памятниковъ народнаго творчества и быта. На страницахъ „Этн. Обзоръ“ уже не разъ были отмѣчены основныя качества его трудовъ и указаны собирательскіе приемы, и потому мы не будемъ касаться ихъ въ настоящей замѣткѣ, а прямо перейдемъ къ матеріалу, предлагаемому сборникомъ.

Въ предисловіи Н. Я. Никифоровскій высказываетъ справедливое мнѣніе о томъ, что этнографы-сборители не вполне основательно печатали пословицы и загадки вмѣстѣ и смѣшивали, такимъ образомъ, далеко не совѣмъ однородный матеріалъ. „Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что въ почтенныхъ сборникахъ загадки занимаютъ положеніе, сходное со строительной конопаткою, т. е. ими замѣщаются щели сборниковъ; между тѣмъ загадки стоятъ лучшей участи и, будучи суммированы даже изъ перечисленныхъ сборниковъ, даютъ замѣтное число, чуть-ли не тысячу загадокъ,—что за вычетомъ повторяющихся въ томъ и другомъ сборникѣ, могло бы составить отдѣльный сборникъ бѣлорусскихъ загадокъ.“ Собраніе загадокъ собирателя является и въ данномъ случаѣ первой и безусловно удачной попыткой.

Далѣе собиратель излагаетъ свой взглядъ на загадку, ея значеніе, строгіе и т. д. Это сразу вводитъ въ матеріалъ сборника и заинтересовываетъ популярнаго читателя, на котораго, очевидно, и рассчитаны объясненія собирателя. Въ наукѣ этотъ вопросъ почти не разработанъ, если не считать двухъ-трехъ работъ, представлявшихъ собой попытку уяснить мнѳологическую сторону загадки, въ связи съ пословицами и др. произведеніями народнаго творчества. Среди загадокъ собиратель отмѣчаетъ нѣсколько библейскихъ—объ Адамѣ, Енохѣ, Иліи, Св. Дѣвѣ, о Лазарѣ. „Въ то же время не лишне имѣть въ виду, что съ расшире-

нѣмъ народнаго кругозора, при такомъ или многомъ доступѣ къ предметамъ внѣ его обиходности, послѣдніе послужили кое-какъ темою загадокъ (самоваръ, чугушка, телеграфъ, и др.); но отъ такихъ загадокъ не вѣсть обаянїемъ простоты, нѣтъ въ нихъ истиннаго „складу—ладу“, а скорѣе какая-то профанация предмета, неудавшаяся попытка пропѣть новую пѣсню на старинный ладъ“.

Первый отдѣлъ сборника составляютъ загадки на „предметы духовные и религиозно-чтимые“; многія изъ нихъ характерны для міросозерцанія витеблянъ, напр.: у мясныхъ горнѣшки зялѣво кипиць (душа), или: стоиць мора ны пяцѣхъ стывбахъ (выраженіе души въ пяти чувствахъ). За первымъ отдѣломъ слѣдуютъ далѣе: II. Человѣкъ и части его тѣла; дѣйствія человѣка. III. Пища и питье; здѣсь интересна загадка на чай: возьмишь—черно, налѣешь—горко; панъ кричиць: „сладко!“ мужикъ кричиць: „гадко!“—IV. Одежда и обувь.—V. Строепія и части ихъ.—VI. Мебель и утварь.—VII. Упражные предметы и земледѣльческія орудія.—VIII. Животныя.—IX. Растенія; минералы; стихи.—X. Явленія природы; небесныя тѣла; времена года и дня. Всего 532 загадки, включая и тѣ, которыя обозначены сплошными точками, — ихъ можно было бы и вовсе не отмѣчать. Въ концѣ помѣщены объясненія нѣкоторыхъ словъ и выраженій.

Къ недостаткамъ сборника относится неточность нѣкоторыхъ выраженій въ оговоркахъ собирателя относительно принятой имъ транскрипціи, которую онъ называетъ „сводной фонетичной простонароднаго въ губерніи говора“ и его объясненія относительно повторяющихся въ сборникѣ загадокъ, которыя „являются прежде всего вариантами одна другой изъ удаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ“, что, при отсутствіи топографическихъ указаній, особаго значенія не имѣетъ. Различныя отгадки къ загадкамъ, вполне тождественнымъ по формѣ, едва ли вызываютъ необходимость перепечатки послѣднихъ и могли бы быть напечатаны рядомъ, въ другомъ же отдѣлѣ, куда относится вторая отгадка, достаточно было бы простой ссылки.

По сравненію съ достоинствомъ сборника указанныя погрѣшности незначительны, и мы отъ души приветствуемъ появленіе въ печати новаго этнографическаго труда Н. Я. Никифоровскаго и желаемъ ему вполне заслуженнаго успѣха.

Евг. Ликій.

L'Année sociologique, publiée sous la direction d'Émile Durkheim; I, 1896—1897. (Paris, 1898. 8-o, стр. VII + 563).

Новое изданіе, появляющееся подъ приведеннымъ заглавіемъ и имѣющее выходить въ свѣтъ ежегодно, преслѣдуетъ двойную цѣль: разработку отдѣльныхъ социологическихъ вопросовъ и главнымъ образомъ составленіе ежегодныхъ библиографическихъ обзоровъ работъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ социології. Современное состояніе науки социології дѣлаетъ появленіе подобнаго изданія не только желательнымъ, но и необходимымъ. Количество работъ, посвященныхъ

соціологія въ тѣсномъ значеніи этого слова, не велико сравнительно съ массой трудовъ, въ которыхъ разрабатываются вопросы, хотя и не входящіе непосредственно въ область изслѣдованія соціологовъ, но необходимые послѣднимъ для пріобрѣтенія матеріала для научныхъ выводовъ и построеній; слѣдить за этими работами, касающимися самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, написанными на разныхъ языкахъ, представляется нелегкой задачей для специалиста-соціолога; *L'année sociologique* имѣетъ цѣлью облегчить эту задачу и путемъ ознакомленія съ текущей литературой, интересной для соціолога, стремится не только расширить кругозоръ специалиста, но и содѣйствовать новой наукѣ, выработать для себя предѣльныя границы, естественно шаткія вслѣдствіе новизны самой науки.

Первый выпускъ новаго изданія раздѣленъ соотвѣтственно съ задачей изданія на два неравныхъ отдѣла: одинъ посвященъ двумъ интереснымъ статьямъ, принадлежащимъ Э. Дюрхейму (*La prohibition de l'inceste et ses origines.*) и г. Зиммелью (*Comment les formes sociales se maintiennent*); второй значительно болѣе обширный отдѣлъ содержитъ обстоятельную библіографію и критическія статьи о работахъ по соціологіи и сопредѣльнымъ съ нею наукамъ, вышедшимъ въ свѣтъ съ 1-го Іюля 1896 года по 3-е Іюня 1897 г.

Изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ 1-мъ отдѣлѣ, для этнографіи имѣетъ особое значеніе статья г. Дюрхейма, поднимающаго одинъ изъ крайне интересныхъ, но не рѣшенныхъ еще вопросовъ права и нравственности первобытныхъ группъ, именно, вопросъ о причинахъ запрещенія кровосмѣсительства. Авторъ основательно видитъ первое проявленіе этого рода запретовъ въ правилѣ экзогаміи и ставитъ вопросъ о происхожденіи послѣдней. Г. Дюрхейма не удовлетворяютъ существующія объясненія появленія экзогаміи; онъ не безъ основанія критикуетъ ихъ и старается найти источникъ ея возникновенія въ религіозныхъ представленіяхъ первобытныхъ расъ: въ общихъ анимистическихъ представленіяхъ и въ частности въ тотемизмѣ, приводящемъ къ установленіямъ запретительно-религіознаго характера (*табу*), авторъ находитъ ту общую почву, на которой могли возникнуть и запрещенія брачныхъ узъ между лицами, принадлежащими къ одному и тому-же тотемическому союзу. Женщина въ періодъ очищеній становилась *табу*, такъ какъ въ этомъ періодѣ всякое прикосновеніе къ ней должно было считаться опаснымъ: она выдѣляла часть себя, часть той жизненной силы, которая была разлита въ ней; а эта жизненная сила, по представленіямъ тотемизма, одна и та же у людей и у ихъ тотема. Какое-нибудь, хотя-бы невольное, оскорбленіе тотема грозитъ вредными послѣдствіями оскорбителю, и лица, принадлежація къ данному тотемическому союзу, изъ страха передъ возможной обидой тотема, выдѣляемаго женщиной, должны были избѣгать послѣднихъ; естественное слѣдствіе примитивныхъ вѣровацій—это избѣганіе женщинъ—впослѣдствіи обратилось въ общее установленіе, запрещающее браки между лицами одного тотемическаго рода. Запрещеніе это не могло возникнуть въ отношеніи къ женщинамъ другихъ родовъ, такъ какъ тотемъ другого, чуждаго рода не возбуждаетъ

ни страха, ни уваженія среди чужеродцевъ. Таково въ основномъ мнѣніе г. Дюрхейма о происхожденіи экзогаміи; это положеніе авторъ доказываетъ большимъ количествомъ примѣровъ, подобранныхъ имъ, впрочемъ не всегда съ достаточнымъ критическимъ отношеніемъ, изъ быта разнообразныхъ некультурныхъ народовъ. Мы не думаемъ, чтобы авторъ рѣшилъ правильно поставленный имъ вопросъ объ источникѣ экзогаміи; рѣшеніе его, очевидно, предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ, но путь, избранный авторомъ къ отысканію источника экзогаміи, кажется намъ правильнымъ. Экзогамія покинута у первобытныхъ народовъ на религиозной основѣ и въ первобытной религіи, повидимому, слѣдуетъ естественнѣе всего искать ключъ къ объясненію этого института.

Болѣе $\frac{4}{5}$ частей перваго выпуска новаго изданія заняты библиографіей. Зная значеніе выводовъ науки этнографіи для социологическихъ построеній, нельзя удивляться, что въ библиографическомъ отдѣлѣ отведено чрезвычайно обширное мѣсто трудамъ, разрабатывающимъ вопросы этнографіи, и въ особенности работамъ по первобытнымъ вѣрованіямъ и первобытному праву. Относительно всѣхъ болѣе крупныхъ работъ читатель встрѣтитъ въ *Année sociologique* чрезвычайно обстоятельные отчеты, дающіе полную возможность познакомиться съ точкой зрѣнія и основными положеніями авторовъ; въ этомъ заключается главная цѣль которую преслѣдовала редакція новаго изданія, но одновременно въ этихъ отчетахъ, позволяющихъ не специалисту составить себѣ понятіе о движеніи науки по интересующимъ социолога вопросамъ, читатель встрѣтитъ и критическую оцѣнку разбираемыхъ трудовъ. Цѣль редакціи прійти на помощь социологамъ и облегчить имъ возможность слѣдить за литературой, но, несомнѣнно, что *l'Année sociologique* явится и необходимымъ подспорьемъ представителямъ другихъ отраслей знанія и въ частности этнографамъ, даже если послѣдніе были бы совершенно чужды вопросамъ социологіи.

Н. X.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Архангельскія Епарх. Вѣд. 1898. 4—6, 9. *Свящ. Михайловъ*. „Поѣздка на Югорскій шаръ. (Изъ дневника священника)“ —Статья рисуесть, хотя и поверхностно, религиозное состояніе самоѣдовъ-христіанъ; есть свѣдѣнія и по семейному ихъ быту.—7. *Ею же*. О расколѣ на Печорѣ.

Вятскія Губ. Вѣд. 1898. 3—5, 7. *Верещанинъ*. „Святочные гаданья у крестьянъ Вятской губ.“—8 *П. С.-левъ*. „Изъ жизни черемисъ“ (повѣрья).—9—10. „Вятскіе праздники“ („Окаяшка“, „Герберъ“, „Почи-Герберъ“ и „Выльджукъ“).—11—13. *Дураковъ*. „Слободской уѣздъ въ кустарномъ отношеніи“.—22—23. *Кабардинъ*. Изъ исторіи сближенія вотяковъ съ русскими (Извлеченіе изъ труда того же автора „Вотяки и Мултанское дѣло“, печатавшася въ газетѣ „Народъ“ съ конца 1897 года).—24—25. *Ею же*. „Переходъ вотяковъ въ православіе. (Извлеченіе изъ того же труда).—26—27. *Свящ. Алек. З.-евъ*. „Вотяки“.

Витебскія Губ. Вѣд. 1898.—5. Нелюдими на о. Цейлонѣ. (Изслѣд. Гейгера).—7. Японскій обычай при сватовствѣ—9—10. *А. П.-ко*. Замойжанскій кирмашъ, бѣлорусскій эскизъ. (Приведенъ стихъ о Лазарѣ).—11—12. *Н. Я. Н.* На почвѣ простоты вѣры; бытовая картинка.—14. Разн. изв. Калымъ.—(Изъ „Екатерины. Вѣд.“).—16. Вліяніе русскихъ на латышей въ доѣмецкую эпоху. (Изслѣдованіе Кейслера въ трудахъ „Lettische Littegarische Gesellschaft, изъ „Спб. Вѣд.“)—34. Два слова о кулачныхъ бояхъ. 36. Погребальные обряды цыганъ (замѣтка о нѣмецкихъ цыганахъ).—42. Праздникъ весны въ Китаѣ. — 44. Пасхальные яйца. (Изъ „Прав. Вѣст.“) - Знахарство и колдовство въ Малорос. (Изъ „Полт. Губ. Вѣд.“)—56. Врачи цадики (еврейскіе знахари).—66. Библиографія: Гелльвальдъ, Исторія культуры, т. I. 1898.—71. Могилевъ. Находка монетъ въ Черейской волости Сѣнчанскаго у.—Священныя купальни въ Индіи.—76. *Н. В.* Цыгане (небольшой очеркъ)—76—78. *А. П.-ко*. Дѣды, этнограф. очеркъ изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ. (Описаніе извѣтнаго праздника „Дядювъ“).—80. Парикъ катакомбы—83. Библиографія: „Этн. Обзор“. кн. XXXV.—88. *Н. Я. Н.* Библиограф.: Ляцкія, Матеріалы для изученія творч. и быта бѣлорусс., I.

Костромскія Губ. Вѣд. 1898. 20—31. *Бекеревичъ*. О раскопкахъ древнихъ кургановъ въ Костромской губ. (нѣкоторыя данныя по Мерянской культурѣ; прод. слѣд).

Листокъ (духовный журналъ въ Угварѣ). 1897.—10. Къ вопросу о нашемъ письменномъ языкѣ.—16. Проданная жена.—19. Археологич. открытіе въ Палестинѣ (карта Палестины и Н Египта, изъ „Revue Biblique“)—22. *М. П. ий*. Король Магашъ, хорватское преданіе. (Стихотвореніе).—*Прибавл. (Додатокъ)*—12. Духовныя сокровища народной мудрости. Отношеніе къ людямъ. (Русскія пословицы).—24. Русскія колядки (изъ Марамороша).

Московскія Вѣдомости. 1898. — 64. Жемчугъ. (Изъ „Münchener Allgemeine Zeitung“). — 81. Возстановленіе термъ Тита. Кулачные бои. Сибирскіе шаманы. — 97. Знахарство и колдовство въ Малороссіи (изъ „Полт. Губ. Вѣд.“) — 99. Библиограф.: Словарь рускаго языка, II т., вып. 1. Новый некрополь (на мѣс. Карсагена; изъ „Science pour tous“) — 100. Гнѣздо мумій (изъ Times). — 105. Дрез. счетъ портяго (2,800 г. въ г. Нипшуръ, въ Халдеѣ). — 106. Свящ. купальни въ Индіи. — 114. Отрав стрѣлы (у дик. нар.) — 129. Раскопки на о. Миловъ („Standart“). — 242. Жертвоприношеніе въ Китаѣ. — 212. Замѣтка о пѣсвенной экспедиціи И. Р. Географическаго Общества. — 243. Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. („Народъ“, № 509). — Раскопки чудскихъ костищъ. (— Пермскія Губ. Вѣд.“) — Испанское суевѣріе (будто бы драгонъ камни приносятъ несчастія). — 248. В. И-ва. Археологич. находка (могила XII — XIII вв.). — 250. *И изъ* Откуда получила начало легенда о Тангейзерѣ. (По изслѣдованіямъ Г. Пари въ „Revue de Paris“, дек. 1897 и март. 1898).

Прибалтійскій Листокъ. 1897. 267. Ч. *Вятринскій*. Въ сѣверо-восточной глуши. (Впечатлѣнія и замѣтки). За рябчикомъ. 1898. — 28. Кіевскій у. (суевѣріе воровъ относ. мертвой руки). — 35 Р-къ. Это-латышская масленица. — 42. Пермская губ. Ужасное суевѣріе (средство укротить мужа — напоить водой съ трупа). — 51. Дневникъ печати о суевѣріяхъ крестьянъ Ревельскаго у. (изъ „Besti Post.“) — 95. Тюменскій округъ. Нечистая сила. 114. По Россіи. Кіевъ. Археологич. находка: серебряныя украшенія княжеской эпохи. — 121. Дубно. Обрядъ снятия башмака съ ноги деверя — „халица“, у евреевъ (изъ „К. Сл.“). — 135. Ч. *Вятринскій*. Въ с.-в. глуши. У ключика (впечатлѣнія и замѣтки; приведены 2 дух. стиха) — 136. П. С. Ивановъ день у латышей. — 138 — 139. День Ивана-Купалы въ народной жизни и повѣрьяхъ (Изъ „В. Дн.“). — 140. Петровъ день въ народныхъ сказаніяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и примѣтахъ. (Изъ „Пр. В.“) — 158. Илья-пророкъ — въ народѣ (оттуда же). — 169. Первый Спасъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ. (Изъ „Пр. В.“).

Тульскія Губ. Вѣд. 1897. — 63. Судебная хроника. Разрытіе и поруганіе могилы. (Одинъ солдатъ, чтобы разбогатѣть, досталъ руку мертвеца. Изъ „С. Д.“ перепеч. въ „Прибалт. Листкѣ“, № 88, Лодзь.) — 236. Немпоровъ. Историческая находка. (Польскія монеты 16 и 17 вв.). — 239. Громовыя стрѣлки, изъ статьи Ю. Яворскаго въ „Кіевской Старинѣ“ („П. В.“) — 243. — 244. Свадебные обычаи крещеныхъ татаръ Уфимской губ. (Займств. изъ „Извѣстій общ. Арх., Ист. и Этн.“ при Казанск. универс.) — 118. Вліяніе цивилизаціи на типъ данной расы. (Изъ „L'Illustration“). — 131. Королевство Сіамъ. (Историко-этнографическій очеркъ). (Изъ „Народа“) — 134. Сіамъ и его король. — 145 — 148. Свящ. В. *Ивановскій*. Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губ. и ихъ удѣльныхъ князей. — 153 — 156. А. И. *Фирсовъ*. По Окѣ (путевыя замѣтки). — 165 — 167. Ф. М. Изъ прошлаго г. Тулы (по книгѣ: Матеріалы къ статистикѣ Россійской имперіи 1841). 165 — 166. П. *Л-овъ*. Поѣздка на курганы (археологич. раскопки Т. Т. и Н. М. В-чей).

167. Причины лудоѣдства. („Journal des Debats“) — 177. Кто изобрѣлъ дождевой зонтикъ? — 193. Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани. О хлыстовской сектѣ. — 201. Историч. ходъ развитія ручного огнестрѣльнаго оружія (изъ лекціи *Крылова*). Психологія лудоѣдства. 203. С. В. Памяти В. И. Даля. 222. Сіамская кухня (изъ „Figuaro“). — 235. Замѣчательные рецепты (рукопись до 1815 г., изъ „Дона“). 253. Рождественскій гусь въ Англіи. — 259. Изъ печати (о кулачныхъ бояхъ). 261. Невольничій рынокъ на Мароккскомъ берегу.

1898. — 12. Открытіе могилы Озириса. (Въ „Моск. Вѣд. это сообщено кратко въ № 75.) — 53. Изъ прошлаго. Пѣтушныя бои (изъ „Рус. Листка“) — 43. — 44. В. Х. Развалины города Пальмиры — 27. Изъ печати. Сдѣлка относительно продажи жены. — Внутр. изв. Суевѣріе воровъ

о мертвой человѣческой рукѣ).—36. *Иссогъ*. Карнаваль.—93. Людоѣдство въ Конгскомъ штатѣ.—107. Японскій обычай при сватовствѣ.—109. Кіевъ (находка украшеній княжеской эпохи).—114. *Крутовскій*. О людоѣдствѣ въ Тавовскомъ краѣ (изъ „Сибирской Жизни“).—121. *Н. Троицкій*. Городище при с. Порѣчьѣ Одоев. у. Тул. губ.

Тверскія Губ. Вѣд. 1898.—40. Объ открытіи 28 февраля Тверскаго О-ва любителей археологій, исторіи и естествознанія.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1898.—1363. Смѣсь. Двойное погребеніе испанскихъ королей. (Изъ „Гражд.“).—1366. Старинныя названія русскихъ городовъ и урочищъ въ связи съ нашей исторіей и этнографіей. („Русск. Инв.“).—1372. *А. Ковалевскій*. Страница изъ исторіи запорожскаго казачества (дѣло 1759 г.)—1381. Открытіе въ Египтѣ гробницы Озириса („Правит. Вѣст.“)—1393. Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ (1878—1898). („Прав. Вѣст.“).—1396. Обоеніе (у культурныхъ народовъ и дикарей, изъ „Прав. Вѣст.“)—1403. Жемчугъ.—Находка въ области христіанской археологій (изображеніе Голгофы, изъ „Нов. Врем.“)—1404. Библиогр. изв.: Энгельгардтъ, Русскій Сѣверъ. („Правит. Вѣст.“)—1405. Рисунокъ распятія въ бывшемъ дворцѣ Тиверія (изъ „Правит. Вѣст.“, по статьѣ *Ораціо Марукки*).—1406. Библиогр. изв.: *Теинеръ*. Фритіофъ, скандинавскій витязь, перев. Я. Грота.—1412.—1415. *П. І. Иловайскій*. Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ.—1423. Библиограф. изв.: В. Н. Модестовъ, О происхожденіи сиколовъ (изъ „Нов. Врем.“)—1505. Казни въ Китаѣ (закапываніе живо въ землю, по сообщенію Питона).—1511. Раскопки въ Коринѣѣ.

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1898.—17. Праздники древонасажденія. Обычай въ день Благовѣщенія выпускать птицъ на свободу. Обычай евреевъ въ Пасху.—18. Праздникъ Кущей. Церемоніи, отправляемыя евреями при новолуніи.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Асенаріусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи, съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сврякова, и рисун. А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Изд. 5-е А. Д. Ступина. Москва, 1898. 8°.

Александровъ, А. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Оттискъ изъ журнала „Дѣятель“. Изданіе Казанскаго Общества трезвости. Казань. 1897. 8.

Ашмаринъ, Н. И. Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Ч. I. Ученіе о звукахъ. Ч. II. Ученіе о формахъ. Казань. 1898, 8°, 392 стр. (Оттискъ изъ „Учен. Запис. И. Казан. унив.“).

Бигдай, А. Пѣсни Кубанскихъ казаковъ для одного голоса и хора съ аккомп. ф.-п. Матеріалы къ изученію кубанскаго казачьяго войска. Изд. Кубан. стат. комитета къ 200-лѣтн. юбилею войска. Вып. 1—8. 1897. 8°.

Буслаевъ, Ѡ. И. Мои воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. В. Г. Фоявъ-Бооля. Москва. 1897. 8°.

Варпаховскій, Н. А. Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. I. Орудія рыболовства и продукты рыбнаго промысла. Первый отчетъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по командировкѣ въ 1895—1896 г. для изслѣдованія западно-сибирскаго рыболовства. СПб. 1898. 8°.

Воскресенскій, С. Нашъ городъ Симбирскъ на Волгѣ. Самара. 1897.

Гельвальдъ Фр., фонъ. („Полезная Библіотека“). Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго 4-го нѣмецкаго изд. Вып. I, II. изд. Н. П. Софкина. Безплатное прилож. къ жур. „Природа и люди“. СПб. 1897. 8°.

Гернесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Переводъ съ нѣм., съ предисл. и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. 2-е изд. ред. журн. „Образованіе“. СПб. 1898. 8°.

Грушецкій. Колдуны и вѣдьмы. Очерки народныхъ суевѣрій. Москва. 1898. 16°, 71 стр.

Кампфмейеръ, П. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Перев. съ нѣм. А. М. Гердъ, подъ ред. П. Струве. Изд. ред. журн. „Образованіе“. СПб. 1898. 8°.

Каневскій, М. Ѡ. Историческія свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной—вселенской и въ частности русской церквяхъ, съ добавленіемъ... организаціи пѣвческаго хора. Нижній-Новгородъ. 1897. 8°.

Катановъ, Н. Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими, по сказкамъ, записаннымъ Н. Ѡ. Катановымъ и И. П. Рогановичемъ. Казань. 1897. 8.

Катановъ, Н. Ѡ. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сент. 1896 г. въ Минусинскій округъ Енисейской губ. (Оттискъ изъ „Уч. Запис. И. Казан. унив.“ за 1897 г.). Казань. 1897.

Книги Писцовыя Рязанскаго края. Подъ редакціей члена Комиссіи В. Н. Сторосжега. I. Изд. Ряз. Учен. Архивн. Ком. Рязань. 1898.

Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизація. Съ прил. карты Китая, Японіи и Кореи. Изд. 2-е кн. склада Н. Аскарханова. СПб. 1898. 8°.

Красновъ, А. Н. Изъ колыбели цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. СПб. 1898. 8^о.

Кузнецовъ, И. А. Прошлое Ростова. Очерки по исторіи города Ростова на Дону. Изд. Высоч. утв. Донскаго акціон. общ. печатнаго и издательскаго дѣла въ Ростовѣ на Дону. Ростовъ н. Д. 1897.

Маіорановъ, П., свящ. О вредѣ деревенскихъ посидѣлокъ. Москва. 1898.

Микола, І. А. Къ изученію кашубскихъ говоровъ. I. Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи. (Оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русс. яз. и словесности И. Акад. Наукъ“. Т. II 1897 г., кн. 2-я стр. 400—428). СПб. 1897. 8^о.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Населеніе, экономической, государственной и сословной строй. Ч. II. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). 2-е изд. ред. журн. „Мірѣ Божіа“. СПб. 1896—97. 8^о.

Назаровъ, Е. Историко-статистич. очеркъ Талецкаго островка, нынѣ сельца Тальца (Елецк. у. Орл. г.). М. 1898. 16^о.

Осаный, Н. Сербія и сербы. (Георг. обзоръ. Историч. очеркъ. Статистика и этнографія. Литература. Военн. силы. Прил.: сербы въ Турціи, сербы въ Австріи, Боснія и Герцоговина, Черногорія). Съ картою СПб. 1898. 8^о.

Островскій, Д. Н. Путеводитель по сѣверу Россіи. Изд. Товарищ. Архангельско-Мурманскаго пароходства. СПб. 1898. 8^о.

Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. Новое дополненное изданіе Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Москва. 1898.

Разказы о разныхъ странахъ и народахъ. Изданіе О. Н. Поговой. СПб. 1898, 8^о.

1) Страна восходящаго солнца. Разказы о японцахъ. *Д. И. Шрейдеръ*.

2) Якутскіе разказы. *В. Сырошевскаго* (Сирко).

Реклю, Элизѣ. Земля и люди. Всеобщая географія. 19 томовъ въ 10 книгахъ. Удешевл. иллюстр. изданіе Т-ва Общественная польза. СПб. 1897—98.

Ремезовъ М. Н. Въ Закавказьѣ. Отрывки изъ воспоминаній. Тифлисъ 1897.

Рущій, Петръ. Къ оазамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Рига. 1898, 8^о.

Сборникъ статей учениковъ проф. барона Викт. Ром. Розена ко дню 25-лѣтія его первой лекціи 13 ноября 1872—1897. СПб. 1897. 8^о 363 стр. (Можно отмѣтить статьи: *В. Бартольда*, Хафиз-Абру и его сочиненія, — къ топографіи Средней Азіи; *Н. Катанова*, Примѣты и повѣрья турковъ Китайскаго Туркестана, касающіяся явленій природы; *Н. Марра*, Хитовъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянь, грузинъ, сирійцевъ, и др.)

Словарь Киркизско-русскій. Оренбургъ 1897. 8^о.

Сперанскій, С. В. Къ исторіи нищенства въ Россіи. (Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Благотворительности“). СПб. 1897.

Филевскій, П. П. Исторія города Таганрога. Составлено въ память 200-лѣтняго юбилея города 1698—1898. Изд. на средства города. Москва. 1898. 8^о.

Чернова, А. А. (женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. СПб. 1898, 8^о.

Щевченко Красногорскій, И. Отъ Каспія до Аму Дарьи. Очеркъ съ 14 рис. въ текстѣ (Извлеч. изъ газеты „Міровые Отголоски“, 1897 г. №№ 52, 58, 65, 79, 100, 127 и 146). СПб. 1897.

Щенинъ, В. П. Пѣсни разныхъ народовъ: албанцевъ, арабовъ, армянь, грековъ, грузинъ, евреевъ, зырянъ, индійцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, литовцевъ, персовъ, поляковъ, португальцевъ, сербовъ, татаръ, турокъ, французовъ, цыганъ, черкесовъ, черногорцевъ, чеховъ, шведовъ и другихъ. Москва. 1898 8^о.

Эспинась, А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии, съ прибавленіемъ краткой исторіи социологии. Переведъ съ франц. Ф. Павленковъ. 2-е пересмотрѣнное изданіе Ф. Павленкова. СПб. 1898 8^о.

Bełza Stan. W Kraju tysiąca jezior. Z podróży i przechadzek po Finlandyi. Wydanie 2. Warszawa—Kraków-Petersburg. 1897. 8^о.

Bełza Stan. W stolicy padyszacha. Wrażenia z podróży do Konstantynopola. Warszawa, 1898

Bibliotheca Buddhica. Cikshasamuccaya. A compendium of buddhistic teaching compiled by Santideva Chiefly from earlier Mahayana-sutras. Edited by C Bendall, professor of sanscrit, university, college, London. St. Petersburg 1897. 8^о.

Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь Ив. Вас. Помяловскаго, проф. СПБ-скаго университета, къ 30-лѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности отъ учениковъ и слушателей. СПб. 1897. 8^о 224 стр.; съ портретомъ юбиляра. (Слѣдуетъ отмѣтить статьи; *Х. М. Лопарева*. Животный совѣтъ во всеобщей литературѣ; *Ө. Д. Батомикова*. Происхождение Гомеровскаго вопроса во франц. литературѣ XVII в.; *Ө. А. Брауна*, о 'Υλαία и 'Αυλλεως ἄρμος (о границахъ Польска по Геродоту и др.); *Ив. Жданова*, Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ: „Стихи о 12 мѣсяцахъ“ и „Аврамовица“; *Р. Х. Ленера*, Богъ Пявъ, и др.).

Dla sierot. Książka zbiorowa wydana staraniem Lubelskiego Towarzystwa dobroczynności r. 1897. Warszawa 1897. 8^о. (Заслуживаютъ вниманія статьи: *Gust. Dolinski*, Złe, Próbką gwary ludowej w Lubelskiem; *Z. A. K.* Ziemia i księżyc w pojęciachъ ludu; *Władysław Olechnowicz*, Część światła w dziejachъ przedhistorycznychъ Lubelskiego; *K. S.* Z życia brodiągów; *K. S.* Z dalekiego wschodu).

Krzywicki, Ludwik. Kurs systematyczny antropologii I. Rasy fizyczne. Warszawa. 1897. 8^о.

Majewski, Erazm. Drobne prace i notatki z dziedziny archeologii pszedhistorycznej i etnografii Warszawa 1897 r. 8^о.

Merz, Iohn Theodore. A history of European thought in the nineteenth century Vol. I. Introduction. Scientific thought, part. I. Edinburgh and London. 1896. 8^о

Verdun, Paul. Le diable dans la vie-des Saints T. I. Du X au XIV siècle. T. II. Du XV au XVIII. Paris-Lyon 1897. 2 voll.

Wissendorff H. Materien zur Etnographie des lettischen Volksstammes des Witebskischen governements. Eine kritische Beleuchtung. Mitau. 1897.

Вопросы и отвѣты.

Собіраніе пословицъ, загадокъ, заговоровъ и пр.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи Пав. Коост. Симои обратился къ намъ съ просьбою напечатать въ нашемъ изданіи его обращеніе къ читателямъ съ приглашеніемъ сообщать матеріалы для подготавлиаемаго имъ къ печати обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (свозу) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, вариантами и параллелями—какъ книжныхъ, такъ въ особенно-сти простонародныхъ. Предлагаемая имъ программа, въ главной своей части, гласитъ слѣдующее:

1. Предлагаются записывать изъ устъ встрѣчающіяся въ рѣчи, особенно простолюдинскъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.:

а) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшливаго содержанія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, инверсахъ, инородцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія притчи и вообще пословичныя изрѣченія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.

б) чистоговорки (частоговорки), скороговорки, присказки, прибаутки, прибаўтки, пустобайки, приговорки, пустоговорки, побасенки, побасѣнки, байки,—также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики), выкрикиванія, напр. ямщиковъ, сбятенщиковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванія торговцевъ, бавыщиковъ, балаганщиковъ и проч.

в) острые и замысловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.

г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, бранныя (или крѣпкія) слова и выраженія ¹⁾.

д) мѣткія (красныя) словца, небылицы („небылыя слова“), иносказанія, сравненія, обиняки, прозвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прозванія, величанія и похвалыбы и проч. ¹⁾.

е) пожеланія застольныя, задравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п.,—поминальныя, заупокойныя и т. д.

ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акростики и другія забавы и шутки подобнаго же рода.

з) заговоры, заклятія, заклинанія, нашепты, нашептыванія и т. д.

и) словоолкованія и примѣты.

к) земледѣльческія и пастушьи примѣты и гаданія. Названія народныхъ мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праадники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просятъ съ точнымъ соотраженіемъ выговора и непременно надъ каждымъ словомъ отмѣчать удареніе, съ обозначеніемъ отъ кого и гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч., съ объясненіемъ смысла и значенія отдѣльныхъ выраженій, а также происхожденія или даже зарожденія каждой пословицы.

¹⁾ Просятъ вообще не стѣсняться сообщеніемъ оразъ и словъ, хотя бы и несовмѣстимыхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятіями о приличіи и неприличіи, такъ какъ у народа на этотъ счетъ свои понятія.

3. Помимо личныхъ записей могутъ быть высылаемы и старыя рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками и т. п., если таковыя найдутся; онѣ могутъ быть куплены, — иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будутъ возвращены.

4. Особенно интересны всѣ свѣдѣнія, касающіяся употребленія и распространенія вышеуказанныхъ видовъ народнаго творчества, напр.: какое сословіе, какой полъ и возрастъ лицъ чаще пользуются пословицами, загадками и проч.? нѣтъ ли особыхъ любителей и специалистовъ этого дѣла, или не сохранилась ли память о прежнихъ сказочникахъ, бахряхъ, скоморохахъ, потѣшникахъ? въ какое время года, при какой обстановкѣ чаще всего говорятся загадки, пословицы, совершаются гаданія и пр.? нѣтъ ли особыхъ игръ, связанныхъ съ этимъ?

5. Просить не стѣсняться количествомъ и качествомъ присылаемаго матеріала, не заботиться о литературной обработкѣ, только писать разборчивѣе.

Отвѣты на предлагаемые вопросы можно направлять черезъ редакцію „Этнографическаго Обзорнія“ или адресовать въ С.-Петербургъ Павлу Константиновичу Симиону, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

Извѣстія и замѣтки.

Объ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. ктекшимъ лѣтомъ отправлялись въ командировку съ научною цѣлью слѣдующіе члены Отдѣла.

- Г. И. Куликовскій—въ Архангельскую, Олонецкую и Московскую губ.
- А. В. Марковъ—въ Олонецкую и Архангельскую губ.
- Н. М. Мендельсонъ—въ Рязанскую губ.
- А. С. Хахановъ—въ Тифлисскую и Кутаисскую губ.
- В. М. Халатовъ—въ Эриванскую губ. и Карскую обл.
- А. А. Семеновъ—въ Самаркандскую, Ферганскую и Бухарскую обл.
- С. И. Киселевъ—въ Иркутскую губ.

Кромѣ того, интересные матеріалы собраны въ теченіе лѣта и доставлены въ Отдѣлъ посторонними лицами, а именно: И. Я. Антуфьевымъ и С. И. Чистяковымъ изъ Томской и Енисейской губ., А. М. Германомъ и С. П. Олферьевымъ—изъ Симбирской и Пензенской губ., Т. А. Лебедискимъ—изъ Уфимской губ., Н. Д. Масляковымъ—изъ Томской губ., Л. Ф. Масляковичемъ—изъ Енисейской губ., Б. В. Миллеромъ—изъ Терской и Кубанской обл. и С. С. Саббатаевымъ—изъ Акмолинской и Тургайской обл.

Въ Петербургѣ каяземъ В. Н. Тенишевымъ основано *этнографическое бюро*, имѣющее цѣлью собраніе всевозможнаго этнографическаго матеріала, преимущественно въ районѣ центральныхъ губерній Россіи. Имъ же надана программа изслѣдованій, въ основаніе которой положена программа Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. При разсылкѣ программы кн. Тенишевъ обращается къ своимъ сотрудникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„М. Г.! Задавшись цѣлью освѣтить наиболѣе полно и всесторонне еще темную во всѣхъ отношеніяхъ область жизни и быта великорусскаго населенія и тѣмъ восполнить пробѣлы, существующіе по сему предмету въ нашей этнографической литературѣ, я надать программу для собранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральныхъ губерній Россіи. Серьезность намѣченной задачи не оставляетъ сомнѣнія, что выполненіе ея можетъ зависѣть только отъ благосклоннаго вниманія лицъ,

поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управленія и призванныхъ руководить народною жизнью, и отъ удачнаго подбора сотрудниковъ, могущихъ принять на себя обязанности по сообщенію этнографическихъ свѣдѣній.

Расчитывая на благосклонное вниманіе съ Вашей стороны, я питаю надежду, что Вы, Милостивый Государь, въ интересахъ этого дѣла, значеніе котораго понятно каждому, интересующемуся званіемъ своей родины, не откажете въ Вашемъ содѣйствіи по приглашенію способныхъ и знающихъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лицъ, болѣе или менѣе Вамъ извѣстныхъ и близко стоящихъ къ населенію" и пр.

Условія сотрудничества въ Бюро изложены въ особомъ циркулярѣ, который высылается желающимъ вмѣстѣ съ программой. (Адр.: С.Пб. Галерная, № 13).

„Извѣстія книж. магаз. Т-ва М. О. Вольфъ“ (1898, № 5, 1 февр.) сообщаютъ, что кн. Тенишевъ къ предстоящей въ 1900 г. всемірной выставкѣ въ Парижѣ готовить роскошное изданіе по этнографіи Россіи; расходъ по изданію будто бы достигнетъ полумилліона рублей.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„Эминскаго Этнографическаго Сборника“.

Комиссія изданій Высочайше утвержденнаго этнографическаго фонда имени тайн. сов. Н. О. Эмина при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, въ Москвѣ, доводитъ до свѣдѣнія специалистовъ и вообще интересующихся этимъ вопросомъ лицъ, что съ текущаго года она приступаетъ къ изданію сборниковъ по армянской этнографіи подъ общимъ заглавіемъ „*Эминскаго Этнографическаго Сборника*“.

Согласно § 3 Высочайше утв. Положенія объ Эминскомъ этнографическомъ фондѣ, статьи и отдѣльныя сочиненія, входящія въ составъ „Сборника“, должны имѣть научное значеніе и относиться къ армянской этнографіи въ широкомъ значеніи этого слова, слѣдовательно и къ вѣрованіямъ, древностямъ и исторіи Арменіи, равно какъ и къ армянскому языку, устной и письменной литературѣ, искусствамъ. Печатаемые на средства фонда труды должны быть написаны преимущественно на армянскомъ языкѣ, но могутъ быть издаваемы и сочиненія на русскомъ языкѣ, представляющія особенный научный интересъ.

Помимо статей и изслѣдованій, въ „Сборникѣ“ имѣется въ виду библиографическій отдѣлъ, на который комиссіей будетъ обращено особенное вниманіе. Въ качествѣ пособія или руководства для занимающихся армянской этнографіей будутъ помѣщаться въ „Сборникѣ“ также статьи и изслѣдованія изъ всеобщей этнографической литературы въ армянскомъ переводѣ.

Присланные въ редакцію труды въ видѣ матеріаловъ, статей, изслѣдованій по армянской этнографіи печатаются въ „Сборникѣ“ за подписью ихъ авторовъ. Въ видѣ вознагражденія авторамъ предлагаются отписки ихъ трудовъ въ 25—50 экз. или одинъ выпускъ „Сборника“ по ихъ выбору. За статьи болѣе 4 печатн. листовъ редакция предлагаетъ отъ 50 до 150 отписокъ въ видѣ отдѣльной книги, съ предоставленіемъ автору права продажи въ свою пользу. Взаимны отписокъ авторы могутъ получать книги изъ изданій Эминскаго фонда и сочиненія самого Эмина по соглашенію съ редакціею.

„Эминскій Этнографическій Сборникъ“ будетъ выходить отдѣльными томами, по возможности разъ въ годъ и чаще, подъ редакціей профессора Лазаревскаго Института Григ. Абр. Халатянца.

Адресъ: Москва, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ, въ редакцію „Эминскаго Этнографическаго Сборника.“